СРЫВ БЛИЦКРИГА

Трудное начало

К июню 1941 г. Вторая мировая война, втянув в свою орбиту около тридцати государств, вплотную подошла к границам Советского Союза. На Западе не оказалось силы, которая могла бы остановить армию нацистской Германии, к тому времени оккупировавшую уже двенадцать европейских государств.

Вечером 21 июня начальнику Генерального штаба генералу Г. К. Жукову позвонил начальник штаба Киевского особого военного округа генерал М. А. Пуркаев и сообщил о немецком перебежчике, утверждавшем, что германские войска занимают исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Г. К. Жуков доложил об этом наркому обороны С. К. Тимошенко и И. В. Сталину. Вызванные в Кремль С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков представили проект директивы о приведении войск западных приграничных округов (Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского) в боевую готовность. Но И. В. Сталин все еще колебался. Только поздним вечером, после получения шифровки одного из резидентов советской разведки, который сообщал, что война, скорее всего, начнется этой ночью, И. В. Сталин, дополнив представленный проект директивы пунктом о том, чтобы войска ни в коем случае не поддавались на возможные провокации, разрешил направить ее в округа. Ее передача закончилась в половине первого ночи, когда до нападения оставалось около трех часов.

Директива предупреждала командующих войсками военных округов о возможном в течение 22–23 июня нападении агрессора и требовала в полной боевой готовности встретить «внезапный удар немцев или их союзников». С этой целью было приказано: в ночь на 22 июня скрытно занять на границе огневые точки укрепленных районов; к рассвету рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию и замаскировать ее; войска рассредоточить; противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава, а города и объекты подготовить к затемнению. Проведение каких-либо других мероприятий без особого на то разрешения директива, получившая номер 1, категорически запрещала[1].

Директива № 1 отличалась от плана приведения войск в боевую готовность на случай войны, который имелся во всех военных округах. Его выполнение должно было осуществляться на основе короткой шифротелеграммы: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», смысл которой был известен всем командующим, командирам и начальникам штабов. Вместо этого в войска ушло многословное, неконкретное распоряжение с двусмысленным требованием — не поддаваться на провокации. Шифрование и передача громоздкого документа закончились только в полпервого ночи, а на весь длинный путь от Генерального штаба

до округов, а оттуда к армиям, корпусам и дивизиям ушло более четырех часов драгоценного времени. Большинство соединений и частей приграничных округов к началу нападения противника приказ так и не получили, а потому и не были подняты по боевой тревоге.

Рано утром 22 июня Германия без объявления войны напала на СССР, обрушив шквал огня и металла. С началом нападения Германии на нашу страну взоры народов СССР обратились к Красной армии — надежде и опоре Советского государства. Ожидали, что она даст быстрый и достойный ответ захватчикам, но этого не случилось. Произошло обратное: войска вермахта глубоко врезались в пределы СССР, поставили страну и армию на грань катастрофы. Началось фашистское нашествие. Советский народ вступил в войну, ставшую Великой Отечественной. В то время, летом 1941 г., советско-германский фронт стал единственным в континентальной Европе сухопутным фронтом от Баренцева до Черного моря. Этот фронт стал главным во Второй мировой войне и до самого крушения Третьего рейха в 1945 г. играл решающую роль в разгроме армий фашистского блока, внес наибольший вклад в победу народов мира над гитлеровским злом.

Вторжение германских войск на советскую территорию ранним утром 22 июня 1941 г. стало началом несправедливой, захватнической, грабительской и истребительной войны со стороны нацистской Германии, ее европейских союзников и сателлитов против Советского Союза, его народов. Это был акт заранее спланированной и тщательно подготовленной агрессии. По своему характеру война против СССР стала самой ожесточенной и несправедливой, самой разрушительной и кровопролитной в истории человечества. Это было предопределено геополитическими, социально-политическими и военными целями, которые преследовал нацистский агрессор в ходе Второй мировой войны, развязанной им 1 сентября 1939 г. Нападение на Советский Союз показало, что они стали еще более несправедливыми и антигуманными. Начав истребительную войну против Советского Союза, его народов и культуры, нацистская Германия де-факто объявила истребительную войну и всей человеческой цивилизации.

В сложившихся условиях начавшаяся война со стороны Советского Союза была не просто ответной и вынужденной — это была война за национальное выживание. В своем выступлении по Всесоюзному радио 22 июня заместитель председателя СНК и народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сказал: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу»[2]. Слушавшие его миллионы людей знали: это их мысли, их чувства, их цель. Уже в первый день войны поэт В. Лебедев-Кумач, осознав трагизм происходящего, нашел самые точные, идущие от сердца слова, отлившиеся в стихотворение «Священная война»[3]. Оно стало, по сути, военным гимном для всех, кто поднялся на войну против фашизма, прозвучало набатом к тяжкой, кровопролитной борьбе во имя победы.

Песня (музыку написал композитор Б. Александров) в метафоричной форме раскрыла суть Великой Отечественной войны, ее историческое предназначение. Чуть позже характер начавшейся войны был сформулирован председателем ГКО И. В. Сталиным в речи, произнесенной 3 июля 1941 г. по радио: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт наро-

дов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[4].

Война была охарактеризована как Великая Отечественная. Это обусловливалось масштабностью выпавших испытаний, необходимостью колоссального напряжения сил во имя сохранения суверенитета и территориальной целостности СССР, возможности для советского народа самостоятельно решать свою историческую судьбу. В условиях, когда иноземное нашествие угрожало самому существованию нашей страны, нашего народа, на первый план выдвинулись патриотические, национально-государственные интересы.

Советский народ ответил на агрессию Отечественной войной и потому, что он раньше других осознал опасность, исходящую от фашизма. Цели Великой Отечественной войны выражали интересы народов Советского Союза в первую очередь, но одновременно и интересы народов других стран, всего человечества. Сами они своей предпосылкой имели материальную и духовную основу в советском обществе и тогдашнем мире.

Война была названа всенародной. Это означало, что в силу ее тотального, всеобъемлющего характера никто не сможет остаться от нее в стороне. В этой войне стиралась граница между фронтом и тылом. Каждый, где бы он ни находился, в меру сил должен был внести свой вклад в победу. В дальнейшем это как нельзя более точно выразил лозунг «Все для фронта, все для победы!».

Агрессивной, захватнической войне Советский Союз противопоставил войну справедливую, освободительную. Ее цели состояли: в ликвидации опасности порабощения, нависшей над нашей страной, освобождении захваченных врагом территорий и проживающего на них населения, сохранении целостности и независимости государства; в оказании помощи народам Европы, оказавшимся под фашистским сапогом; в спасении человеческой цивилизации от варварства и разрушения. Несмотря на политическую разнородность движения Сопротивления в различных европейских странах, значительная их часть стала связывать свои надежды с Советским Союзом, поскольку его политические цели в войне выражали жизненные интересы не только народов нашей страны, но и народов других стран, что становилось объективной предпосылкой для будущего всенародного освободительного характера войны. Народы Советского Союза и Европы объединились на антинацистской основе.

Война носила также межформационный характер. Агрессия Германии против СССР стала проявлением извечного противостояния западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, взаимного неприятия и непонимания различных по своей сути духовно-религиозных ценностей и образа жизни. Именно поэтому нацистские лидеры не ограничивали свои задачи лишь оккупацией территории Советского Союза, порабощением его населения и истощением его материальных ресурсов, но и намеревались ликвидировать многовековую российскую государственность, уничтожить целые народы.

Своевременное и точное определение преступного характера фашистской агрессии против Советского Союза, с одной стороны, и справедливого характера ответной Отечественной войны против нацистской Германии и ее союзников, с другой, а также осознание этого факта нашим народом сыграли огромную роль в борьбе с фашизмом и победе над ним. Советские люди поняли: опасность велика, зло сильно. С первых минут войны появились убитые и раненые как среди воинов Красной армии, так и среди мирного населения. Варварскому разрушению подверглись города, села, промышленные предприятия, культурные учреждения. И чем дальше в глубь нашей страны шло это зло, тем тяжелее были утраты. Советский народ не мог смириться и не смирился. На силу он ответил силой, своей справедливой войной. Это был единый осознанный ответ и политического руководства, и многонационального народа. Из двух реальных возможностей развития событий — сдаться на милость агрессору или воспротивиться вооруженному насилию, вступить в смертельную битву — была избрана вторая. Этот выбор обусловливался историей Российского государства, его народов. Он — результат многовековой борьбы народов за создание самостоятельного, независимого Российского государства, многих национальных и отечественных войн по его защите. Всякий раз, когда над Россией нависала опасность, когда агрессор вторгался на ее

территорию в целях захвата и покорения, российский народ поднимался на бескомпромиссную борьбу с врагом.

Если говорить о военно-стратегической стороне Великой Отечественной войны, то она отличалась сложным и во многом новаторским характером. Противник в начале войны владел стратегической инициативой и опытом ведения современных боевых действий. Против СССР была брошена колоссальная по силе военная мощь. Германия вела войну нового типа — механизированную и высокоманевренную. Война моторов — это определение раскрывает одну из главных черт Великой Отечественной и всей Второй мировой войны в целом. Однако методы использования военной техники и оружия в армиях воюющих стран были различными. Войну отличали большой размах развернувшихся военных действий, высокие темпы и динамизм сражений.

В начале войны обстановка на фронте складывалась чрезвычайно тяжелая, порой трагическая. Недостатки в качественном состоянии армии, ее подготовке, просчеты политического руководства страны в приведении войск в боевую готовность дали о себе знать сразу же с началом войны.

Война застала войска Ленинградского военного округа (14, 7 и 23-я армии), которым командовал генерал М. М. Попов, в пунктах дислокации мирного времени. Округ, прикрывавший государственную границу с Финляндией на фронте в 1670 км, имел 21 дивизию и одну стрелковую бригаду. Прибалтийский особый военный округ (8, 11 и 27-я армии, 5-й воздушно-десантный корпус), возглавляемый генералом Ф. И. Кузнецовым, прикрывал 300-километровую полосу от Балтийского моря до южной границы Литвы. Кроме того, округ должен был оборонять морское побережье протяженностью 420 км. Его войска насчитывали 25 дивизий и одну стрелковую бригаду. Общая численность войск округа составляла всего 379,5 тыс. человек, имелось 4938 орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов[5]. В Белоруссии, где агрессор намечал нанести свой главный удар, размещались войска Западного особого военного округа (3, 4, 10 и 13-я армии, 4-й воздушно-десантный, 21-й и 47-й стрелковые, а также 17-й и 20-й механизированные корпуса), которым командовал генерал Д. Г. Павлов. Для действий в 470-километровой полосе округ располагал 44 дивизиями (всего 678 тыс. человек, 10 296 орудий и минометов калибра свыше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолетов)[6]. Большинство соединений также находились в казармах и лагерях, а десять стрелковых дивизий резерва округа совершали марш походным порядком в приграничную полосу. На Украине границу СССР на 860-километровом фронте, от Припятских болот до Молдавии, прикрывали войска Киевского особого военного округа (5, 6, 12 и 26-я армии, 5-й кавалерийский, 7, 31, 36, 37, 55-й стрелковые, 9, 15, 19, 24-й механизированные и 1-й воздушно-десантный корпуса) под командованием генерала М. П. Кирпоноса. Этот округ являлся самым мощным в Красной армии. В его составе имелось 58 дивизий, из которых 15 стрелковых находились на марше. Всего в составе округа насчитывалось 957 тыс. человек, 12 604 орудия и миномета, 4783 танка, 1759 самолетов[7]. Рассвет 22 июня застал соединения армий первого эшелона на зимних квартирах и в лагерях. Войска Одесского военного округа во главе с командующим генералом Я. Т. Черевиченко прикрывали границу с Румынией протяженностью 480 км, а также Черноморское побережье, включая Крым. Округ имел 22 дивизии. В основном они находились в пунктах дислокации мирного времени, но в первом часу ночи были подняты по боевой тревоге. Стрелковые дивизии первого эшелона начали выдвижение к границе.

Таким образом, войска западных приграничных округов в составе 170 дивизий, двух отдельных стрелковых и 12 воздушно-десантных бригад не были приведены в полную боевую готовность и, не закончив оперативного развертывания, не смогли дать отпор мощным ударным группировкам немецкой армии. Если в первом эшелоне армий прикрытия находилось 56 дивизий и две бригады, то противник имел в первом эшелоне 103 дивизии, из них 10 танковых[8].

На рассвете 22 июня сотни немецких самолетов вторглись в воздушное пространство СССР, неся смерть и разрушения, уничтожая важные объекты, расположенные в западной

приграничной полосе от Баренцева до Черного моря. Основной удар бомбардировщики нанесли по аэродромам: уничтожение советской авиации являлось одной из главных задач германских летчиков в первый день войны. Не сумев оказать сопротивления врагу, советская авиация несла огромные потери. К тому же ее действия сковывал приказ: границу не перелетать, уничтожать воздушного противника над своей территорией[9]. Неопределенность боевых задач и неясность обстановки дезориентировали личный состав советских авиационных частей. Трудности усугублялись нарушением управления. Связь командующих ВВС фронтов и армий со многими авиационными соединениями и частями нарушилась. Господствуя в воздухе, авиация противника продолжала уничтожать самолеты, стоявшие на аэродромах. В результате советская авиация уже 22–23 июня потеряла около 2 тыс. самолетов[10]. Однако советские летчики даже в чрезвычайно сложных и неблагоприятных условиях отчаянно пытались противостоять врагу. Над приграничными районами разгорелись ожесточенные воздушные бои. Когда кончались боеприпасы, советские летчики-истребители в яростном ожесточении шли на таран. Первый воздушный таран в Великой Отечественной войне (недалеко от г. Дубно, где в 1914 г. впервые в мире применил таран русский летчик Пётр Нестеров) совершили практически одновременно летчики Д. В. Кокорев, Л. Г. Бутелин и И. И. Иванов. Время их подвига различается незначительно. В 4 часа 15 минут Д. В. Кокорев тараном сбил вражеский самолет. Наручные часы командира авиазвена 46-го истребительного авиационного полка старшего лейтенанта И. И. Иванова, остановившиеся от удара о землю, показывали 4 часа 25 минут. В первый же день войны около двадцати летчиков таранили вражеские самолеты.

Советские летчики стремились вырвать у врага инициативу в воздухе. Авиация Северо-Западного и Западного фронтов в середине дня осуществила удары по немецким аэродромам. Но удары наносились небольшими силами бомбардировщиков без надежного прикрытия истребителями, что приводило к большим потерям.

В истории не было ничего подобного, когда в первый день войны агрессор бросал бы в сражение такие огромные силы: 70% всех дивизий, 75% орудий и минометов, 90% танков и боевых самолетов. Германское руководство намеревалось в первых же приграничных сражениях сокрушить Красную армию.

Первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Но не было случая, чтобы воины-чекисты без приказа оставили занимаемые рубежи. Сопротивление пограничной охраны враг рассчитывал преодолеть в течение часа, на ликвидацию застав отводилось всего полчаса. Для решения этой задачи были подготовлены специальные штурмовые группы, на вооружении которых были автоматы, пулеметы, минометы. Перед вторжением фашисты подвергли артиллерийскому обстрелу почти все пограничные объекты: штабы комендатур, заставы, узлы связи. Но сбить пограничников с занимаемых рубежей оказалось непросто. Они удерживали свои позиции от нескольких часов до нескольких суток. Ни один наряд, ни одна застава, ни один пограничник не ушли с охраняемого объекта без приказа. Верные присяге, они стояли насмерть, а нередко и переходили в контратаки, отбрасывая врага за границу.

Стрелковые соединения выходили навстречу наступавшему врагу с большим опозданием. Это не позволило создать сплошного фронта обороны. Батальоны и полки вступали в бой с ходу, разновременно, при встрече с противником переходя к обороне на не оборудованной в инженерном отношении местности. В первые же часы некоторые стрелковые дивизии первого эшелона советских войск были расчленены, а часть из них оказалась в окружении. Связь с ними была утеряна. Штаб Западного фронта к 7 часам утра не имел проводной связи даже с армиями[11].

После получения донесений из штабов фронтов и переговоров с командующими нарком обороны и начальник Генерального штаба около 4 часов утра доложили И. В. Сталину о вторжении немцев. Опасаясь провокации, он не сразу поверил, что началась война. Однов-

ременно Генеральный штаб уже открытым текстом информировал штабы военных округов, армий и корпусов о нападении Германии.

Бои уже шли на всем фронте — от Балтики до Черного моря, а в Москве германский посол граф В. Шуленбург лишь в 5 часов 30 минут вручил наркому иностранных дел В. М. Молотову меморандум А. Гитлера об объявлении войны Советскому Союзу. Узнав о нападении, И. В. Сталин созвал на совещание высших военных, партийных и государственных деятелей. В 5 часов 45 минут к нему в кабинет прибыли С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Л. З. Мехлис[12]. К 7 часам 15 минутам была выработана директива № 2, в которой от имени наркома обороны требовалось: «1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить; 2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кёнигсберг и Мемель»[13]. Запрещение переходить границу, к тому же еще и ограничение глубины ударов авиации свидетельствуют о том, что советское руководство все еще не верило, что началась «большая война».

На базе управлений и войск Прибалтийского, Западного и Киевского военных округов 22 июня были образованы соответственно Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты, а на базе Одесского военного округа — 9-я армия. На совещании в Кремле были приняты важнейшие решения, положившие начало тому, чтобы превратить всю страну в единый военный лагерь. Они были оформлены указами Президиума Верховного Совета СССР.

Советское командование пыталось сохранить устойчивый фронт, наладить управление, организованно ввести в сражение резервы. Чрезвычайная сложность быстро меняющейся обстановки, высокая подвижность и маневренность военных действий, ошеломляющая мощь первых ударов вермахта потребовали от советского военно-политического руководства эффективной системы управления войсками, которая, как показали уже первые события войны, отсутствовала. Еще в конце весны 1941 г. нарком обороны по настоянию Г. К. Жукова доложил И. В. Сталину проект документов по созданию Ставки Главного командования. В результате было получено согласие опробовать предлагаемую структуру Ставки и порядок ее работы на специальном командно-штабном учении. Однако осуществить задуманное не удалось, и формирование Ставки пришлось проводить в спешном порядке. Решение о создании этого органа было принято 23 июня. В ее состав вошли: С. К. Тимошенко (председатель), И. В. Сталин, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый и Н. Г. Кузнецов. Одновременно при Ставке была создана группа постоянных советников. Рабочим органом Ставки стал Генеральный штаб, хотя формально никаких указаний на этот счет не отдавалось. В созданной Ставке сложилась ситуация, когда существовали как бы два главнокомандующих: один — юридический, другой — фактический. С. К. Тимошенко как нарком обороны и председатель Ставки не мог принять ни одного принципиального решения без И. В. Сталина. Ошибочность такого подхода выявилась быстро и была исправлена. Начальный период войны для Ставки стал наиболее сложным. Верховное главнокомандование не имело опыта, многие вопросы решались поспешно, нередко методом проб и ошибок.

В начале войны роль Генерального штаба недооценивалась. Уже на второй день войны его начальник Г. К. Жуков был направлен для оказания помощи командованию Юго-Западного фронта, заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников, заместитель начальника Генерального штаба В. Д. Соколовский и начальник оперативного управления Г. К. Маландин отправились на Западный, а первый заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин — на Северо-Западный фронт.

Советские люди узнали о войне в 12 часов дня, когда от имени правительства с обращением к народу выступил по радио заместитель председателя Совета народных комиссаров, народный комиссар иностранных дел Союза ССР В. М. Молотов. Это всколыхнуло всю

страну. В городах, селах и самых отдаленных уголках страны у дверей военкоматов, райкомов партии и комсомола выстраивались длинные очереди добровольцев. Почти никто не сомневался, что понадобится всего-навсего каких-нибудь три-четыре недели и враг будет разбит. У людей резко возрос интерес к информации. Они стремились не пропустить ни одного сообщения по радио.

В то время мало кто до конца сознавал, какой силы удар обрушился на страну. Чтобы выдержать его, нужны были величайшее напряжение, всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны, перестройка экономики на военный лад, мобилизация людских резервов для нужд фронта и народного хозяйства; требовалось эвакуировать промышленные предприятия и население из приграничных фронту районов и решать великое множество других вопросов, которые возникали непрерывно. В такой тяжелейшей обстановке было необходимо выработать не только общую программу борьбы с захватчиками, но и механизмы претворения ее в жизнь.

Народы многих стран мира осудили германскую агрессию, выступили в поддержку Советского Союза. Государственные и политические деятели Великобритании и США уже в первый день нападения Германии на СССР высказались за объединение усилий с Советским Союзом в борьбе против общего врага. Нападение Германии на СССР вызвало вздох облегчения у англичан: война на востоке отодвигала на какое-то время угрозу германского вторжения на Британские острова. Премьер-министр У. Черчилль вечером 22 июня в выступлении по радио сказал: «Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров»[14]. Официальное заявление сделало 23 июня и руководство США. От имени правительства его зачитал исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес. В заявлении подчеркивалось, что любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорит падение германских руководителей, а гитлеровская армия представляет собой сейчас главную опасность для Американского континента. На следующий день президент Ф. Рузвельт сказал на пресс-конференции, что США рады приветствовать еще одного противника нацизма и намерены предоставить Советскому Союзу помощь, но заметил, что пока неизвестно, в какую форму она выльется[15].

Нападение нацистской Германии прервало мирный труд советского народа. В жизни страны начался новый, неимоверно тяжелый, но вместе с тем и героический период. Народ поднимался на справедливую войну за свободу и независимость — на Великую Отечественную.

Тем временем ударные группировки врага в полосах обороны Северо-Западного и Западного фронтов продолжали развивать наступление, не позволяя советским войскам закрепиться на рубеже укрепленных районов. В результате строившиеся укрепленные районы на новой границе какой-либо роли в замедлении темпов наступления противника не сыграли. В сложной и неблагоприятной обстановке командующим армиями и командирам соединений не удалось организовать устойчивую оборону. Большинство частей, ведущих кровопролитные бои, не имели связи с соседями и авиационного прикрытия, так как приграничные аэродромы были выведены из строя. Зенитных средств недоставало, поэтому немецкие самолеты безнаказанно бомбили и обстреливали советские войска. Все это затрудняло организацию и ведение боевых действий.

Немецкая группа армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии, при поддержке 1-го воздушного флота наносила удар с задачей разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз. Вместе с 3-й танковой группой ее передовые силы вторжения насчитывали 655 тыс. человек, 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов[16].

Немецкие танкисты на оккупированной территории Западной Белоруссии. Июнь 1941 г.

Одна из колонн моторизованной дивизии 2-й немецкой танковой группы на советской территории. Лето 1941 г.

4-я танковая группа немцев, обходя встречавшиеся на ее пути стрелковые части, развивала наступление на шяуляйском направлении. К концу дня ее передовые отряды находились в 60 км восточнее границы. На вильнюсском направлении, которое прикрывала 11-я армия под командованием генерала В. И. Морозова, немецкие боевые машины сумели проскочить по мостам через Неман вместе с отходившими советскими частями. 3-я немецкая танковая группа группы армий «Центр», действовавшая в полосе Северо-Западного фронта, переправившись через Неман, устремилась к Вильнюсу, но здесь встретила упорное сопротивление. Между Северо-Западным и Западным фронтами начала образовываться брешь.

Еще более трагично развивались события на Западном фронте. Группа армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок), сосредоточенная на московском направлении и наносившая главный удар, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и две бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву. С этой целью в ее составе насчитывалось (пока без 3-й танковой группы) 634,9 тыс. человек, 12,5 тыс. орудий и минометов калибра свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолетов[17]. Рассчитывая окружить советские войска в белостокском выступе, противник наносил удары под его основание с севера и юга. Гродно, где располагался штаб 3-й армии генерала В. И. Кузнецова, непрерывно бомбился. Сильнейший натиск соединений 9-й немецкой армии с моторизованным корпусом и непрекращавшиеся, изнуряющие бомбардировки вынудили части 3-й армии к исходу дня отойти на юго-восток.

В чрезвычайно напряженной обстановке пришлось отражать натиск врага войскам 4-й армии, которой командовал генерал А. А. Коробков. Не успев занять намеченных планом прикрытия рубежей, стрелковые соединения под ударами 2-й немецкой танковой группы были вынуждены начать отход. В полосе Западного фронта из-за отсутствия точной информации творился хаос. В своем распоряжении подчиненным войскам по итогам боев 22 июня генерал Д. Г. Павлов отмечал: «Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу». Командующий фронтом приказывал «при отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население»[18]. Лишь оставшиеся в районе Бреста подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий вместе с гарнизоном крепости продолжали беспримерную схватку с врагом.

Отход 4-й армии поставил в трудное положение соединения 10-й армии, находившейся в центре белостокского выступа. Штаб фронта потерял с ней связь с самого начала вторжения. Генералу Д. Г. Павлову не оставалось ничего иного, как отправить самолетом в Белосток, где располагался штаб армии, своего заместителя генерала И. В. Болдина с задачей установить положение армии и в зависимости от обстановки силами 6-го механизированного корпуса нанести контрудар на гродненском или брестском направлении, что предусматривалось планом прикрытия. К концу дня определился глубокий охват белостокского выступа ударными группировками противника с обоих флангов. Уже в первый день войны обозначилась угроза окружения оборонявшихся здесь войск.

Если в полосе Северо-Западного и Западного фронтов в связи с потерей управления создалась тяжелейшая обстановка, то на Юго-Западном фронте положение было менее угрожающим. Подразделения и части стрелковых дивизий первых эшелонов, выдвигавшиеся к границе, занимали оборону в предполье перед укрепленными районами и в промежутках между дотами, которые спешно приводились в боевую готовность.

Главный удар группы армий «Юг»[19] (6, 17, 11-я полевые немецкие, 3-я и 4-я румынские армии, 1-я танковая группа и венгерский корпус; всего 57 дивизий и 13 бригад) под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта пришелся в стык 5-й и 6-й армий. Завязались

упорные бои, которые шли с неослабевающим напряжением и упорством. Самоотверженно сражались воины 91, 41 и 96-й стрелковых дивизий. Несмотря на численное превосходство противника, они, умело маневрируя и используя укрепления, успешно отражали атаки врага. На направлении главного удара группы армий «Юг» фельдмаршал Г. фон Рундштедт ввел в прорыв танковые дивизии 1-й танковой группы генерала Э. Клейста. Как только об этом стало известно в штабе фронта, генерал М. П. Кирпонос приказал командующему 6-й армией генералу И. Н. Музыченко силами 4-го механизированного корпуса совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса нанести сильный контрудар и уничтожить противника. Одновременно с этим контрударом командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов решил нанести контрудар по прорвавшейся танковой группировке врага силами 22-го мехкорпуса. К сожалению, взаимодействие между армиями организовано не было, а механизированные корпуса 22 июня сосредоточиться не сумели. Прорыв немецких танков к исходу дня на глубину до 20 км ликвидировать было нечем.

На южном участке советско-германского фронта, на границе с Румынией, 22 июня развертывались войска 9-й армии под командованием генерала Я. Т. Черевиченко. Передовые части выдвинулись к р. Прут, придя на помощь пограничным заставам, которые вели борьбу со штурмовыми отрядами противника, стремившимися захватить мосты. Действия немецко-румынских войск в полосе армии носили сковывающий характер. 11-я немецкая и главные силы 3-й и 4-й румынских армий еще только готовились к переходу в наступление, атаки румынских штурмовых отрядов были отражены.

На северном участке советско-германского фронта, на границе с Финляндией, противник в первый день войны активности не проявлял. Финляндия объявила войну Советскому Союзу лишь 26 июня. На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и две финские армии — всего 21 дивизия и три бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда[20].

Из-за нарушенного управления, отсутствия устойчивой связи в Наркомате обороны и Генеральном штабе к вечеру 22 июня не имели представления о реально складывающейся обстановке. Донесения штабов фронтов не отражали фактического положения и состояния войск. В оперативной сводке Генерального штаба, подготовленной всего шесть часов спустя после начала агрессии, говорилось: «Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха»[21]. В сводке на 22 часа также не было указано истинное положение на фронтах. В ней говорилось, что «с подходом передовых частей полевых войск Красной армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»[22]. Фактически танковые и моторизованные дивизии врага в первый день продвинулись в глубь советской территории до 60 км. Вследствие неправильной оценки обстановки нарком обороны и начальник Генерального штаба сделали заключение, что в основном бои ведутся вблизи границы, а самые крупные вражеские группировки — это сувалковская (на северо-западном направлении) и люблинская (на юго-западном направлении), от действий которых и будет зависеть дальнейший ход сражений. А вот самую мощную немецкую группировку, наносившую удар из района Бреста (западное направление), советское Главное командование из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта явно недооценило.

В результате неправильной оценки обстановки, руководствуясь довоенным планом на случай войны с Германией, нарком обороны в 21 час 15 минут подписал директиву № 3, в которой потребовал от войск перейти к решительным наступательным действиям. Войска Северо-Западного и Западного фронтов, сдерживая противника на варшавском направлении, должны были сосредоточенными ударами из районов Каунаса и Гродно окружить и уничтожить сувалковскую группировку и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки.

Войскам Юго-Западного фронта приказывалось нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую с фронта Владимир-Волынский — Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин. Армии Северного и Южного фронтов получили задачу прикрывать государственную границу в своих полосах и не допустить вторжения противника на советскую территорию[23]. Эта директива лишь подтвердила полное непонимание советским командованием того, что происходило на деле. Требования директивы № 3 совершенно не учитывали фактического состояния советских войск, их неготовность к нанесению ответного удара, а также силы противника и достигнутые им успехи. В то время как глубокое вклинение противника требовало ответных эффективных мер, советское командование не смогло найти соответствующего решения.

Советское военно-политическое руководство, отдавая вечером войскам директиву № 3, даже не предполагало, в каком трагическом положении оказались войска в результате мощного удара противника. Оно считало, что сил для достойного отпора врагу вполне достаточно. По замыслу Главного командования Красной армии ответный удар трех фронтов должен был привести к разгрому вклинившихся группировок неприятеля и восстановлению положения на границе. Однако эта директива не соответствовала сложившейся к исходу 22 июня поистине трагической обстановке, которую не только в Москве, но и в штабах фронтов еще полностью не осознавали. Получив задачу, военные советы фронтов поздно ночью стали готовиться к разгрому ударных группировок агрессора.

Германское командование стремилось в кратчайшие сроки овладеть Прибалтикой, чтобы затем быстро захватить Ленинград с военно-морскими базами Балтийского флота. Мощный кулак 3-й и 4-й танковых групп уже в первый день войны расколол оборону войск Северо-Западного фронта. К ночи передовые части немцев продвинулись почти на 60 км южнее Каунаса. Глубокое вклинение немецкой танковой группировки требовало от советского командования принятия энергичных мер. Однако ни командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов, ни его штаб не имели полного представления о положении своих войск. Выдвигавшиеся из глубины Прибалтики соединения и части вводились в сражение с ходу, без достаточного количества артиллерии и боеприпасов, без авиационного прикрытия.

Вечером 22 июня директивой № 3 Главного военного совета войскам Северо-Западного фронта ставилась задача: «...прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»[24]. С точки зрения выбора направления удара поставленная задача была в достаточной степени обоснованной, так как нацеливала советские войска на разгром вражеской группировки, представлявшей наибольшую опасность. Однако в то время как армии прикрытия с трудом сдерживали превосходившие силы неприятеля, дивизии 12-го и 3-го механизированного корпусов были рассредоточены на широком фронте и располагались довольно далеко от направления контрудара.

В середине дня 23 июня войска фронта нанесли контрудар. Развернулись встречные сражения. С обеих сторон в них участвовали свыше 1 тыс. танков, около 2700 орудий и минометов, более 175 тыс. солдат и офицеров[25]. Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед выдвигались средства ПТО, прежде всего противотанковые орудия, тогда как собственные бронированные машины отводились назад. Срочно вызывалась по радио авиация. В результате большое количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. К исходу 24 июня стало ясно, что разгромить 4-ю танковую группу противника наличными силами не удастся.

Если на шяуляйском направлении удалось задержать продвижение неприятеля, то на даугавпилском 56-й корпус Э. Манштейна, обойдя контратакующие соединения с юга, получил возможность стремительного броска к р. Даугаве с ходу.

Последствия первых вражеских ударов для фронта оказались тяжелыми. Войска отходили на восток и северо-восток. Немецкие авиадесанты и диверсионные группы выводили

из строя проводные средства связи. Обстановка требовала от командования фронта и армий решительных мер по ликвидации вражеского прорыва. Однако, не имея резервов и потеряв управление, предотвратить отход 8-й и 11-й армий командование уже не могло. К вечеру 24 июня противник захватил Каунас и Вильнюс. А с 25 июня соединения 3-й танковой группы были повернуты в полосу Западного фронта.

В целом основную задачу — задержать агрессора в приграничной полосе и обеспечить развертывание главных сил — войска фронта не выполнили. Не удались и попытки ликвидировать глубокие прорывы вражеских танков на важнейших направлениях. Армии Северо-Западного фронта, не сумев удержаться на промежуточных рубежах, отходили на северо-восток. И без того тяжелое положение войск фронта усугублялось диверсионной деятельностью групп националистов, которые начали вооруженную борьбу в тылу Красной армии.

Оборонительные действия войск Северо-Западного фронта проводились при участии сил Балтийского флота, который с первых дней войны подвергся массированным ударам вражеской авиации. По приказу командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца в ночь на 23 июня началась установка минных заграждений в устье Финского залива. Со следующего дня силами эскадренных миноносцев стали создаваться заграждения в Ирбенском проливе. Усиленное минирование фарватеров и подступов к военно-морским базам резко ограничило маневренность самого флота и затруднило его действия на коммуникациях. Частые налеты неприятельской авиации и постоянная угроза базам с суши, даже при отсутствии активных действий немецкого морского флота, сковали деятельность Балтийского флота. Господство на море надолго перешло к противнику.

При общем отходе войск Северо-Западного фронта упорное сопротивление немцы встретили у стен Лиепаи. Германское командование планировало захватить этот город не позднее второго дня войны. Только в течение 22 июня на Лиепаю было совершено 15 воздушных налетов, в которых участвовало 135 самолетов. Против немногочисленного гарнизона действовала пехотная немецкая дивизия, усиленная танками, артиллерией и морской пехотой. Не добившись успеха на южном участке обороны, немецкие части 23 июня обошли город с востока, перерезав железную дорогу Лиепая — Рига. Однако попытка фашистов ворваться в город провалилась. Несмотря на тяжелые потери и недостаток боеприпасов, защитники Лиепаи продолжали героически обороняться и в окружении. Борьба шла буквально за каждый дом. Только по приказу командования Северо-Западного фронта, войска которого отошли далеко на восток, в ночь на 28 июня защитники оставили город и стали пробиваться на восток для соединения с отходившими советскими войсками. Продвигаясь по вражеским тылам, они продолжали борьбу, организовываясь в отряды и переходя к партизанским действиям.

25 июня генерал Ф. И. Кузнецов получил директиву Ставки Главного командования отвести войска фронта и организовать оборону по Западной Двине. Из резерва Ставки к этому рубежу выдвигался 21-й механизированный корпус. Отходившие войска оказались в тяжелом положении. После неудачного контрудара 3-й и 12-й мехкорпуса понесли большие потери, а некоторые их части оказались в окружении. Между соединениями 8-й и 11-й армий образовалась огромная брешь. Войска фельдмаршала В. Лееба получили возможность продвигаться в глубь советской территории. Умело воспользовался обстановкой Э. Манштейн: он направил свой корпус по кратчайшему пути к Западной Двине.

Утром 26 июня немецкие танки достигли Западной Двины и захватили шоссейный и железнодорожный мосты. Танки устремились через Западную Двину к Даугавпилсу, где советских войск не было. 11-й армии, которой немцы, таким образом, отрезали пути отступления, пришлось отойти в полосу Западного фронта. А 29 июня передовые части 18-й немецкой армии ворвались в Ригу и захватили мосты через Даугаву. Однако решительной контратакой 19-го стрелкового корпуса генерала И. И. Фадеева противник был выброшен из города, что обеспечило планомерный отход 8-й армии через него. Существенную помощь при ведении боевых действий оказали рижане. Однако 1 июля Ригой вновь овладели немцы[26].

Ставка еще 29 июня приказала командующему Северо-Западным фронтом одновременно с организацией обороны по Даугаве подготовить и занять рубеж по р. Великой, опираясь при

этом на имевшиеся там укрепленные районы в Пскове и Острове. Для усиления указанного направления из резерва Ставки и Северного фронта выдвигались 11-й стрелковый и 1-й механизированный корпуса, а также 234-я стрелковая дивизия. Однако генерал Ф. И. Кузнецов неправильно уяснил задачу фронта. 30 июня он отдал приказ войскам, оборонявшимся вдоль Даугавы, на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. Вечером, когда в Генеральном штабе стало известно об этом решении, от него потребовали в течение ближайших трех-четырех дней задержать противника на рубеже Западной Двины. Командование фронта отменило отданные ранее распоряжения об отходе войск на рубеж р. Великой и потребовало с утра 2 июля начать наступление на запад в целях восстановления обороны по Даугаве. Быстрая и неожиданная смена решений привела к тому, что 2 июля войска оказались не готовыми ни к обороне рубежа вдоль Даугавы, ни к отходу. Этим воспользовалось немецкое командование, которое утром нанесло удар в стык 8-й и 27-й армий. Генералы Ф. И. Кузнецов и П. С. Клёнов были освобождены от занимаемых должностей. С 4 июля в командование фронтом вступил командующий 8-й армией генерал П. П. Собенников, а начальником штаба стал генерал Н. Ф. Ватутин — заместитель начальника Генерального штаба, находившийся на фронте с 22 июня.

Утром 4 июля 1-я танковая дивизия корпуса Г. Рейнгардта достигла южной окраины первого российского города Острова и с ходу форсировала р. Великую. Попытки отбросить вражеские части не увенчались успехом. 6 июля гитлеровцы захватили Остров и устремились на север, к Пскову. Спустя два дня передовые части неприятельской танковой группы подошли к древнему русскому городу. Немецким захватчикам не удалось с ходу ворваться в город, но к вечеру следующего дня под давлением противника советские войска были вынуждены оставить Псков.

Не встретив организованного сопротивления в Южной Эстонии, немецкое командование повернуло часть сил своей 18-й армии на восток, в направлении Острова. На север наступало лишь два армейских корпуса. В результате натиск на соединения 8-й армии ослаб, что позволило им 10 июля остановить немцев на рубеже Пярну — Тарту.

Боевые действия на линии укрепленных районов по р. Великой также не дали ожидаемых результатов. Отходившие соединения, опаздывая с выходом в назначенные им районы, не успевали оборудовать оборонительные позиции, а укрепленные районы были в значительной степени разоружены в связи со строительством оборонительных сооружений по новой государственной границе. Задерживались с подходом и резервы Верховного главнокомандования. Танковые группировки врага опережали их, используя разрывы между отходившими советскими войсками. В полосе Северо-Западного фронта к исходу 9 июля создалась угроза прорыва группы армий «Север» к Ленинграду. В целом первая оборонительная операция Северо-Западного фронта закончилась неудачей. За 18 дней войны советские войска отошли в глубину до 450 км, оставив почти всю Прибалтику. Фронт потерял свыше 90 тыс. человек (безвозвратные потери — 75 202 человека), 4 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и более 1 тыс. самолетов[27].

Сложная обстановка была и на море. Балтийский флот, даже превосходя противника в надводных и подводных силах, был поставлен в трудное положение. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли перешли в Таллин, где подверглись жестоким бомбардировкам немецкой авиации. Уже в начале июля флоту пришлось вплотную заняться организацией обороны Ленинграда с моря.

С началом войны самая тяжелая обстановка сложилась в Белоруссии. Вермахт наносил здесь главный удар. Группа армий «Центр» была самым сильным объединением агрессора на советско-германском фронте, в ее основную задачу входило разбить советские войска на центральном направлении и открыть путь на Москву. Гитлеровцы наносили удары севернее и южнее белостокского выступа. В целом фронт генерала Д. Г. Павлова имел равное с противником количество сил и средств, а по танкам даже значительно превосходил его. Однако качественный перевес был на стороне немцев; именно это, а также понесенные фронтом в первый день войны значительные потери резко изменили соотношение сил. Сложным

было положение на брестском направлении. Еще в ходе артиллерийской подготовки немцы захватили мосты через Западный Буг, в том числе и в районе Бреста. Сильный удар танковой группы Г. Гудериана на южном участке белостокского выступа вынудил соединения 4-й армии отходить на восток. Большую тревогу вызывала обстановка и на северном фасе выступа, где противник рвался к Гродно. Здесь образовался большой разрыв с войсками соседнего Северо-Западного фронта, в который устремилась 3-я танковая группа генерала Г. Гота.

Выполняя требование директивы № 3 Главного военного совета, командующий фронтом сумел привлечь для нанесения контрудара лишь части 6-го мехкорпуса генерала М. Г. Хацкилевича (вместо запланированных 6-го, 11-го механизированных корпусов, 36-й кавалерийской дивизии и частей 3-й армии) во главе с генералом И. В. Болдиным. Этот корпус был самым сильным танковым соединением Красной армии, насчитывавшим в начале войны 1022 танка, в том числе 352 современных КВ и Т-34[28]. Однако в ходе выдвижения на рубеж развертывания его полки и дивизии, находясь под непрерывными ударами вражеской авиации, понесли значительные потери.

Контрудар в районе Гродно, продолжавшийся до 25 июня, не привел к достижению поставленных целей. Части корпуса подходили к рубежу ввода в сражение разрозненно, вступали в бой с ходу, а к ночи наступление пришлось остановить из-за нехватки горючего и боеприпасов. На следующий день атаки возобновились, но успеха не принесли. Вырвать у врага инициативу не удалось. Однако активные действия группы И. В. Болдина на двое суток приковали к району Гродно значительные силы врага, облегчили положение 3-й армии, но ненадолго. Танковая группа Г. Гота охватила армию с севера, а соединения 9-й армии генерала А. Штрауса атаковали ее с фронта. Уже 23 июня 3-я армия вынуждена была отойти за Неман. Командарм В. И. Кузнецов прилагал отчаянные усилия, чтобы остановить врага, хотя сделать это было чрезвычайно трудно. Войска испытывали острый недостаток боеприпасов, горючего и потеряли более половины боевого состава. Воспользовавшись 130-километровым разрывом, образовавшимся между войсками Северо-Западного и Западного фронтов (11-я армия отходила на северо-восток, а 3-я армия — на юго-восток), немецкие подвижные соединения устремились на Минск.

Штаб фронта неправильно оценил угрозу с севера. Он считал, что противник рвется не к Минску, а к Лиде и сомкнет свои клещи значительно западнее столицы Белоруссии. Выход из положения генерал Д. Г. Павлов видел в том, чтобы задержать продвижение 3-й танковой группы Г. Гота войсками резерва и одновременно продолжать наносить контрудар во фланг танковой группы. Именно поэтому Военный совет стремился сосредоточить находившийся в резерве 21-й стрелковый корпус в районе Лиды, чтобы оттуда нанести удар во фланг противнику. Выдвижение резервов фронта в этот район продолжалось в ущерб организации обороны Минска. Они были подчинены командующему 13-й армией генералу П. М. Филатову, перед которым стояла задача контрударом во фланг сувалкской группировки врага оказать содействие группе И. В. Болдина. Однако быстрое продвижение подвижных соединений Г. Гота на Молодечно не дало 13-й армии возможности развернуться. 21-й стрелковый корпус вступал в бой по частям.

Несмотря на большие потери, враг продолжал рваться к Минску. К исходу 25 июня передовые отряды танковой группы Г. Гота подошли к Минскому укрепленному району. Одновременно немцы бомбардировали город, пытаясь сломить волю защитников белорусской столицы. Город объяли пожары, вышли из строя водопровод, канализация, электролинии, телефонная связь. Гибли тысячи мирных жителей. Но сила сопротивления захватчикам не угасла. Тяжелое положение сохранялось на левом крыле фронта, в полосе 4-й армии, главные силы которой отходили на Барановичи и Пинск. Выполняя поставленную задачу, генерал А. А. Коробков решил нанести по танковой группе Г. Гудериана контрудар. Для его проведения удалось собрать части двух танковых дивизий 14-го мехкорпуса генерала С. И. Оборина и остатки 6-й и 42-й стрелковых дивизий. С утра 23 июня эти соединения атаковали врага и продвинулись на несколько километров к Бресту. Восточнее города разгорелись ожесточенные встречные бои. Силы оказались неравными, и встречное сражение закончилось

в пользу неприятеля. Остатки стрелкового и механизированного корпусов начали отход. Лишь одна левофланговая в армии 75-я стрелковая дивизия под командованием генерала С. И. Недвигина продолжала упорные бои на пинском направлении, сдерживая соединения 53-го армейского корпуса немцев.

Обстановка в полосе 4-й армии, особенно на правом фланге, оставалась критической. Выполнить поставленную задачу — остановить противника — армия не смогла. Разрыв с войсками Северо-Западного фронта на правом крыле, куда устремилась танковая группа Г. Гота, и тяжелая обстановка на левом крыле, где отходила 4-я армия, создавали угрозу глубокого охвата белостокской группировки с севера и юга. Военный совет Западного фронта, оценив трагичность ситуации, сложившейся в полосе 4-й армии, усилил ее 47-м стрелковым корпусом. Одновременно 17-й мехкорпус из резерва фронта перебрасывался на р. Щару для создания обороны в глубине. Стойкость, мужество советских воинов в районе Барановичей задержали 47-й немецкий моторизованный корпус на три дня. Однако 24-й мехкорпус врага обошел город с юга и устремился к Слуцку.

На Западном фронте сложилось критическое положение. 2-я и 3-я танковые группы врага к исходу 25 июня продвинулись в глубь страны на 200—250 км. Выход их в районы Молодечно и Барановичей создал угрозу окружения 3-й и 10-й армий в белостокском выступе. Поворот основных сил 3-й немецкой танковой группы, которая наступала до этого в полосе Северо-Западного фронта, на юг, в тыл Западному фронту, оказался внезапным. Генерал Д. Г. Павлов, потеряв управление войсками, не смог ему воспрепятствовать. К тому же и сил у него не было, так как почти все резервы сосредоточились в районе Гродно, где командованием фронта ожидался главный удар немцев. Против 33 потрепанных дивизий фронта действовала 41 дивизия противника, в том числе семь танковых и пять моторизованных. Ввод большей части резервов вопреки предположениям Главного командования и командования фронта не создал перелома в ходе сражения.

Советскому Главному командованию стало ясно, что разработанный им план прикрытия государственной границы с сосредоточением основной группировки Красной армии на юго-западном направлении не отвечает реально складывающейся обстановке.

Войска западных приграничных военных округов, преобразованных во фронты, оказались не в состоянии не то что ликвидировать вторгшегося противника, но даже остановить его на промежуточных рубежах. На фоне общих неудач на фронте особенно катастрофичными выглядели события на западном направлении, где всего за неделю немцы преодолели свыше трети пути от границы до Москвы. В этих условиях советское командование было вынуждено коренным образом перестраивать планы ведения военных действий, усиливая в первую очередь западное направление. С этой целью Ставка Главного командования уже 25 июня, то есть на четвертый день войны, приказала сформировать в Брянске группу армий резерва Главного командования в составе 22, 20, 21 и 19-й армий. Командующим этой группой, которая являлась вторым стратегическим эшелоном, был назначен маршал С. М. Будённый. Она развертывалась на рубеже рек Западная Двина, Днепр до Кременчуга с задачей «быть готовой к переходу в контрнаступление»[29]. Но при такой протяженности рубежа степень насыщения западного направления войсками и военной техникой оказалась явно недостаточной. И потому 27—28 июня Ставка сократила ее на 450 км. Одновременно с этим она усилила западное направление тремя новыми резервными объединениями, сосредоточив 16-ю армию в районе Смоленска, а 24-ю и 28-ю — на рубеже Нелидово, Белый, Ельня, Дорогобуж, р. Десна (180—250 км восточнее переднего края второго стратегического эшелона). Эти три армии должны были перед своим фронтом подготовить полосы заграждений на глубину 20—30 км и оборонять их передовыми отрядами с задачей: «Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контратаками наземных войск и авиацией»[30].

Бои шли уже в 250 км от границы, но там все еще сражался, не щадя своих жизней, гарнизон Брестской крепости, состоявший после отхода основных сил лишь из отдельных подразделений 42-й и 6-й стрелковых дивизий, 33-го инженерного полка и пограничной

заставы. Немецкое командование, рассчитывая на внезапность, предполагало овладеть крепостью в первый день войны. На ее разгром были брошены 45-я и часть сил 31-й пехотных дивизий, поддержанных огнем осадной артиллерии. Не более 4 тыс. советских воинов сдерживали бешеный натиск 20 тыс. вражеских солдат. Героическая оборона Бреста, которая носила чрезвычайно упорный и ожесточенный характер, продолжалась до 20 июля. Причем 45-я пехотная дивизия немцев в полном составе вела здесь боевые действия вплоть до 1 июля, после чего для завершения борьбы с защитниками крепости были оставлены два ее батальона. О действиях советских войск в первые дни войны Г. Гудериан вспоминал: «Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон, имеющей большое значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг и Мухавец»[31]. Но немецкий генерал ошибался: гарнизон держался не несколько дней, а около месяца.

К 25 июня советское командование поняло, что войска не могут не только нанести ответный удар, но и остановить противника. Теперь на первое место выдвигалась такая задача: в упорных оборонительных сражениях измотать и обескровить врага. В тот же день Ставка Главного командования разрешила отвести войска Западного фронта. Однако события развивались стремительно. Передовые немецкие части вышли на пути отхода белостокской группировки. Для отхода остался лишь небольшой коридор шириной не более 60 км. Ставка, пытаясь спасти положение, 26 июня распорядилась немедленно организовать работы по приведению в боевую готовность укрепленных районов на старой государственной границе. Группа армий резерва Главного командования, созданная 25 июня, получила приказ занять и оборудовать рубеж по Десне и Днепру. Из России сюда выдвигались 20, 21, 22, 24 и 28-я армии, переправлялись военная техника, оружие, продовольствие. На Украину перегруппировывались 16-я и 19-я армии.

К вечеру 28 июня части 9-й и 4-й немецких армий соединились севернее Слонима. Пути отхода 3-й и 10-й армиям были отрезаны. В лесах юго-восточнее Белостока разгорелось ожесточенное сражение. Окруженные войска отчаянно пытались прорвать сомкнувшееся кольцо немцев. Их натиск был настолько сильным, что немецкое командование решило не ослаблять войска, осуществлявшие окружение. В результате основные силы полевых армий были скованы, что ослабило удар противника на Минск. В то время как 4-я и 9-я немецкие армии сосредоточили основные усилия на ликвидации окруженной группировки, главные силы танковых групп Г. Гота и Г. Гудериана при поддержке авиации направлялись в глубокий тыл Западному фронту. Противник рвался к Минску. Захват столицы Белоруссии имел для германского командования не только стратегическое, но и политическое значение, так как подтвердил бы заявления нацистской пропаганды о «непобедимости» немецкой армии. Фельдмаршал Ф. фон Бок потребовал от танковых групп ускорить выход в район Минска, приказав сомкнуть вокруг войск Западного фронта еще одно кольцо окружения.

Немецкая авиация непрерывно бомбила узлы дорог, воинские эшелоны, колонны машин. Не считаясь с потерями, враг рвался к белорусской столице, обходя ее с севера и юга. Огромный перевес противника вынудил ослабленные войска 13-й армии 28 июня начать отход. В 17 часов 12-я танковая дивизия, сломив сопротивление 2-го стрелкового корпуса генерала А. Н. Ермакова, вошла в город. Оборона Минска была скоротечной, но по ожесточенности этой схватки, по беспримерному мужеству воинов, сражавшихся и с честью погибших у стен белорусской столицы, достойна представлять одну из ярких страниц истории Великой Отечественной войны.

К вечеру 29 июня 3-я и 2-я танковые группы замкнули кольцо окружения в районе Минска. Войска 3-й и 10-й армий, не попавшие в белостокский котел, оказались отрезанными. Основные же силы 13-й армии генерал П. М. Филатов успел отвести на восток. 30 июня они развернулись на рубеже от Борисова до Смолевичей и далее по р. Птичь.

Окруженные войска фронта продолжали борьбу. Среди них было до 11 дивизий, а также много отдельных подразделений в районах Белостока, Волковыска, Лиды и Минска. Лишенные централизованного управления, снабжения и связи с фронтовым командованием, они

сражались до 8 июля, сковывая крупные силы противника. Соединения, части, а нередко и подразделения действовали самостоятельно. Командиры, объединив оказавшихся в окружении бойцов, стремились прорваться на восток. Весь июль и август продолжали выходить из окружения воины Западного фронта. В конце июля на р. Сож кольцо окружения разорвали части 13-го механизированного корпуса во главе со своим командиром генералом П. Н. Ахлюстиным. Большую группу вывел заместитель командующего войсками фронта генерал И. В. Болдин. Выйти из окружения удалось далеко не всем воинам. Многие из них продолжали сражаться с врагом на оккупированной территории в рядах партизан и подпольщиков.

В конце июня положение войск Западного фронта резко осложнилось. В ходе приграничных сражений войска понесли тяжелые потери. Ослабленные войска фронта, оставшиеся вне окружения, вели кровопролитные бои в полосе шириной свыше 400 км. В этих условиях генерал Д. Г. Павлов решил закрепиться на р. Березине. Остатки отходивших двенадцати стрелковых дивизий, 20-го механизированного корпуса и шести артиллерийских корпусных полков должны были усилить оборону по реке. Считая войска Западного фронта не способными оказать организованное сопротивление, фельдмаршал Ф. фон Бок потребовал от танковых групп продолжать наступление и передовыми отрядами захватить переправы на Березине, Западной Двине и Днепре. Завершение ликвидации окруженной группировки Западного фронта возлагалось на пехотные соединения. Генерал Д. Г. Павлов пытался оказать противодействие врагу, но немецкое командование бросало в бой все новые и новые силы. 28 июня немцам удалось переправиться через Березину, и они предприняли наступление на Рогачёв. Сдержать нараставший натиск врага так и не удалось: танки Г. Гудериана двинулись на Могилёв. Стало ясно, что войска Западного фронта потерпели поражение, стратегический фронт на минском направлении прорван и в обороне советских войск образовалась брешь шириной более 400 км. Генерал Д. Г. Павлов был отстранен от командования фронтом, отозван в Москву, а позднее арестован.

Окружение основных сил Западного фронта летом 1941 г. можно поставить в один ряд с наибольшими трагедиями русского оружия за всю историю его существования. С этой точки зрения глава, повествующая о гибели или пленении более чем 300 тыс. человек из группировки генерала армии Д. Г. Павлова, может быть помещена в ту же черную книгу, где говорится о битве на р. Калке в 1223 г. или окружении армии А. В. Самсонова в Восточной Пруссии летом 1914 г. Да, в годы Великой Отечественной войны были у нас и большие по численности потери, но трагедия Западного фронта случилась первой, и именно она во многом определила дальнейшее неблагоприятное развитие обстановки не только на важнейшем для страны западном направлении, но и на всем советско-германском фронте в целом.

Мнение о том, что Д. Г. Павлов и его штаб «не овладели и не справились с ситуацией» в начальный период войны, представляется верным. С другой стороны, едва ли кто возьмется доказать возможность предотвращения разгрома войск Западного фронта и при другом, более волевом или более опытном командующем. Поражение Западного фронта — это беда, а не вина сорокачетырехлетнего Д. Г. Павлова, тем более что в командовании войсками фронта ему помогали командированные И. В. Сталиным в первые же дни войны три маршала Советского Союза: Б. М. Шапошников, Г. И. Кулик и К. Е. Ворошилов. После окружения под Минском И. В. Сталин послал на Западный фронт еще двух маршалов — С. К. Тимошенко и С. М. Будённого, к которым вскоре присоединился начальник Главного политуправления Красной армии Л. З. Мехлис. Даже все вместе существенных изменений в обстановке к лучшему они добились не сразу, а получив необходимые для этого силы. Очевидно, что истоки трагедии Западного фронта закладывались в предвоенное время. Генерал Д. Г. Павлов не сделал всего возможного для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала агрессии. Он был отдан под суд военной коллегии Верховного суда СССР, который приговорил командующего к расстрелу. Аналогичная участь постигла начальника штаба фронта В. Е. Климовских и некоторых других генералов. Все они спустя много лет, после тщательного и скрупулезного расследования, проведенного работниками Генерального штаба, были реабилитированы «за отсутствием состава преступления»[32].

Динамичная, быстро менявшаяся обстановка, вынужденный отход и крупные потери советских войск требовали от Главного командования немедленного принятия мер по ликвидации образовавшейся бреши в обороне. Командующим Западным фронтом был назначен маршал С. К. Тимошенко, а его заместителями — маршал С. М. Будённый и генерал А. И. Ерёменко. 1 июля Ставка включила в состав Западного фронта 19, 20, 21 и 22-ю армии[33]. Однако это изменение не оказало существенного влияния на оперативные и боевые возможности войск второго стратегического эшелона, так как уже через несколько дней место изъятых объединений заняли четыре вновь сформированные армии. По существу, был создан новый фронт. Остатки армий, входивших в прежний Западный фронт, отводились в тыл на укомплектование. За войсками фронта сосредоточивалась 16-я армия, переброшенная с Украины. Всего в распоряжение нового Западного фронта поступило 48 дивизий и четыре мехкорпуса. Однако большая часть соединений еще не завершила выдвижение из глубины страны. Оборону на восточном берегу Днепра заняли лишь 10 дивизий, а 15 дивизий находились в стадии сосредоточения.

Советские войска оказались фактически без прикрытия с воздуха, что усугубило ситуацию на фронте и вызывало панику. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березине, в штаб Западного фронта поступали донесения, в которых говорилось о безнаказанных действиях германской авиации. В то же время констатировалось: «...снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется»[34]. Немцы, выйдя моторизованными частями восточнее Минска, фактически с ходу приступили к форсированию Березины. Уже к 4 июля вражеские танки прорвали оборону войск фронта на этой реке, а с утра 6 июля 3-я танковая группа немцев, возобновив наступление, форсировала Западную Двину. Одновременно войска Западного фронта начали свои контрудары. В контрударах участвовали 5-й и 7-й механизированные корпуса, имевшие около 1 тыс. танков старых типов. Четверо суток шли упорные бои. Для отражения удара неприятель вынужден был бросить пять дивизий и почти весь 2-й воздушный флот. 9 июля наступление 5-го и 7-го мехкорпусов было остановлено. В результате все попытки противника форсировать Днепр сорвались. Соединения Г. Гудериана были задержаны в междуречье Березины и Днепра, что позволило укрепить оборону, а также обеспечило сосредоточение войск Западного фронта. Однако 5-й и 7-й механизированные корпуса потеряли 832 танка. 9 июля противник захватил Витебск.

Таким образом, фронт обороны советских войск в Белоруссии был прорван в первую же неделю войны. Только стратегическими резервами удалось закрыть образовавшуюся брешь. За восемнадцать дней войны советские войска отошли в глубь страны примерно на 600 км, оставив почти всю Белоруссию. Война вплотную подошла к рубежам Российской Федерации. В оборонительной операции в Белоруссии, несмотря на упорное и отчаянное сопротивление, войска Западного фронта потерпели сокрушительное поражение. Общие потери составили: около 418 тыс. человек, в том числе безвозвратные более 341 тыс., 4799 танков, 9427 орудий и минометов, 1777 боевых самолетов[35].

Одновременно с боями в Прибалтике и Белоруссии сражения развернулись на Украине и в Молдавии. Здесь наступление немецкой группы армий «Юг», которой командовал фельдмаршал Г. фон Рундштедт, отражали войска Юго-Западного фронта под командованием генерала М. П. Кирпоноса. Юго-Западный фронт включал основную часть сил Красной армии, сосредоточенных у западных границ СССР, так как довоенными планами ему отводилась решающая роль в разгроме готовящегося нападения агрессора. Группа Г. фон Рундштедта должна была «уничтожить советские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру». Она насчитывала 730 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 799 танков, 772 боевых самолета[36]. Войска Юго-Западного фронта имели достаточно сил и средств, чтобы дать агрессору достойный отпор. Однако уже первый день войны показал, что эти возможности реализовать не удается.

Вечером 22 июня генерал М. П. Кирпонос получил задачу разгромить прорвавшегося противника и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина. Фронт имел восемь механизированных корпусов из двадцати, сосредоточенных в западных приграничных военных

округах. Мехкорпуса объединяли 24 танковые и моторизованные дивизии, насчитывавшие 4 тыс. танков, в том числе 841 новый танк КВ и Т-34. 1-я немецкая танковая группа, которой командовал генерал Э. Клейст, имела всего 750 танков. Средние танки Т-III и Т-IV составляли не более половины, а другую половину — устаревшие Т-I и Т-II. Вместе с тем требования Главного командования разгромить люблинскую группировку врага в той обстановке, которая сложилась к исходу первого дня войны на Украине, не соответствовали реальности. Основные силы фронта, в том числе наиболее укомплектованные и сильные 4-й и 8-й мехкорпуса, находились в львовском выступе, а группа армий «Юг» главный удар наносила в обход его с севера. Двух суток, отведенных на подготовку удара по врагу и овладение Люблином, до которого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно.

По флангам главной группировки противника, наступавшей на участке Владимир-Волынский — Крыстынополь, генерал М. П. Кирпонос решил нанести два удара силами шести механизированных корпусов: 22, 9 и 19-го — с севера и 8, 15 и 4-го — с юга. В соединениях, предназначенных для контрудара, насчитывалось 3702 танка. Генерал Г. К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22 июня, одобрил решение командующего фронтом. Организация фронтового контрудара заняла три дня. Однако вначале боевые действия приняли разрозненный характер и не могли остановить наступавшего врага. Неудачно действовал 22-й механизированный корпус. Его части вынуждены были отойти за р. Стырь, в район Луцка.

Во время затянувшейся подготовки фронтового контрудара стрелковые соединения первого эшелона армий, прикрывавших государственную границу, вели упорные бои, стремясь задержать наступление превосходивших сил неприятеля. Уже 23 июня противник окружил две дивизии 5-й армии. Между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта образовалась 70-километровая брешь, используя которую враг беспрепятственно продвигался на Луцк и Берестечко.

В полосе 6-й армии удар наносила 17-я немецкая полевая армия. Еще 22 июня фельдмаршал Г. фон Рундштедт решил ввести сюда 14-й моторизованный корпус после захвата пехотой Равы-Русской. Однако его планы сорвала 41-я дивизия, которой командовал генерал Г. Н. Микушев. Несмотря на яростный огонь вражеской артиллерии, массированные удары бомбардировщиков, полки дивизии совместно с батальонами Рава-Русского укрепрайона и 91-го погранотряда пять суток держали оборону против пяти пехотных дивизий немцев. Успеху обороны способствовала 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса: в ночь на 26 июня она с тыла атаковала части противника, пытавшиеся выйти в тыл дивизии Г. Н. Микушева. 41-я дивизия только по приказу командующего 6-й армией генерала И. Н. Музыченко в ночь на 27 июня отошла на рубеж восточнее Равы-Русской.

В 26-й армии генерала Ф. Я. Костенко высокую активность проявила 99-я стрелковая дивизия, оборонявшая Перемышль. Город трижды переходил из рук в руки. Вместе с воинами дивизии мужественно сражались пограничники 14-й заставы лейтенанта А. Н. Патарыкина, сводного батальона под командованием старшего лейтенанта Г. С. Поливоды, а также отряд из 187 местных жителей[37]. Южнее, на левом крыле Юго-Западного фронта, оборонялась 12-я армия генерала П. Г. Понеделина.

Не так драматично, как на Украине, шла вооруженная борьба в Молдавии, где в первые дни войны заняла оборону вдоль рек Прут и Дунай 9-я армия, возглавляемая генералом Я. Т. Черевиченко. Противостоявшие ей 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии имели задачу сковать советские войска в междуречье Прута и Днестра и при благоприятных условиях перейти в наступление. Чтобы создать выгодные условия для будущего наступления, противник стремился форсировать Прут и захватить плацдармы. Используя разрывы в обороне дивизий 9-й армии, которые составляли 50–60 км и более, румынские части в течение первых двух дней войны захватили несколько небольших плацдармов, в районе которых и разгорелись ожесточенные бои. Все, кроме одного плацдарма в районе Скулян, советским частям удалось ликвидировать. В срыве попыток противника форсировать Прут большую помощь наземным войскам оказала авиация армии. Она наносила бомбоштурмовые удары

по скоплениям вражеских войск и переправам. Советские истребители за первые четыре дня войны сбили в воздушных боях 47 самолетов, но и сами потеряли 31 самолет, в том числе 17 на аэродромах.

Ударные силы группы армий «Юг» продолжали наступление севернее львовского выступа. Вечером 25 июня основные силы 6-й армии фельдмаршала В. Рейхенау на 70-километровом участке от Луцка до Берестечко с ходу форсировали р. Стырь, а 11-я танковая дивизия, почти на 40 км оторвавшись от главных сил, овладела Дубно.

К участку прорыва немцев с востока подходили из резерва фронта 31, 36 и 37-й стрелковые корпуса, начав выдвижение за четыре дня до войны. С выходом к рекам Стырь и Иква они с ходу под огнем противника занимали оборону. В это время на флангах прорвавшейся вражеской группировки завершилась подготовка фронтового контрудара. К 26 июня в этом районе удалось сосредоточить вместо шести механизированных корпусов, как это предусматривалось решением генерала М. П. Кирпоноса, всего четыре: 8-й и 15-й корпуса — с юга, 9-й и 19-й — с севера. Вместо 3,7 тыс. танков было сосредоточено не более 1,3 тыс. боевых машин. После четырех суток непрерывных маршей на сотни километров под ударами немецких бомбардировщиков корпуса перешли в наступление.

26—30 июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось невиданное до тех пор встречное танковое сражение: на участке шириной 70 км столкнулось почти 2 тыс. танков[38]. К сожалению, контрудар, который мог привести к серьезному поражению танковой группы Э. Клейста, был плохо подготовлен. 26 июня в момент начала советского контрудара генерал Г. К. Жуков требовал от командующих армиями активных боевых действий. Так, отдавая распоряжение командующему 5-й армии генералу М. И. Потапову, Г. К. Жуков указывал, что он и штаб фронта «крайне недовольны, по существу, бездеятельностью штаба [армии] и Военного совета», и «если так будете работать, противник вас разобьет... Вам надлежит не бросать в атаку разрозненные соединения и части, а организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков, встречая противника на хороших рубежах. Предварительно противника расстреливать, а затем добивать... не бойтесь действовать активнее, немцы — страшные трусы, когда их бьют... Весь успех... зависит от знания, где противник, где ваши части, и от дерзости Военного совета и всех войск... Надеюсь лично я, Военный совет [фронта] и нарком, что вы оправдаете свое назначение»[39].

Утром 26 июня с юга, из района Броды на Берестечко, противника атаковал 8-й механизированный корпус генерала Д. И. Рябышева. На этом направлении враг, прикрывая правый фланг 1-й танковой группы, создал сильную противотанковую оборону. Танкисты с ходу вступили в бой, продвинувшись в первый день на 10—12 км. Удар 8-го корпуса не был поддержан находившимся левее 15-м механизированным корпусом. Основная причина несогласованных действий 8-го и 15-го механизированных корпусов состояла в отсутствии единого руководства этой мощной танковой группировкой со стороны фронтового командования, поэтому соединения действовали разрозненно, без взаимосвязи. Кроме того, 8-й мехкорпус совершил почти 500-километровый марш и оставил на дорогах чуть ли не половину из своих 858 танков, а 8-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса во время марша по болотам пришлось бросить все свои тяжелые танки КВ.

Более согласованными были действия 9-го и 19-го механизированных корпусов генералов К. К. Рокоссовского и Н. В. Фекленко. Оба они были включены в состав 5-й армии. Во второй половине дня 26 июня мехкорпуса атаковали противника. Однако штаб Э. Клейста раскрыл подготовку контрудара с севера. Развернулось встречное танковое сражение. В небе вели ожесточенную борьбу сотни самолетов.

Военный совет фронта считал, что приграничное сражение проиграно. Глубокое вклинение группы Э. Клейста создавало опасную угрозу ее удара на юг, в тыл 5-й и 6-й армиям, которые продолжали сражаться во львовском выступе, а также оборонявшейся в Карпатах 12-й армии. Военный совет фронта решил отвести войска на новый оборонительный рубеж. Однако Ставка не утвердила решения Военного совета фронта и потребовала возобновить контрудары.

Сражение разгорелось с новой силой. К ударам по противнику были привлечены не только механизированные, но и стрелковые корпуса 5-й армии и резерва фронта. Стремясь выполнить приказ, войска фронта в упорных боях в районе Дубно и под Ровно до 30 июня сковывали основные силы 1-й танковой группы и 6-й армии фельдмаршала В. Рейхенау. Решительные действия 8-го мехкорпуса генерала Д. И. Рябышева, а также наступавших с севера 9-го и 19-го мехкорпусов генералов К. К. Рокоссовского и Н. В. Фекленко вынудили Г. фон Рундштедта перебросить в этот район основные силы группы Э. Клейста и армии В. Рейхенау. Хотя 8-й мехкорпус был окружен в двух районах, он продолжал борьбу. Ее ожесточенность вызвала тревогу даже у начальника Генерального штаба генерала Ф. Гальдера.

Основные усилия авиации Юго-Западного фронта с 25 июня направлялись на поддержку механизированных корпусов, которые вели борьбу с танковой группировкой Э. Клейста. По этой же группировке наносили удары соединения 4-го авиационного корпуса дальней авиации. Немецкое командование также переключило 4-й воздушный флот на поддержку прежде всего 1-й танковой группы. Несмотря на это, ВВС Юго-Западного фронта, сосредоточив силы, в отдельные дни добивались господства в воздухе.

Львовский выступ продолжали оборонять, сдерживая наступление 17-й немецкой армии, соединения 6-й и 26-й армий. Еще 26 июня командование группы армий «Юг» отмечало, что 17-я армия не только не добилась здесь каких-либо успехов, но и несет неоправданные потери. Угроза глубокого охвата главных сил фронта с севера, где противник вышел к Днепру, вынудила Ставку Главного командования отвести войска из львовского выступа на линию укрепленных районов вдоль старой государственной границы 1939 г. Фронту предписывалось к 9 июля с использованием укрепленных районов «организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств». Командующему Южным фронтом[40] генералу армии И. В. Тюленеву было приказано прикрыть отход Юго-Западного фронта и с 6 июля отвести 18-ю армию на Каменец-Подольский укрепленный район, который упорно оборонять.

На старой государственной границе в полосе Юго-Западного фронта имелось два рубежа укрепленных районов. Непосредственно вдоль границы еще в 1938—1939 гг. началось оборудование пяти укрепленных районов. С переносом границы их строительство было прекращено, и вооружение не устанавливалось. Коростенский, Новоград-Волынский и Летичевский укрепленные районы составляли второй рубеж, построенный до 1938 г. в 50—100 км от границы. С началом войны укрепленные районы были отмобилизованы и, как докладывал 27 июня Ставке генерал М. П. Кирпонос, приведены в полную боевую готовность. Усиленные стрелковыми дивизиями, укрепленные районы второго рубежа могли стать серьезным препятствием на пути противника. Правда, в системе укрепленных районов имелся существенный недостаток: наличие значительных разрывов между ними — до 30—40 км.

После девятидневных приграничных сражений войска должны были за восемь суток отойти на 200 км. Большие трудности выпали на долю 12-й и 26-й армий: им предстоял самый длинный путь под постоянной угрозой удара соединений 17-й немецкой армии в тыл с севера. Всему же Юго-Западному фронту угрожала танковая группа Э. Клейста, которая на киевском направлении рвалась к Днепру и могла упредить советские войска в организации обороны в укрепленных районах. Чтобы помешать дальнейшему продвижению 1-й танковой группы, командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов решил нанести по ее левому флангу контрудар с севера. Выделенные для этого соединения в предыдущих боях понесли большие потери. В 9-м мехкорпусе осталось только 40 танков, и те требовали замены моторов. Самый сильный 22-й мехкорпус имел всего 16 танков КВ и 137 танков Т-26[41]. Части испытывали острую нужду в боеприпасах, для подвоза которых недоставало автотранспорта. Несмотря на то, что контрудар готовился наспех, а корпуса атаковали разновременно на широком 110-километровом фронте, он задержал продвижение группы Э. Клейста на двое суток, что облегчило отвод войск фронта.

Начавшийся в ночь на 2 июля отход Юго-Западного фронта проходил в сложной обстановке: основные дороги, по которым двигались войска, заполнили потоки уходившего

в тыл местного населения. К тому же немецкая авиация непрерывно бомбила колонны войск и толпы беженцев. Войска отходили с большими потерями. Значительную часть техники пришлось уничтожить, так как из-за отсутствия запасных частей и ремонтных средств нельзя было устранить даже мелкую неисправность. Только в одном 22-м механизированном корпусе пришлось подорвать 58 неисправных танков.

6 июля две немецкие танковые дивизии вышли к Новоград-Волынскому укрепленному району. Оборону его должны были организовать соединения 6-й армии, но они не успели отойти. Лишь на следующий день на рубеж укрепленного района отошли части 5-й армии. Кроме того, в районе Новограда-Волынского заняла оборону вышедшая из окружения группа полковника М. И. Бланка, в которой имелось всего 2,5 тыс. человек. Два дня эта группа и подразделения укрепрайона сдерживали сильнейший натиск врага. Однако дивизии Э. Клейста 7 июля овладели Бердичевом, а на следующий день — Новоградом-Волынским. На старой государственной границе создать прочную оборону не удалось.

Прорыв врага на бердичевском направлении создавал реальную угрозу тылу основных сил Юго-Западного фронта. Командование фронтом сформировало группу в составе частей 16-го механизированного корпуса и сводного отряда 15-го механизированного корпуса, которая до 15 июля сдерживала врага, сковав его на окраинах Бердичева и южнее. И все же, несмотря на отчаянные усилия оборонявшихся, 9 июля пал Житомир. 5-я армия, которая продолжала наносить контрудары, сумела перерезать шоссе, ведущее с запада к Житомиру, но задержать стремительный бросок группы Э. Клейста она не смогла. За двое суток танковые соединения немцев продвинулись на 110 км и к исходу 11 июля вышли к Киевскому укрепленному району. Только здесь, на оборонительном рубеже, созданном войсками гарнизона и населением столицы Украины, враг был остановлен.

Большую роль в отражении удара противника сыграло народное ополчение. Уже 8 июля в Киеве было сформировано 19 отрядов общей численностью 30 тыс. человек, а по Киевской области в ополчение вступили свыше 90 тыс. добровольцев. 85-тысячный корпус добровольцев возник в Харькове, корпус из пяти дивизий, насчитывавший 50 тыс. ополченцев, — в Днепропетровске[42].

Прорыв неприятеля на киевском направлении был связан единым замыслом с операцией немецко-румынских войск против Южного фронта (9-я и 18-я армии), которая началась утром 2 июля. Здесь 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии наносили главный удар из района Ясс. Четыре ударные группировки на двух узких участках атаковали соединения 9-й армии. Уже в первый день враг прорвал слабо подготовленную оборону на р. Прут на глубину 8–10 км. Однако отсутствие мощных танковых соединений (румыны имели всего 60 танков, а немцы в этом районе не имели их вообще) не позволило врагу добиться серьезных успехов. Удачно сражалась против врага и Дунайская военная флотилия, а в прибрежной полосе действовали оперативные соединения Черноморского флота. В результате контрудара трех корпусов 9-й армии Южного фронта 8 июля враг остановился и перешел к обороне[43]. Активную помощь наземным войскам оказывала авиация фронта.

5 июля командующий Южным фронтом, основываясь на ошибочных данных о составе наступавшего противника, решил отвести войска за Днестр и, опираясь на укрепленные районы, занять там оборону. Однако Главное командование признало такое решение исключительно пассивным, не отвечающим обстановке, и отменило его. 7 июля генералу И. В. Тюленеву было приказано отбросить врага за Прут. Отвести к Днестру разрешалось только одну примыкавшую к Юго-Западному фронту 18-ю армию. Надо отметить, что у Южного фронта уже не хватало сил, чтобы нанести контрудар. При его организации особые трудности возникли в связи с начавшимся отводом войск за Днестр. Для того чтобы вернуть соединения, потребовались сутки. С 8 июля удар по противнику нанесли 48-й стрелковый, 2-й механизированный и 2-й кавалерийский корпуса. Контрудар продолжался до 10 июля. В результате наступление 11-й немецкой и 4-й румынской армий удалось задержать. Это позволило войскам 18-й армии отойти и занять Могилёв-Подольский укрепленный район. Соединения 9-й армии закрепились западнее Днестра. Оставшиеся на реках Прут и Дунай

левофланговые соединения этой армии 6 июля были объединены в Приморскую группу войск под командованием генерала Н. Е. Чибисова. Совместно с Дунайской военной флотилией они отразили все попытки румынских войск нарушить государственную границу.

Войскам Южного фронта большую помощь оказывал Черноморский флот, который превосходил флот королевской Румынии и потому господствовал на море. Эффективные удары наносила авиация флота по нефтехранилищам Констанцы и нефтепромыслам Плоешти.

В ходе оборонительной операции в Западной Украине и Молдавии боевые действия завершились отходом войск Южного фронта на 60–80 км. Были потеряны Западная Украина, Северная Буковина и часть Молдавии. Противник, продвинувшись на глубину до 400 км, оказался у Киева. Несмотря на это, оборона советских войск на Украине и в Молдавии, в отличие от Прибалтики и Белоруссии, сохранила устойчивость. Безвозвратные людские потери составили 172 323 человека. Войска лишились 4381 танка, 1218 самолетов, 5806 орудий и минометов[44]. Соотношение сил изменилось в пользу противника. Владея инициативой и сохранив наступательные возможности, группа армий «Юг» в середине июля готовила удар из района западнее Киева на юг, в тыл Юго-Западному и Южному фронтам.

В середине июля завершился начальный период войны, продолжавшийся 18 суток, в ходе которого агрессор добился крупных результатов. Латвия, Литва, значительная часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией. Враг вторгся в пределы России. В фашистскую неволю попали около 23 млн советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась прямая угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным. Хотя германское руководство и считало, что первый этап плана «Барбаросса» выполнен успешно, это было не так. Стало очевидным, что в отведенный немцами срок война с СССР не закончится и не будет иметь ничего общего с молниеносными кампаниями гитлеровцев в западных странах.

За первые три недели кампании вермахт понес потери, каких не знал за предыдущие годы Второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Ф. Гальдера, только в сухопутных войсках на 13 июля были убиты, ранены и пропали без вести 92 тыс. человек, потери в танках составили 50%[45]. На Балтийском море германский флот лишился четырех минных заградителей, двух торпедных катеров и одного охотника. Однако потери личного состава вермахта не превышали численности полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восстановлены, поэтому боеспособность дивизий в основном сохранилась. К середине июля наступательные возможности агрессора оставались большими: на советско-германском фронте противник имел 183 боеспособные дивизии и 21 бригаду — 2584 тыс. человек, 1740 танков, 41,7 тыс. орудий и минометов, 4 тыс. самолетов.

За тот же период войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромлены, а 70 лишились более чем половины личного состава и военной техники. Три фронта — Западный, Северо-Западный и Юго-Западный — безвозвратно потеряли 588 598 человек (почти треть своего численного состава), свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и около 18,8 тыс. орудий и минометов[46]. На море, несмотря на ограниченный характер боевых действий, советский флот потерял лидер, три эсминца, 11 подводных лодок, пять тральщиков, пять торпедных катеров и другие боевые суда и транспорты[47]. На оккупированной территории осталось более половины запасов приграничных военных округов. Понесенные потери тяжело отразились на боеспособности войск, остро нуждавшихся во всем: боеприпасах, горючем, вооружении, транспорте. На их восполнение советской промышленности потребовалось более года.

Еще в начале июля германский генеральный штаб сделал вывод, что кампания в России уже выиграна, хотя пока и не завершена. А. Гитлеру казалось, что Красная армия уже не в состоянии создать сплошного фронта обороны даже на важнейших направлениях. На совещании 8 июля он лишь уточнил войскам дальнейшие задачи. Однако, несмотря на потери, войска Красной армии, сражавшиеся от Баренцева до Черного моря, к середине июля рас-

полагали 212 дивизиями и тремя стрелковыми бригадами. И хотя полнокровными из них являлись лишь 90 соединений, а остальные имели всего половину, а то и менее штатного состава, считать Красную армию разгромленной было явно преждевременно. Сохранили способность к сопротивлению Северный, Юго-Западный и Южный фронты, спешно восстанавливали боеспособность войска Западного и Северо-Западного фронтов. Сюда со всех концов Советского Союза выдвигались новые соединения, военная техника. Всего в действующей армии осталось 1540 тыс. человек, 3790 танков, 21,5 тыс. орудий и минометов, 1970 самолетов[48]. При всей тяжести последствий первых ударов агрессора Вооруженные силы СССР не только устояли, но и были готовы к дальнейшему отпору врагу.

Первые сбои блицкрига

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград оказался между двух огней. С юго-запада, через Прибалтику, к городу устремилась немецкая группа армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал В. Лееб). С севера и северо-запада на город нацелилась совместно с немецкими войсками финская армия (командующий — маршал К. Г. Маннергейм). Согласно плану «Барбаросса» захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы.

В Прибалтике и на ленинградском направлении к середине июля продвижение германских войск фактически приостановилось. С одной стороны, это обусловливалось тем, что заблаговременно был создан оборонительный рубеж и постепенно нарастало сопротивление советских войск, а с другой — фронт наступления группы армий «Север» все время возрастал. Успехи германских войск в первые три недели войны привели к тому, что их командование настолько уверовало в слабое сопротивление советских войск, что надеялось в четыре дня преодолеть 300-километровое расстояние до Ленинграда.

Уже к 1 июля агрессор, располагавший большим превосходством в силах, захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. Когда 9 июля был захвачен Псков, возникла непосредственная угроза Ленинграду. 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны во главе с А. А. Ждановым. В тот же день сильный удар по советским войскам в 200 км северо-западнее города нанесла финская армия, целью наступления которой являлись Ленинград и Петрозаводск. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа под командованием генерала К. П. Пядышева для обороны лужского рубежа. Вокруг Ленинграда на дальних и ближних подступах развернулось строительство нескольких полос обороны. 29 июня началась эвакуация из города детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что противник будет остановлен на дальних подступах к городу. Сложная обстановка складывалась на море. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Балтийского флота перебазировались в Таллин, но, как показали последующие события, временно. Самоотверженно защищали дальние подступы к Ленинграду пехотинцы, моряки, летчики. Ценой огромных потерь именно они, ведомые своими командирами и комиссарами, остановили наступление противника у стен города. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имели оборона Таллина, Моонзундского архипелага и полуострова Ханко, лужского рубежа и сражение на ближних подступах к Ленинграду.

Первая попытка захвата Ленинграда с ходу была предпринята командованием группы армий «Север» 10 июля. Уже на второй день наступления командующий 4-й танковой группой генерал Э. Гёпнер понял, что на лужском, то есть кратчайшем к Ленинграду, направлении из-за упорного сопротивления советских войск прорваться без значительных потерь и в короткие сроки не удастся. 12 июля он повернул 41-й моторизованный корпус на северо-запад, чтобы попытать счастья в нижнем течении Луги. Два дня спустя корпусу удалось захватить

небольшие плацдармы юго-восточнее Кингисеппа, но продвинуться дальше он не смог, увязнув в обороне курсантов Ленинградского пехотного училища. Им на помощь подоспели бойцы 2-й дивизии народного ополчения. Части и соединения 56-го моторизованного корпуса генерала Э. Манштейна, действовавшего против левого фланга Лужской оперативной группы, также не имели успеха. 14 июля 11-я армия генерала В. И. Морозова, нанеся удар по сходящимся направлениям, окружила 8-ю танковую и часть сил 3-й моторизованной дивизии. В течение пяти суток западнее г. Сольцы шли напряженные бои. К. Г. Маннергейм, штаб которого также оказался отрезанным, после войны писал: «Нельзя было сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, а противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения»[49]. На выручку Э. Манштейну были брошены дивизии 1-го армейского корпуса. Им-то и удалось остановить советские войска.

Наступление на Ленинград было приостановлено. Образовавшуюся паузу каждая из сторон стремилась максимально использовать. В то время как немцы уточняли план возобновления наступления на Ленинград, советское командование укрепляло оборону города. Сроки начала наступления немцы откладывали шесть раз, главным образом из-за трудностей в снабжении и осуществлении перегруппировок, а также из-за разногласий по поводу дальнейших действий. Лишь к 30 июля немецкое командование пришло к согласованному решению. В этот день А. Гитлер приказал передислоцировать 8-й авиационный корпус из группы армий «Центр» для поддержки войск В. Лееба, который назначил начало наступления 4-й танковой группы на 8 августа, хотя 56-й моторизованный корпус явно запаздывал с выходом в исходный для наступления район.

Воспользовалась образовавшейся паузой и советская сторона. Главнокомандование войск Северо-Западного направления, Северо-Западного и Северного фронтов напряженно готовилось к отражению удара на Ленинград с юга. И все это в условиях постоянной борьбы на два фронта, так как и финские войска к северу от Ленинграда, и немецкие к югу от него вели себя отнюдь не пассивно. Город усиленно готовился к отражению новых ударов врага. Многие жители подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Только за первую неделю войны в военкоматы поступило 212 тыс. таких заявлений[50]. В конце июня началось создание Ленинградской армии народного ополчения. К 14 июля первые три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тыс. человек были переданы в Лужскую оперативную группу. Партийные мобилизации дали фронту свыше 12 тыс. коммунистов — политработников и политбойцов.

Самой опасной для Ленинграда являлась немецкая группировка, действовавшая на новгородском направлении. 28 июля начальник штаба войск Северо-Западного направления генерал М. В. Захаров предложил главкому К. Е. Ворошилову развернуть в районе Луги четыре-пять стрелковых и одну танковую дивизии для удара с севера на Струги Красные. С востока, по замыслу М. В. Захарова, должна была наступать на Сольцы 11-я армия. Кроме того, он предлагал привлечь к этому удару и соединения формируемой 34-й армии. Наступление планировалось на 3–4 августа, в то время как немецкое наступление — на 8 августа. Но по причине затягивания сосредоточения войск оно началось только 12 августа.

Однако за четыре дня до этого с лужских плацдармов ударил 41-й немецкий моторизованный корпус. А спустя два дня наступление на новгородском направлении смог начать и 56-й моторизованный корпус. В первый день боев 41-й корпус Г. Рейнгардта продвинулся всего на 5 км. Однако 1-я танковая дивизия сумела нащупать слабое место в советской обороне и прорвать ее. В образовавшуюся брешь Г. Рейнгардт немедленно направил 6-ю танковую и 1-ю пехотную дивизии. Туда же командующий 4-й танковой группой Э. Гёпнер приказал перебросить 3-ю моторизованную, а затем и 8-ю танковую дивизии. Казалось, вожделенная цель — Ленинград — совсем близка. Но действия войск Северо-Западного фронта опрокинули все намерения командования группы армий «Север».

12 августа, как и планировалось, под Старой Руссой 11-я и 34-я армии нанесли удар соединениям правого крыла группы армий «Север». К 15 августа они продвинулись более чем

на 60 км в тыл новгородской группировки. В. Лееб приказал остановить 41-й и 56-й корпуса и направить обе дивизии Э. Манштейна на помощь 10-му армейскому корпусу, который подвергся удару советских войск. Задача овладения Ленинградом оказалось под угрозой срыва. Для А. Гитлера это явилось поводом с еще большей настойчивостью проводить свою идею относительно переноса части усилий с московского на ленинградское направление. Он потребовал немедленно перегруппировать под Ленинград как можно больше сил 3-й танковой группы из группы армий «Центр». Части 39-го моторизованного корпуса спешно начали перебрасываться на новгородское направление.

Соединениям Северо-Западного фронта, участвовавшим в контрударе, разгромить новгородскую группировку врага не удалось. К тому же в нем из-за немецкого наступления не участвовали части Лужской оперативной группы, а вследствие неумелого руководства войска 34-й армии стали беспорядочно отходить. Положение усугубило то, что было потеряно управление. В частях возникла паника. К 25 августа армия не досчиталась около 60% людей, более 80% военной техники и оружия[51]. Ставка приняла жесткие меры. Командующий Северо-Западным фронтом П. П. Собенников был смещен, а на его место назначен генерал П. А. Курочкин, успешно справившийся с выводом из окружения 16, 19 и 20-й армий в районе Смоленска. Были понижены в должности командиры 34-й и 43-й армий, ряд командиров и комиссаров соединений отданы под суд военного трибунала[52]. Одной из причин неудачи являлась постановка перед войсками непосильных задач. Так, 11-я армия к моменту перехода в наступление была сильно ослаблена предыдущими боями, а 34-я — плохо укомплектована и слажена. Зачастую во главе вновь сформированных соединений и частей стояли недостаточно подготовленные командиры.

Обстановка в районе Ленинграда продолжала обостряться, и это очень беспокоило Ставку. Решив разобраться в деятельности главкома К. Е. Ворошилова, она направила в Ленинград комиссию в составе В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. Г. Кузнецова, А. Н. Косыгина, П. Ф. Жигарева и Н. Н. Воронова. Выданный ей мандат позволял от имени Государственного Комитета Обороны решать все вопросы обороны и эвакуации города.

25 августа пала Любань. Соединения 48-й армии не смогли сдержать натиска пяти немецких дивизий и отошли на Кириши и Пушкин. Через три дня противник занял Тосно. До Ленинграда оставалось чуть менее 50 км. В посланной на имя В. М. Молотова и Г. М. Маленкова телеграмме И. В. Сталин не смог скрыть своего раздражения: «Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов?.. Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке?.. Что за человек Попов (командующий созданным 23 августа Ленинградским фронтом. — *Прим. ред.*)? Чем, собственно, занят Ворошилов, и в чем выражается его помощь Ленинграду?»[53].

30 августа захватчики овладели железнодорожной станцией Мга, а 8 сентября, заняв Шлиссельбург, стоящий у истока Невы, вышли к Ладожскому озеру и блокировали Ленинград с суши. Лишь остров, на котором возвышается Шлиссельбургская крепость, оставался в руках советских войск. Кстати, еще почти 500 дней небольшой гарнизон крепости не только оборонялся, но и наносил противнику немалый урон. К. Е. Ворошилов не спешил докладывать в Москву о случившемся, надеясь хоть как-то поправить положение. Однако утром следующего дня в Кремле уже знали о блокаде Ленинграда, и Б. М. Шапошников направил главкому телеграмму следующего содержания: «Имеются данные, что Шлиссельбург занят 8.9 противником. Сообщите, так ли это, так как мы не имеем данных о Вашем восточном фронте». К. Е. Ворошилову пришлось сообщать все, как есть. В результате главком Северо-Западного направления был отстранен от командования войсками в районе Ленинграда. Вечером того же дня командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков, только что успешно завершивший Ельнинскую наступательную операцию, был вызван в Кремль. После непродолжительной беседы он вышел из кремлевской квартиры И. В. Сталина с запиской, адресованной К. Е. Ворошилову. В ней Верховный главнокомандующий писал: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву»[54].

Весь день 9 сентября немецкие войска пытались преодолеть Неву, чтобы соединиться с финской армией на Карельском перешейке, до которой оставалось всего 60 км. Атаки врага с левого берега Невы были отбиты специально созданной Невской оперативной группой войск. К югу от Ленинграда события развивались более драматично. Там, на узком участке от Колпино до Ропши, удар пришелся по соединениям 42-й и 55-й армий. Их войскам и штабам очень недоставало организованности, дисциплины и стойкости, но более всего мастерства, которого так не хватало только что сформированным соединениям и объединениям. 12 сентября противник вытеснил 42-ю армию из Красного Села. До Ленинграда немцам оставалось преодолеть всего 10 км. Казалось, удержать город не удастся. Тревога охватила многих, были подготовлены к взрыву заводы и фабрики, корабли — к затоплению.

Военный совет Ленинградского фронта направил часть зенитных орудий на самые опасные участки обороны для борьбы с немецкими танками, а также принял меры к усилению инженерного оборудования обороны в районе Пулковских высот. 42-й армии, оборонявший этот наиболее опасный участок, передавалась часть войск с Карельского перешейка. Ее поддерживала корабельная артиллерия Балтийского флота. Началось формирование отдельных стрелковых бригад за счет моряков и курсантов военно-учебных заведений Ленинграда. Еще 2 сентября пришлось усилить режим экономии продуктов питания. Рабочие и инженеры получали по 600 граммов хлеба в день, служащие — 400 граммов, иждивенцы и дети — 300 граммов. 11 сентября норму уменьшили. Хлеб стали выпекать с различными примесями — солодом, жмыхом и прочим. Обстановка оставалась по-прежнему сложной. Враг рвался к Ленинграду. Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км. 16 сентября противник прорвался к Финскому заливу, между Стрельной и Урицким (Лигово). Части 8-й армии оказались отрезанными от основных сил фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм. На следующий день враг захватил Павловск и ворвался в центр Пушкина (Царское Село). Ситуация казалась совсем безнадежной, и Г. К. Жуков пошел на последнее средство. 17 сентября он отдал приказ, суть которого сводилась к тому, что за оставление без письменного приказа рубежа Лигово, Верхнее Койрово, Пулковские высоты, Шушары, Колпино все командиры, политработники и бойцы подлежали немедленному расстрелу.

Захват Пушкина 17 сентября оказался последним существенным успехом противника. В тот день Э. Гёпнер получил приказ о выводе 4-й танковой группы из боя и переброске ее на московское направление. Все немецкие войска, действовавшие под Ленинградом, отныне переходили в подчинение командования 18-й армии. В ходе наступления на Петергоф немцам удалось овладеть его восточной частью. Для ведения тут обороны сил у них было вполне достаточно, но продолжать наступление на Ленинград они уже не могли. 19 сентября по приказу Г. К. Жукова 8-я армия с ораниенбаумского плацдарма нанесла удар на Красное Село, в тыл противнику, наступавшему из Урицка на Ленинград. Германское командование 27 сентября подписало приказ, в котором указывало, что группа армий «Север», обороняясь и улучшая положение на отдельных участках, должна создать условия для дальнейшего наступления в целях более тесной блокады Ленинграда, а также соединения с финскими войсками западнее и восточнее Ладоги. В своей книге, посвященной блокаде Ленинграда, известный американский журналист Г. Солсбери пишет: «Свидетельства, поступавшие с фронта, были верными: немцев остановили. Им нанесли страшный урон. Некоторые немецкие дивизии потеряли две трети личного состава. Но эти потери были несравнимы с потерями тех призрачных дивизий, которые им противостояли. Советские части были обескровлены»[55].

В борьбе за Ленинград существенную роль сыграла оборона Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, так как они надолго приковали к себе часть немецкой 18-й армии и финских войск. Бои на подступах к Таллину длились недолго — с 5 по 28 августа, но отличались особым упорством и самоотверженностью оборонявшихся, хотя противник здесь превосходил их в силах и средствах. 26 августа, когда враг находился всего в 6 км от Таллина, а возможность прорыва советских войск по суше полностью исключалась,

К. Е. Ворошилов разрешил начать эвакуацию морем. Во второй половине 28 августа около 200 кораблей, транспортов и вспомогательных судов, имея на борту 20,5 тыс. человек и ценные грузы, покинули таллинский рейд. Начался героический переход, проходивший под непрерывными ударами вражеской авиации, который завершился 30 августа его прорывом в Кронштадт и Ленинград. К сожалению, на переходе погибли свыше 10 тыс. человек, 53 корабля и судна, в том числе 36 транспортов и большое количество грузов[56]. Оборона Таллина почти на месяц сковала мощную группировку врага и тем самым облегчила советским войскам борьбу на подступах к Ленинграду. Переход же кораблей позволил сохранить боевое ядро Балтийского флота и вместе с тем усилить оборону города на Неве.

Для германского флота в Рижском и Финском заливах Моонзундские острова были как кость в горле, так как служили передовой базой для советских подводных лодок, торпедных катеров и авиации. Кроме того, на острове Саарема (Эзель) базировалась авиация, которая наносила удары по Берлину и другим военно-промышленным центрам Германии. Первый налет на столицу Третьего рейха был совершен в ночь на 8 августа самолетами 1-го минно-торпедного полка (командир — полковник Е. Н. Преображенский) ВВС Балтийского флота. Это настолько встревожило германское военное командование, что В. Кейтель через четыре дня издал приказ: «Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-воздушные базы противника на островах Эзель и Даго. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин»[57]. До 4 сентября самолеты 1-го минно-торпедного полка и 81-й авиадивизии дальнебомбардировочной авиации Главного командования успели совершить девять ударов по Берлину. Хотя результативность ударов можно назвать небольшой, главным было другое: эффект от них превзошел все ожидания, так как развенчивал в Германии сообщения средств массовой информации о полном уничтожении советской авиации. В конце октября немцы захватили Моонзундские острова, а 7 декабря — полуостров Ханко.

Немецкое командование отчетливо представляло значение Балтийского флота, прежде всего крупных артиллерийских кораблей, для обороны Ленинграда и в связи с этим во второй половине сентября 1941 г. предприняло попытку уничтожить базировавшиеся в Кронштадте морские силы. В крупной воздушной операции, проведенной в период с 19 по 27 сентября, участвовало в общей сложности свыше 400 бомбардировщиков. В эти полные драматизма для моряков дни выявились и серьезные пробелы в противовоздушной обороне флотских объектов. Потребовалось принять меры к изменению дислокации кораблей, их маскировке, усилению средств ПВО и воздушного патрулирования.

Массированные налеты на Кронштадт были предприняты противником 21, 22 и особенно 23 сентября. Удары с воздуха при этом сопровождались артиллерийскими обстрелами кораблей, стоявших на Неве, в морском порту, морском канале и других местах. Хотя «балтийский Пёрл-Харбор» врагу не удался, но урон все же оказался значительным. Были потоплены лидер «Минск», сторожевой корабль «Вихрь», подводная лодка М-74, транспорт. Затонул поврежденный эсминец «Стерегущий». Получили повреждения линкор «Октябрьская революция», крейсер «Киров», три эскадренных миноносца, надводный минный заградитель, ряд других кораблей и судов. У линкора «Марат» оторвало носовую часть по вторую башню. Пострадал и город, его предприятия, флотский госпиталь[58]. В том, что противник все же не достиг поставленной цели, немалую роль сыграло своевременное оповещение об обнаружении вражеских самолетов, направлявшихся в сторону острова Котлин. Его передали операторы радиолокационной станции «Редут», установленной в Усть-Ижоре и в районе «ораниенбаумского пятачка».

Ценой огромных жертв и усилий советские войска остановили наступление группы армий «Север» и заставили ее перейти к обороне. С 10 июля по 30 сентября войска Северного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов, а также Балтийский флот потеряли почти 345 тыс. человек, из них 214 078 убитыми и пропавшими без вести. За тот же период неприятель потерял около 136 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми 34,9 тыс. человек[59].

В конце сентября 1941 г. начался новый этап битвы за Ленинград. Оккупанты принялись разрушать город, терроризируя его жителей методическим огнем артиллерии и массированными бомбежками. 21 сентября руководство ОКВ представило А. Гитлеру доклад по вопросу о Ленинграде. В нем предлагалось: «Заключить город в плотное кольцо с забором из колючей проволоки под электрическим током и вышками с пулеметами; разрушить его огнем артиллерии и ударами авиации... Выпустить женщин, детей, старух через посты блокады, остальных обречь на голодную смерть, с тем чтобы остатки гарнизона крепости остались там на зиму... Сровнять Ленинград с землей». На следующий день была утверждена директива «Будущее Петербурга», в которой говорилось: «1. Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После разгрома Советской России существование этого огромного города не будет иметь никакого смысла. Финляндия также сообщила нам, что она не заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с ее новыми границами; 2. Прежние требования военно-морского флота сохранить верфи, гавань и военно-морские сооружения известны, однако их выполнение невозможно в связи с главным решением вопроса о Петербурге; 3. Предлагается плотно блокировать город и сровнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха. Если в результате создавшейся в городе обстановки последуют заявления о сдаче города, они должны быть отклонены»[60].

В ослаблении артобстрела большую роль сыграл Балтийский флот, орудия которого участвовали в контрбатарейной борьбе. Только с августа по декабрь 1941 г. корабельная и береговая артиллерия 5777 раз открывала огонь по позициям немецких войск, в том числе 1650 раз по вражеским батареям, выпустив при этом свыше 71,5 тыс. снарядов калибра от 100 до 406 мм. Для защиты города флот собрал все свои силы: корабельный состав, авиацию, береговую и железнодорожную артиллерию, сформировал корректировочно-наблюдательные посты, части морской пехоты. Непосредственно на суше плечом к плечу с воинами фронта сражались свыше 70 тыс. моряков.

Недостаток сил, слабая выучка войск, отсутствие опыта наступательных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанным от Большой земли войскам и населению предстояла многомесячная и многотрудная борьба за жизнь. Битва за Ленинград продолжалась с 10 июля 1941 до 9 августа 1944 г.

На крайнем северном фланге советско-германского фронта немецкая армия «Норвегия» перешла в наступление в конце июня. Ее главной целью был порт Мурманск. В целом замысел немецкого командования заключался в нанесении ударов по трем направлениям: на северном — объектом захвата должен был стать Мурманск, на центральном — г. Кандалакша Мурманской области, на южном — поселок Лоухи Карело-Финской ССР. В случае успеха в руки противника попал бы советский незамерзающий порт на Баренцевом море — Мурманск. Кроме того, наступавшие на Кандалакшу и Лоухи силы врага отрезали бы Кольский полуостров от остальной территории страны и, выйдя на побережье Кандалакшской губы, создали бы дополнительную угрозу Архангельску. Вместе с Мурманском должен был быть захвачен и г. Полярный — база Северного флота.

Этим планам не суждено было сбыться. Поскольку до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами, 14-я армия (командующий — генерал В. А. Фролов) и Северный флот (командующий — контр-адмирал А. Г. Головко) имели больше времени на подготовку и не были застигнуты врасплох. Кроме того, поскольку данный фронт изначально не считался приоритетным, вражеское командование выделяло ему меньше сил, и хотя превосходство немецкой армии «Норвегия» (в дальнейшем была известна как «Лапландия» и 20-я горная армия) над советской стороной было обеспечено, обороняющиеся, мобилизовав все свои ресурсы, сумели выстоять.

Начав сухопутное наступление на Мурманск силами горнострелкового корпуса «Норвегия» (две горнострелковые дивизии), немцы оттеснили подразделения 14-й армии с рубежа на р. Титовке, но так и не смогли преодолеть организованный сразу за ним рубеж на р. Большой Западной Лице. Кроме того, немцам не удалось занять полуострова Средний

Немецкие солдаты пересекают государственную границу СССР

Советские девушки-добровольцы направляются на фронт. Лето 1941 г.

Ленинградцы у витрины ЛенТАСС. Июнь 1941 г.

и Рыбачий, прикрывавшие вход в Кольский залив, на берегу которого расположен Мурманск. Подразделения 23-го укрепрайона сумели создать прочную оборону с использованием особенностей сложного рельефа и не пропустили немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачьему и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на Западной Лице. Артиллерийское прикрытие Северного флота было особенно важно в условиях нехватки у сухопутных сил боеприпасов для артиллерии. Успех обороны на речном рубеже был во многом обусловлен и тем, что защитники 23-го укрепрайона выиграли время для подготовки позиций в районе Большой Западной Лицы.

Северный флот, на тот период самый молодой в Вооруженных силах СССР, выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре. Его корабли выходили в море в целях нарушения перевозок стратегического сырья для германской промышленности, обеспечения советских воинских и народно-хозяйственных перевозок. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации доставки грузов в СССР из Англии и США.

Пытаясь усилить натиск на Мурманск, немцы перебросили на север часть подразделений с кандалакшского направления, однако атаки, предпринятые 12 июля и 8 сентября, также захлебнулись.

С 11 сентября по 18 октября в воздушной обороне Мурманска участвовало и 151-е авиакрыло британских Королевских ВВС (24 истребителя «харрикейн»), летчики которого сбили и повредили не менее 16 самолетов врага (еще 30 июля британская авиация бомбила Киркенес и Петсамо, однако эффект той операции был в большей степени морально-политическим).

По итогам оборонительной операции в Заполярье и Карелии (29 июня — 10 октября 1941 г.) безвозвратные потери Красной армии составили 67 265 человек. Потери немецкой и финской сторон в совокупности составили порядка 67 тыс. человек[61]. Защитники Заполярья сумели сохранить за Советским Союзом возможность поддерживать связь с внешним миром через северные порты, что было жизненно необходимо в условиях, когда порты Балтийского и Черного морей были захвачены или блокированы противником. В результате успешных оборонительных действий 14-й армии и Северного флота в 1941 г. немцы заняли только небольшую часть советской территории, не сумев добиться большего в последующие три года.

Активные боевые действия между советскими и финско-немецкими войсками вскоре после начала войны развернулись в Советской Карелии. К началу Великой Отечественной войны Финляндия полностью отмобилизовала свои войска и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности Финляндия для предстоящих боевых действий выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Кроме того, в северной Финляндии была сосредоточена немецкая армия «Норвегия». В общей сложности вражеская группировка состояла из 21,5 дивизии (из них финских 17,5 дивизии) и насчитывала 407 440 человек, 3084 орудия, 192 танка и 424 самолета[62].

В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14, 7 и 23-я армии Ленинградского военного округа. В общей сложности округ имел в своем составе 426 тыс. человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации[63].

В день начала агрессии против Советского Союза А. Гитлер в своем обращении к немецкому народу недвусмысленно дал понять, что Германия выступает «в союзе с финскими товарищами». Сразу вслед за этим немецкие воздушные силы, базирующиеся в Финляндии, начали установку мин неподалеку от советских военно-морских баз. Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. Используя этот предлог, Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт (командующий — генерал-лейтенант М. М. Попов).

Финские и немецкие части перешли в наступление в Северной Карелии в начале июля 1941 г. Наступление велось на кандалакшинском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью противника было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск с Петрозаводском. С боями финны и немцы смогли продвинуться на 75–150 км, заняв населенные пункты Реболы, Алакуртти, Куолаярви и ряд других, но в августе — сентябре 1941 г. были остановлены на всех направлениях и больше продвинуться не смогли.

Главный удар финская армия нанесла на петрозаводском направлении. Развернутой здесь армии «Карелия» (свыше шести дивизий, более 100 тыс. человек) противостояли три дивизии 7-й армии генерала Ф. Д. Гореленко. 10 июля началось наступление финнов. Советские войска оказывали упорное сопротивление, но под нажимом врага вынуждены были отходить. 23 августа Северный фронт был разделен на Карельский и Ленинградский фронты. К началу сентября финны были уже в 40 км от Петрозаводска и достигли р. Свирь в районе Лодейного Поля. 24 сентября 7-я армия была выведена из подчинения Карельского фронта и подчинена непосредственно Ставке ВГК. Командующим армией был назначен генерал армии К. А. Мерецков. К этому времени финские войска вышли к Онежскому озеру и охватили Петрозаводск с севера и запада. Развернулись ожесточенные бои за город. Финны заняли его лишь 3 октября. Финское наступление продолжилось. Они быстро вышли к р. Свирь и форсировали ее, но контрудар 7-й армии позволил стабилизировать обстановку. Понеся большие потери, финские войска и действующая здесь 163-я немецкая дивизия в конце октября перешли к обороне. Таким образом, план немецкого командования создать второе кольцо окружения вокруг Ленинграда был сорван. Севернее Петрозаводска финны вели активные боевые действия до декабря 1941 г., но после захвата Медвежьегорска они были остановлены западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Вражеское наступление на Карельском перешейке началось 10 июля 1941 г. Части и соединения советской 23-й армии, несмотря на превосходство в танках и артиллерии, а также поддержку Балтийского флота, не выдержав ударов финнов, начали отходить. Прижатые к северо-западному берегу Ладоги, они 12–22 августа были эвакуированы кораблями Ладожской военной флотилии, а остальные дивизии отходили к старой государственной границе. Контрудары, предпринимаемые советскими войсками, из-за плохой организации не достигали своей цели. Упорные бои шли на выборгском направлении. 29 августа финны овладели Выборгом. 1 сентября потрепанные части 23-й армии заняли укрепления на старой государственной границе. Финским подразделениям удалось захватить поселок Белоостров, но вскоре они были выбиты оттуда. После этого интенсивность боевых действий на этом участке фронта резко снизилась, и такое положение оставалось до лета 1944 г.[64]

В июле — сентябре 1941 г. на главном направлении немецкого наступления — московском — разыгралось ожесточенное сражение, имевшее одно из решающих значений в срыве блицкрига. По названию города, вокруг которого шли кровопролитные схватки и который считался ключом к столице, оно получило название Смоленское. Но театр боевых действий был намного обширнее и покрывал огромное пространство, простиравшееся с севера на юг и с запада на восток на сотни километров.

Несмотря на упорные бои на Березине, вдоль шоссе Минск — Москва, героизм советских воинов, в том числе курсантов военных училищ при защите г. Борисова, контрудары в районе Орши, подвижные войска группы армий «Центр» — дивизии 2-й и 3-й танковых групп и передовые соединения 9-й и 2-й полевых армий вышли к 10 июля на Днепр и Западную Двину и в ряде мест сумели форсировать их. Основные силы этих армий, задержанные сражениями в Белоруссии, отстали от подвижных войск на 120–150 км. И хотя советское командование не сумело создать сплошной и устойчивый фронт и оборону успели занять лишь 37 дивизий из 66, группа армий «Центр», имевшая мощные танковые группы Г. Гудериана и Г. Гота, не смогла прорваться с ходу на Москву. Но вражеские соединения продвинулись вперед до 200 км. 19, 16 и 20-я советские армии оказались в сложнейшем положении. Наносившая удары на левом крыле Западного фронта 21-я армия сковала на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепра и Березины. К началу наступления

на Смоленск враг превосходил войска Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах — в 2 раза, а в танках — в 4 раза. В это время соединения левого крыла группы армий «Юг» завязли в боях с 26-й и 5-й армиями Юго-Западного фронта на линиях Коростеньского и Киевского укрепрайонов[65].

Тем временем танковая группа Г. Гудериана нанесла удар на шкловском направлении, бросив на 37-километровом участке фронта против трех стрелковых дивизий около 450 танков. Сдержать эту лавину без достаточного количества артиллерии и авиации было просто немыслимо. Успешным действиям своих войск на этом рубеже Г. Гудериан придавал чрезвычайное значение. Однако, по воспоминаниям самого Г. Гудериана, 17-я танковая дивизия натолкнулась южнее Орши на такие силы противника, что ее пришлось перебрасывать через Копысь в тыл 29-й моторизованной дивизии[66]. Тем не менее к вечеру того же дня немцы захватили плацдармы севернее и южнее Могилёва. А поскольку советские войска еще 9 июля оставили Витебск, то это обстоятельство дало возможность 20-й танковой дивизии группы Г. Гота устремиться на восток и создать угрозу главным силам Западного фронта. Парировать удар танкового клина можно было только мощным вторым эшелоном, а именно его-то у Западного фронта не было. Главные силы 19-й армии только еще следовали в район сосредоточения по железной дороге. Маршал С. К. Тимошенко решил совместными действиями 19, 20 и 22-й армий во взаимодействии с авиацией уничтожить прорвавшегося противника и, овладев Витебском, закрепиться на фронте Идрица — Полоцкий укрепрайон — Орша и далее по р. Днепр. Одновременно он приказал 21-й армии наступать в направлении Городище, Бобруйск, чтобы воздействовать на тылы могилевской группировки противника с юга[67]. К сожалению, удар силами 22-й армии по 3-й танковой группе нанести не удалось. Враг расчленил ее войска на две части и глубоко охватил их с флангов. В этой связи командующий армией получил приказ: с боями, последовательно отводить войска на тыловой рубеж, окружая и уничтожая прорвавшиеся танки дивизионными отрядами истребителей танков. Однако все это не помешало гитлеровцам прорваться на правом крыле фронта.

19-я и 20-я армии дважды, 10 и 11 июля, пытались нанести удары в центре обороны фронта, но атаки предпринимались не одновременно, нередко без артиллерийской поддержки, зачастую полки вступали в бой с ограниченным количеством боеприпасов. После ожесточенных боев 19-я армия разрозненными группами начала отход на восток. Этим немедленно воспользовался неприятель, перехватив 15 июля железнодорожную и автомобильную магистрали, ведущие к Москве. Сложная обстановка создалась на левом фланге 16-й армии, на большаке Смоленск — Красный (42 км юго-западнее Смоленска), куда 13 июля был выдвинут небольшой отряд подполковника П. И. Буняшина, встретивший 29-ю моторизованную дивизию, которая должна была захватить Смоленск с ходу. Отряд П. И. Буняшина дрался бесстрашно и самоотверженно, захватил в плен около 200 немцев. Но силы были неравными. И немецкие войска 16 июля заняли левобережную часть Смоленска, а также Ярцево (40 км северо-восточнее Смоленска). При этом три наши армии (16, 19 и 20-я) оказались в полуокружении. Для отхода на восток им оставалась единственная переправа через Днепр, в районе села Соловьёво (15 км южнее Ярцево, 40 км восточнее Смоленска). Но и эта единственная артерия находилась под непрерывными ударами вражеской авиации. С севера и юга на Соловьёво рвались танковые и пехотные части противника, пытаясь захватить переправу.

Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством советских частей и соединений, которые получали все новые подкрепления, массовым героизмом советских воинов. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт — «Смоленские ворота», русские бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжения силы». Отмечалась переброска советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза[68]. Все это никак не увязывалось с расчетами германского командования решить исход кампании до линии Днепр — Двина. Группа армий «Центр» продвинулась до этого рубежа, но пока о крахе советской обороны не могло быть и речи. Линии коммуникаций вражеских соединений подвергались постоянным атакам выходивших из окружения советских подразделений.

Немецкие танки совершали вынужденные остановки из-за отсутствия горючего и запасных частей. Много неприятностей врагу доставляли новые советские бронированные машины, имевшие превосходство над германскими аналогами. В одном из документов штаба Западного фронта, адресованном начальникам штабов армий, прямо говорилось, что «танки противника с нашими Т-34 и КВ в бой не вступают». От командиров на фронте требовалось действовать смелее, так как немецкая пехота не выдерживает штыковых атак, решительно перехватывать пути подвоза, пресекать распространение всяческих панических слухов, не бояться вклинения танков в свою оборону, поскольку противник сам оказывается в этом случае окруженный нашими войсками[69]. Все это были правильные распоряжения. Беда состояла в том, что выполнить их на практике, в условиях быстрого отхода, отсутствия хорошей связи, а самое главное — достаточного количества опытных и решительных командиров и подготовленных красноармейцев, было нереально. Опыт приобретался большой кровью.

Командование Западного фронта предприняло попытку вернуть Смоленск. Член Военного совета Западного направления Н. А. Булганин 20 июля докладывал И. В. Сталину и В. М. Молотову: «В течение 17 и 18 июля в результате упорных боев отдельные районы города переходили из рук в руки. К утру 19 июля противник овладел большей частью города. Атакой наших войск 19 июля вновь занята северо-западная часть города»[70]. Бои в Смоленске продолжались почти до конца июля.

В тот же период все явственнее обозначался разрыв между вырвавшейся вперед группой армий «Центр» и отстающей группой армий «Юг». Еще 9 июля А. Гитлер подписал директиву, в которой определялись планы дальнейшего ведения войны на востоке. В ней группе армий «Центр» приказывалось после уничтожения многочисленных окруженных частей советских войск продолжить наступление на Москву силами пехотных дивизий, а подвижными соединениями 3-й танковой группы — перерезать коммуникационную линию Москва — Ленинград. Одновременно А. Гитлер наметил осуществить поворот войск южного крыла группы армий «Центр» (2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу) на юг в целях оказания помощи «северному флангу группы армий «Юг», скованному укреплениями города Киева и действиями в нашем тылу войск 5-й советской армии». 5-я армия генерала М. И. Потапова, занимая оборону в Коростеньском укрепленном районе, предприняла сильные контрудары по врагу»[71].

Однако разрыв между группами армий в то время устранить было невозможно. Группа армий «Центр» была связана боями под Смоленском, а группа армий «Юг» ничего не могла поделать с активностью 5-й армии Юго-Западного фронта в районе Припятских болот. Своими активными действиями ее войска сковали от 10 до 15 немецких дивизий, не позволяя командованию группы армий «Юг» использовать их для штурма Киева. Кроме того, эта армия создавала угрозу удара и по открытому южному флангу центральной группы армий, войска которой продвинулись к востоку на большую глубину, чем соседние группы армий. 15 июля 1941 г. в телефонном разговоре с командующим сухопутными войсками фельдмаршал Ф. фон Бок вынужден был отметить тот факт, что «на реке Днепр и восточнее ее в настоящее время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но исход которого еще совершенно не решен. Не следует, исходя из местной оценки, считать там общее положение слишком легким. Победа еще не одержана». В ответ В. Браухич отмечал: «...не может быть и речи о дальнейшем продвижении танков на восток, после овладения районом Смоленск. Русские дерутся не так, как французы, они не чувствительны на флангах. Поэтому основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских»[72].

В это время советское командование сосредоточило все внимание на московском направлении, перебрасывая сюда свои резервы. На рубеже Старая Русса, Осташков, Белый, Ельня, Брянск, то есть в тылу Западного фронта, создавал оборону Фронт резервных армий под командованием генерала И. А. Богданова. В новый фронт входили дивизии, сформированные НКВД из кадрового состава пограничных и внутренних войск. Всего фронт включал четыре армии: 29, 30, 31 и 24-ю. На дальних подступах к Москве был образован фронт Можайской линии обороны в составе 32, 33 и 34-й армий во главе с командующим Московским военным округом генералом П. А. Артемьевым. Целью развертываемых здесь войск являлась

«защита Москвы на линии Можайска». В тылу Западного фронта готовились три оборонительных рубежа: первый — основной, второй — Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж и третий — Можайская линия обороны. На них предусматривалось оборудовать семь оборонительных полос общей глубиной 330–360 км.

Оценивая эти меры, следует подчеркнуть их адекватность той степени опасности, которую создавал неприятель для Москвы. Они направлялись на то, чтобы восстановить прорванный фронт, создать новую линию обороны и задержать гитлеровскую лавину. С этой целью Ставка срочно выдвигала сюда свои резервы и уже к концу второй декады июля в трех эшелонах, то есть в составе Западного фронта, Фронта резервных армий и фронта Можайской линии обороны, развернула 121 новую дивизию, которые заняли оборону на глубину до 230 км. Ввод в кратчайшие сроки таких больших резервов Красной армии явился для немцев пренеприятнейшим сюрпризом. В германском стане никто не мог такого ожидать. И хотя эти новые дивизии не были оснащены лучшим образом и не обладали боевым опытом, их развертывание имело неоценимое значение для всего хода дальнейшей борьбы. На Днепре, у «Смоленских ворот» и на многих других участках западного направления развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, в которых советские войска настолько потрясли наиболее мощную группировку противника, что заставили германское командование впервые во Второй мировой войне заняться пересмотром своих оперативных планов. В этой связи Ставка не сбрасывала со счетов и вопрос о переходе в контрнаступление. Такая идея возникла лично у И. В. Сталина.

Уже 20 июля начальник Генерального штаба направил в войска директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска. С этой цель из 20 дивизий Фронта резервных армий было создано пять армейских оперативных групп, которые затем вошли в состав Западного фронта. Этим группам войск, возглавляемым генералами В. А. Хоменко, С. А. Калининым, К. К. Рокоссовским, В. Я. Качаловым и И. И. Масленниковым, предстояло нанести одновременные удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск. После разгрома прорвавшегося врага они должны были соединиться с основными силами 16-й и 20-й армий, то есть предпринять попытку перейти в контрнаступление.

С 21 июля по 7 августа на западном направлении советское командование предприняло попытку провести контрнаступление. В ходе боевых действий образовались два основных очага борьбы: один — в районе Смоленска, Ельни, другой — в районе Гомеля на р. Сож и в междуречье Днепра и Березины. По этой причине из двух армий левого крыла Западного фронта (13-я и 21-я армии) и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был образован Центральный фронт под командованием генерал-полковника Ф. И. Кузнецова (с 5 августа — генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова).

Упорное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь группы армий «Центр». Она оказалась скованной на всех участках фронта. Фельдмаршал Ф. фон Бок писал в те дни: «Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы»[73].

Под Смоленском наглядно проявился просчет военно-политического руководства Германии в оценке способности советских войск к сопротивлению. Несмотря на крупные потери и тяжелейшие бои в окружении, советские части, как докладывали в Берлин немецкие генералы, продолжали сражаться «ожесточенно и фанатично». Главная цель кампании — уничтожение армии русских — оставалась незавершенной. Более того, упорная, активная оборона советских войск на фронте группы армий «Центр» и уязвимость ее обоих открытых флангов от возможных ударов по ним русских армий делали невозможным ведение дальнейшего наступления одновременно на всех трех главных направлениях. Вот почему 30 июля

А. Гитлер подписал директиву № 34, согласно которой группа армий «Центр» должна была перейти к обороне. По приказу фюрера основные усилия вермахта в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств на центральном участке фронта были перенесены на фланги. Впоследствии Ф. Паулюс отмечал, что группе армий «Центр» «не хватало сил для того, чтобы, достигнув Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок»[74].

Под впечатлением упорных боев под Смоленском группа офицеров японского генерального штаба, до сего времени ратовавшая за войну с СССР, пришла к выводу, что вермахт, возможно, и возьмет Москву к концу года, но это еще не означает, что война будет А. Гитлером выиграна, ибо у И. В. Сталина нет оснований для капитуляции.

Войска вермахта несли серьезные потери. На начало сентября в результате непрерывных сражений боевая численность пехотных подразделений группы армий «Центр» снизилась так, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах остались в среднем один, в редких случаях два офицера, 10 унтер-офицеров и 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава[75]. В некоторых танковых дивизиях, например в 7-й танковой, осталось не более 50% боеспособных бронированных машин[76].

Проблема флангов наступающей группировки Ф. фон Бока в августе 1941 г. выходила на передний план. Не обезопасив их, невозможно было проводить дальнейшее продвижение на восток. Но устранение, например, угрозы с юга могло стоить немцам потери темпа на главном, московском направлении. С другой стороны, германское командование не могло не видеть, что выход 2-й танковой группы и 2-й армии во фланг и тыл Юго-Западному фронту создавал очевидные перспективы разгрома советских армий, оборонявших Киевский укрепрайон, и обеспечивал столь необходимый стык групп армий «Центр» и «Юг»[77]. Кроме того, быстрый разгром советских войск под Киевом давал вермахту шанс сконцентрировать затем основные силы на главном направлении и провести решающее наступление на Москву еще до наступления морозов. 21 августа 1941 г. А. Гитлер подписал новую директиву, в которой, в частности, говорилось: «Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами». Только при этих условиях, указывалось в директиве, создавались предпосылки и освобождались силы и средства для успешного наступления и уничтожения группы армий С. К. Тимошенко, то есть советских войск, прикрывавших Москву[78]. По сути, эта директива означала признание А. Гитлером того факта, что концепция молниеносной войны дала глубокую трещину. Однако окончательно отменить наступление на Москву еще в 1941 г. он вряд ли бы смог, поскольку большинство генералов на фронте отнеслись бы к такому повороту событий чрезвычайно болезненно.

Советская военная разведка отмечала признаки замешательства, возникшие тогда в высшем военном руководстве Германии. В одном из подготовленных разведкой документов от 24 августа 1941 г., озаглавленном «Планы и внутриполитическое положение Германии», говорилось, что провал молниеносной войны против СССР германское верховное командование старается оправдать, во-первых, отсрочкой нападения на Советский Союз в связи с войной на Балканах, во-вторых, неудовлетворительной работой немецкой разведки в предвоенные годы, особенно в отношении истинного количества советских танков и самолетов. Германским руководством «было слабо изучено как внутриполитическое положение страны, так и состояние Красной армии». Отмечалось, что «зимнюю передышку в затянувшейся войне с СССР немецкое командование предполагает использовать для новой кампании в Средиземном море, а после ее окончания начать вторжение в Англию»[79].

Но пока ни Ставка, ни Генеральный штаб, ни командование фронтов не намеревались давать немцам хоть какую-нибудь передышку. В конце июля — начале сентября 1941 г. фокус наступательной активности советских войск обозначился в районе Ельни. Взятие немцами в середине июля этого районного города, который оказался в центре так называемого ель-

Москва, улица 25-го Октября. Жители Москвы слушают объявление о начале войны. 22 июня 1941 г.

нинского выступа, поначалу не вызвало серьезного беспокойства у начальника Генштаба Г. К. Жукова. Это направление, по его мнению, было прикрыто надежно. Однако германский прорыв к Ельне сильно взволновал Верховного главнокомандующего, он считал, что здесь возник опасный плацдарм для удара на Москву. Кстати, в качестве «передовой линии для дальнейшего продвижения в глубь страны» район Ельни рассматривали тогда и сами немцы. Эту мысль высказал на допросе в советском штабе пленный ефрейтор Ф. Митерман в августе 1941 г.[80] Г. К. Жукову и командующему Западным фронтом было поручено отбить Ельню. Уже 22 июля 1941 г. командующий оперативной группой 28-й армии генерал П. Г. Егоров отдал приказ на уничтожение противника, прорвавшегося к городу[81]. Но боевые действия с окопавшимися германскими частями приняли здесь затяжной характер и продолжались до начала сентября. В то же время советские войска провели на Западном фронте ряд других наступательных операций с целью предотвратить дальнейший натиск немецких сил на Москву и по возможности разгромить ударные группировки группы армий «Центр», нацеленные на советскую столицу.

Однако не все операции были успешными. Например, войска Западного и Резервного фронтов безуспешно предпринимали попытки разгромить духовщинскую группировку врага. С 22 августа советское командование расширило масштабы наступления, стремясь нанести крупное поражение группе армий «Центр» и сорвать ее продвижение в южном направлении. Но и это наступление ни к чему не привело.

После вступления в должность командующего Резервным фронтом генерал Г. К. Жуков пришел к выводу, что для уничтожения противника, который пятью пехотными дивизиями оборонял ельнинский выступ, сил одной 24-й армии явно недостаточно. 21 августа он приказал прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и лучше организованного удара. Ставка продолжала добиваться изменения характера боевых действий в свою пользу. И хотя войска Западного, Резервного, Центрального и Брянского фронтов понесли большие потери, а их удары не достигли цели, они нанесли неприятелю весьма ощутимый урон, истощили его группировки и резервы, а кроме всего прочего командный состав Красной армии приобрел так необходимый ему боевой опыт. Учитывая большие потери Западного и Резервного фронтов в предыдущих боях, Ставка уточнила их задачи. Теперь Западный фронт должен был, продолжая наступление, начатое еще 16 августа, овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск. Резервному фронту предстояло разгромить противника в ельнинском выступе и затем наступать на Рославль. Самая сложная задача поручалась Брянскому фронту, в состав которого были включены отошедшие войска упраздненного 25 августа Центрального фронта. Генерал А. И. Ерёменко получил задачу разгромить 2-ю танковую группу, которая продолжала наступать на юг, в тыл киевской группировке войск Юго-Западного фронта. Однако войска фронта реальными возможностями для этого не располагали.

В 20-х числах августа в огромной полосе от Торопца до Новгорода-Северского шириной около 600 км развернулись ожесточенные бои. На правом крыле Западного фронта противник прорвал оборону 22-й и 29-й армий, отбросив их дивизии на левый берег Западной Двины. Чтобы остановить продвижение вражеских танков, командующий Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко направил к месту прорыва группу саперов в составе четырех инженерных батальонов с 15 тоннами взрывчатки, 18 800 противотанковыми минами и 800 бутылками с зажигательной смесью. Группа имела задачу создать минно-взрывные заграждения на пути противника. Руководил ею начальник инженерного управления фронта генерал М. П. Воробьёв. В начале сентября войска этих армий остановили противника.

Значительную помощь 22-й армии оказала 30-я армия. Перейдя 29 августа в наступление своим правым флангом, она прорвала оборону врага, вынудив его отойти. Воспользовавшись успехом объединения, маршал С. К. Тимошенко ввел в прорыв кавалерийскую группу генерала Л. М. Доватора. Казаки прошли около 300 км по бездорожью, в лесисто-болотистой местности к северо-западу от Духовщины, вызвав панику в войсках 9-й полевой армии. Для борьбы с советской конницей и охраны тыловых объектов Главное командование сухопутных войск было вынуждено выделить из своего резерва три пехотные дивизии.

В эти дни первого значительного успеха советские войска добились под Ельней, где 24-я армия с 30 августа по 8 сентября провела наступательную операцию по уничтожению вражеской группировки, оборонявшей выступ. В основу замысла генерала Г. К. Жукова был положен самый решительный способ — двусторонний охват в целях окружения и разгрома немцев по частям. В ударные группировки были включены все исправные танки и около 70% артиллерии армии. К исходу 8 сентября ельнинский выступ (свыше 625 кв. км), вдававшийся в оборону Резервного фронта, был срезан. Противник лишился выгодного плацдарма для удара по флангам советских войск. В этой операции Красная армия впервые с начала войны прорвала сильную оборону противника и разгромила его значительную группировку. Здесь, под Ельней, родилась советская гвардия. 18 сентября приказом наркома обороны за массовый героизм и проявленное воинское мастерство в боях под этим городом первыми в Красной армии были удостоены звания гвардейских два соединения 24-й армии — 100-я и 127-я стрелковые дивизии, став соответственно 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Этим же приказом в 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии были преобразованы 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

К 10 сентября советские войска практически исчерпали свои наступательные возможности, поэтому Ставка приказала прекратить наступление. Смоленское сражение завершилось. Его главным итогом был срыв планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала Второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на своем главном направлении, в результате чего советское командование выиграло время для совершенствования стратегической обороны на московском направлении и подготовки резервов. В этом сражении советские войска проявили небывалую стойкость и массовый героизм. Тысячи бойцов и командиров были удостоены государственных наград, а 14 воинам присвоено звание Героя Советского Союза. Неоценимую помощь войскам оказало население Смоленщины. Только на оборонительных работах в полосе Западного фронта участвовали около 300 тыс. жителей Смоленской области. Дорогой ценой оплачен успех советских войск в Смоленском сражении: общие людские потери составили почти 760 тыс. человек, из которых 486 тыс. (64%) безвозвратные [82].

В конце сентября генерал-лейтенант С. А. Калинин, находившийся в августе при штабе Западного фронта, представил Военному совету доклад, в котором обобщались боевые действия первых месяцев войны. Доклад назывался «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя». В нем отмечались особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий: удары во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время генерал С. А. Калинин, возможно, раньше, чем кто-либо другой в РККА, отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание вырываться далеко вперед. Весьма интересны его замечания относительно способов окружения немцами частей Красной армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Но факты свидетельствуют о том, что некоторые последующие приказы наркома обороны и Генерального штаба содержат те же положения, что и в докладе С. А. Калинина. Это касается директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и прочего[83].

В августе, в разгар Смоленского сражения, тяжелые бои развернулись в полосе Центрального фронта, куда были повернуты 25 дивизий группы армий «Центр», в том числе шесть танковых и моторизованных. Они наносили удар на юг в целях выхода в тыл Юго-Западному фронту, остановившему наступление группы армий «Юг» на рубеже Днепра. 8 августа при поддержке крупных сил авиации перешла в наступление 2-я танковая группа, а 12 августа их поддержала 2-я армия генерала М. фон Вейхса. Войска Центрального фронта не сдержали столь мощного танкового удара и под угрозой охвата превосходящими силами противника начали отходить в южном и юго-восточном направлениях. На сей раз Ставка разгадала намерения немцев и, чтобы не допустить окружения фронта и выхода врага в тыл войск, которые обороняли Киев, развернула между Центральным и Резервным фронтами Брянский фронт

во главе с генералом А. И. Ерёменко. В его состав входили вновь формируемая в районе Брянска 50-я армия, а также остатки 13-й армии. К сожалению, эта мера не дала каких-либо положительных результатов. Соединения 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана к 21 августа продвинулись на глубину до 140 км, овладев Клинцами и Стародубом. Армия М. фон Вейхса, прорвав оборону Центрального фронта, захватила Гомель.

Советское командование, обнаружив поворот 2-й танковой группы на юг, 19 августа приказало командующему Юго-Западным фронтом генералу М. П. Кирпоносу отвести войска за Днепр, организовать оборону по его левому берегу, а на правом берегу удерживать только Киев. Киевляне готовы были любой ценой отстоять свой любимый город. Тысячи людей вступали в народное ополчение. В Красную армию добровольно вступили 200 тыс. человек. Десятки тысяч людей трудились на строительстве оборонительных сооружений. Необходимо отметить, что Ставка также не намерена была сдавать город. Еще во время встречи И. В. Сталина с посланником Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом в конце июля 1941 г., когда обсуждались важнейшие проблемы организации военной помощи СССР со стороны США, советский лидер заявил, что линия фронта к концу года будет проходить западнее Киева и город не будет сдан врагу. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняла международное положение СССР, больно ударяла по чувствам советских людей, видевших в Киеве свой город, который не должен быть отдан на растерзание врагу. Киев нужно было держать. И в этом смысле понятен резкий отказ И. В. Сталина прислушаться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г. К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра и тем самым эвакуировать город[84]. Г. К. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, И. В. Сталин — из более широкого спектра политических и моральных причин.

Следует назвать и еще одну причину нежелания И. В. Сталина отводить войска на левый берег Днепра в августе — начале сентября 1941 г. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что советский лидер осознавал, что большинство командиров Красной армии в то время просто не могли осуществлять крупные операции по отводу войск на тыловые рубежи. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля — начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет та же участь в случае их отступления от столицы Украины за Днепр, отнюдь не было. Кроме того, отдать врагу Киев означало «самоликвидировать» угрозу флангу группы армий «Центр». В этом случае наступление на Москву А. Гитлер мог начать уже в конце августа.

Судьба Киева решалась не на позициях Киевского укрепрайона, а южнее и севернее столицы Украины. Для противодействия прорыву противника с севера в тыл Юго-Западного фронта на рубеже р. Десны развертывалась новая 40-я армия. К сожалению, отвод войск за Днепр не везде проходил организованно. В результате вслед за 27-м отдельным стрелковым корпусом к переправе севернее Киева прорвался и противник, захватив плацдарм на левом берегу. А на Южном фронте трудности возникли в связи с преждевременным взрывом 18 августа плотины Днепровской ГЭС. Подъем воды в реке южнее Запорожья, где даже до взрыва ее ширина превышала 1,5 км, усложнил переправу 9-й и 18-й армий. К чести командования этих войск переправа там была организована четко: к исходу 22 августа основные силы были уже на левом берегу. К концу августа войска Юго-Западного и Южного фронтов отошли за Днепр.

Нацеленные на окружение Юго-Западного фронта войска группы армий «Юг» более чем вдвое превосходили его по числу самолетов и в 4,2 раза по количеству танков. Но основная опасность исходила с севера от танковой группы Г. Гудериана, которая успела захватить два плацдарма на Десне у Коропа и Новгорода-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Юго-Западного фронта. В первых числах сентября здесь развернулись ожесточенные бои. В междуречье Сейма и Десны, севернее Конотопа и Бахмача, дивизии 40-й армии сдержива-

ли натиск танков Г. Гудериана. Об этих боях Ф. Гальдер с явным беспокойством писал: «2-я танковая группа в ходе наступления через Десну своим левым флангом настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось»[85].

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему отходу войск Юго-Западного фронта на восток, командующий группой армий «Юг» потребовал от 1-й танковой группы, 6-й и 17-й армий с утра 29 августа приступить к форсированию Днепра на возможно большем количестве участков. 31 августа 17-я армия захватила плацдарм под Кременчугом. Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал С. М. Будённый сразу же понял, какую опасность для его войск представляет этот плацдарм. Он потребовал незамедлительно сбросить немцев с левого берега Днепра. Но противник быстро расширял плацдарм. В ночь на 12 сентября на него была переправлена 16-я танковая дивизия, которая сломила сопротивление советских подразделений и частей. На второй день немецкие танкисты подошли к р. Суле, южнее г. Лубны. Но здесь путь им преградили советские зенитчики и отряды городской самообороны.

В начале сентября командование Юго-Западного фронта и Генеральный штаб в полную силу забили тревогу. Теперь уже новый начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников и его заместитель генерал А. М. Василевский предложили И. В. Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но И. В. Сталин оставался при своем мнении: Киев не сдавать! Тот же отказ получили 10 сентября командования фронта и Юго-Западного направления. И. В. Сталин все еще надеялся, что командующему Брянским фронтом А. И. Ерёменко все-таки удастся прорваться в тыл Г. Гудериану, поэтому он запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

14 сентября в 3 часа 25 минут начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В. И. Тупиков через голову М. П. Кирпоноса обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба Юго-Западного направления с телеграммой, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта, закончив доклад фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. В ответ пришла телеграмма Б. М. Шапошникова с обвинениями В. И. Тупикова в паникерстве следующего содержания: «Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН. Генерал-майор Тупиков номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21А. — *Прим. ред.*) и Потапова (5А. — *Прим. ред.*) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9».

Однако если взглянуть на подлинник документа, подписанный лично Б. М. Шапошниковым, то можно увидеть несколько зачеркнутых строк, которые, на наш взгляд, уточняют позицию Генерального штаба по этому вопросу. Скорее всего, в той обстановке Б. М. Шапошников вынужден был быть жестким и кратким: командующий фронтом должен выполнить указания, а все объяснения оставлены на потом. Так, после слов «Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход» Б. М. Шапошников писал: «Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе»[86]. Вероятно, на ту минуту Б. М. Шапошников был прав. Советские войска слишком затянули с отходом. И еще одна любопытная деталь, обнаружившаяся в рукописном подлиннике телеграммы маршала. После слов «необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9.», были зачеркнуты строки о том, что это указания «Ставки Верховного главнокомандования» и они были даны «при личном разговоре со Сталиным»[87]. Ушедший в штаб М. П. Кирпоноса конечный вариант, пожалуй, четче концентрирует внимание на личности человека, отдавшего распоряжение не оставлять Киев.

В 4 часа утра 15 сентября М. П. Кирпонос отправил следующую телеграмму Ставке: «Москва. Товарищу Сталину. Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР[88]. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева»[89]. В разговоре по прямому проводу с главкомом С. К. Тимошенко и членом Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущёвым около 6 часов вечера 15 сентября 1941 г. Б. М. Шапошников заметил: «Считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику». С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущёв были согласны с тем, что командование Юго-Западного фронта пассивно и не организует мощных контрударов по врагу[90].

А в это время 3-я танковая дивизия из танковой группы Г. Гудериана подошла к Лохвице с севера. Между 3-й и 16-й немецкими дивизиями еще оставался 40-километровый коридор. Однако советские войска уже не могли воспользоваться им для отхода на восток: во-первых, потому что Ставка категорически запретила отходить, а во-вторых, было уже слишком поздно. Оборонявшие Киев войска находились в 200 км к западу от места соединения вражеских дивизий. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5, 26 и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии — всего 452,7 тыс. человек[91]. Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября почти в полном составе погибло управление Юго-Западного фронта, в том числе генерал М. П. Кирпонос. Командующий 5-й армией М. И. Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около 15 тыс. человек). Красная армия потеряла 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. По немецким источникам, в районе Киева были захвачены около 665 тыс. человек[92]. По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. потерял безвозвратно 531 тыс. человек[93]. Через день после прихода нацистов в Киев оккупационные власти развернули в городе массовые репрессии против мирных граждан, десятки тысяч жителей и военнопленных были расстреляны в овраге Бабьего Яра.

На долю военнопленных под Киевом выпали страдания еще большие, чем те, что испытали советские воины, попавшие в руки врага под Уманью. Военнопленные, собранные в тылу 17-й армии, транспортировались пешком через Лубны и Хорол в район Умани на расстояние 400 км. На сутки марша протяженностью 30–40 и более километров им выдавалось по 20 граммов пшена и 100 граммов хлеба. Не будучи в состоянии справиться со снабжением пленных, а может, и не желая этого, командующий 6-й армией генерал Г. Райхенау приказал пристреливать ослабевших. В этих жутких условиях советские военнопленные вовсе не напоминали «стадо послушных животных», одолеваемых голодом и подавленных страхом, как их иногда изображают бывшие офицеры и генералы вермахта. Документы свидетельствуют как раз об обратном. Согласно докладу командира 24-й пехотной дивизии штабу 17-й армии 25 сентября в районе Лубны взбунтовались 33 тыс. военнопленных армейского сборного пункта. Спустя почти месяц штаб той же дивизии сообщал командующему тыловым районом группы армий «Юг», что «транспортировка военнопленных ввиду сопротивления и истощения очень тяжела»[94].

Одновременно с тяжелыми боями под Киевом советские войска вели напряженную борьбу с немецкими и румынскими войсками, которые в полосе Южного фронта к 7 августа захватили Котовск, Первомайск, Кировоград и Вознесенск. А крупный порт и военно-морская база на Черном море Одесса оказалась обойденной противником. Немецкие передовые части стремились на восток. В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта. 16 октября пала Одесса, 17 октября — Таганрог, 25 октября — Харьков, 2 ноября был блокирован Севастополь. У немецкого командования, казалось, появилась возможность быстро захватить Ростов-на-Дону и уже к концу года выйти к кавказским сырьевым источникам. В то же время 2-я танковая группа Г. Гудериана (преобра-

зованная 1 сентября во 2-ю танковую армию) шла ускоренным маршем в северо-восточном направлении. Перед ней стояла задача участвовать в захвате Москвы.

Длительная и упорная борьба советских войск на южном крыле советско-германского фронта сыграла важную роль в срыве плана молниеносной войны. Привлечение значительных сил группы армий «Центр» для удара во фланг Юго-Западному фронту задержало ее наступление на московском направлении.

В июле — сентябре Красная армия продолжала отходить в глубь страны. За это время на северо-западном и западном направлениях противнику удалось продвинуться на 150–250 км, а на юго-западном — почти на 500 км. Немецкие войска блокировали с суши Ленинград, оккупировали Карело-Финскую и Прибалтийские республики, Белоруссию, огромную часть Украины, всю Молдавию, несколько областей западной части России. Немцы стояли всего в 300 км от Москвы, угрожали захватом Харьковскому промышленному району, Донбассу и Крыму.

Подводя итог вооруженной борьбе на советско-германском фронте в июле — сентябре, следует отметить, что в результате активных действий советских войск, особенно в Смоленском сражении, было остановлено наступление вермахта на Москву. Впервые во Второй мировой войне самая сильная вражеская группировка вынуждена была перейти к обороне. Наступление немцев на Москву было задержано на два месяца. Перейдя здесь к обороне, противник перенес основные усилия на ленинградское и киевское направления. При этом, опасаясь удара киевско-конотопской группировки советских войск по южному флангу группы армий «Центр», германское командование повернуло с московского направления на юг два оперативных объединения — 2-ю полевую и 2-ю танковую армии. Немецким войскам удалось блокировать Ленинград с суши и, окружив значительные силы Юго-Западного фронта под Киевом, добиться крупных военных успехов.

Но сегодня ясно и другое: А. Гитлер не смог бросить все силы на захват Москвы, не взяв Киева, не обезопасив южный фланг группы армий «Центр». Немцы повернули свои войска с главного направления, потеряв при этом время и силы. Благодаря отсрочке наступления на столицу Советскому Союзу удалось подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь.

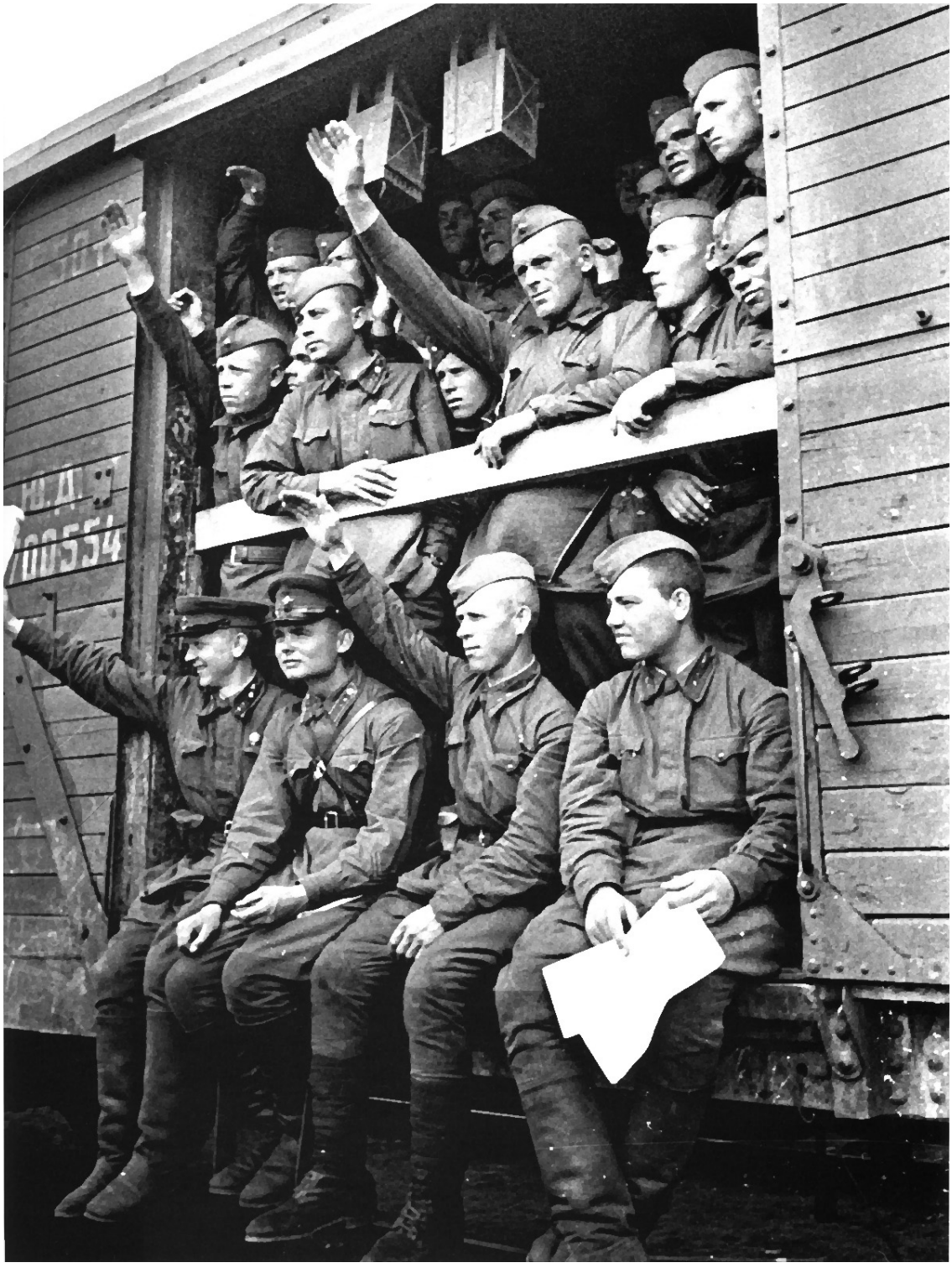
В рассматриваемое время войска германского вермахта были еще очень сильны. Враг продолжал владеть стратегической инициативой и по-прежнему стремился к достижению конечных целей войны. Красную армию и советский народ ждали новые испытания.

Мобилизация сил на спасение Москвы

Война с Россией, несмотря на впечатляющие первоначальные успехи вермахта, развивалась для А. Гитлера по другому сценарию, чем с Польшей и западноевропейскими странами. Германские генералы планировали, что темп наступления всех трех групп армий будет примерно одинаковым. Но первая цель наступления — Ленинград — держалась; Киев пал только после длительного сопротивления. Поступали новые данные о переброске к Москве свежих частей с других участков фронта. Группа армий «Центр» подвергалась постоянным контрударам советских соединений. Нерешенность основной стратегической задачи кампании — уничтожение сил РККА в приграничных сражениях — вынуждала Берлин в срочном порядке искать выход из наметившегося стратегического тупика. Перед войсками Ф. фон Бока стояли обороняющиеся и постоянно контратакующие советские части. Новые операции требовали дополнительного времени на их подготовку. Приостановка наступления на советскую столицу грозила для Германии затяжной войной, к которой она не была готова.

Однако это не означало, что опасность, нависшая над Советским Союзом, уменьшилась. Напротив, германская армия, захватив Киев, войдя в Крым и Донбасс, блокировав Ленин-

Советские беженцы. Лето 1941 г.



Отправка советских солдат и командиров на фронт

град, готовилась окончательно сокрушить советский военный потенциал и осуществить еще в 1941 г. завершающее всю восточную кампанию наступление на Москву. С этой же целью откладывалось продвижение соединений 3-й танковой группы в направлении Валдайской возвышенности. Пехотные соединения 9-й армии сменяли на позициях части 3-й танковой группы, которые, в свою очередь, получали пополнение. Немецкие генералы продолжали рассчитывать, что завершение сражения у Смоленска создаст условия, когда им «не придется считаться с каким-либо серьезным сопротивлением противника и сплошной крепкой обороной на пути наступления до самой Москвы»[95].

Директива А. Гитлера от 21 августа 1941 г. откладывала подготовку операций группы армий «Центр» в направлении советской столицы. Ряд немецких генералов пытался убедить фюрера в необходимости отмены такого приказа[96]. Однако ОКВ, ОКХ, да и сам А. Гитлер осознавали необходимость завершающего штурма советской столицы еще до начала холодов, в противном случае нужно было вести затяжную войну с непредсказуемыми последствиями.

На совещании командующего сухопутными войсками с А. Гитлером 30 августа 1941 г. «было сделано только одно деловое указание, а именно, что части, находящиеся на фронте у реки Десны (входили в состав группы армий «Центр». — *Прим. ред.*), никак не предназначаются для проведения операций на юге, а наоборот, должны как можно скорее быть привлечены для операции против Тимошенко»[97].

В телеграмме, посланной Ф. фон Боком 31 августа 1941 г. Г. Гудериану, сообщалось, что «первой целью, которую должна достигнуть 2 ТГр (2-я танковая группа. — *Прим. ред.*), является линия Борзня — Бахмач — Конотоп. После этого последует новый приказ. Наступление танковой группы глубоко на юг или юго-восток не предполагается»[98]. Приказ командующего группой армий «Центр» от 3 сентября 1941 г. требовал от войск 4-й и 9-й армий, занимавших центральный участок фронта, «удерживать достигнутые рубежи... Проверить одежду и оснащение каждого солдата. Принять все меры, чтобы наступление (на Москву. — *Прим. ред.*) началось и успешно завершилось даже при тяжелейших погодных и дорожных условиях»[99].

6 сентября вышла директива ОКВ № 35. Германское верховное командование намечало в ближайшее время провести последовательно две крупные операции: первая — уничтожение советских войск под Киевом силами групп армий «Центр» и «Юг»; вторая — после устранения угрозы южному флангу группы армий «Центр» повести решительное наступление на Москву. Именно со дня выхода директивы началась непосредственная подготовка операции по захвату советской столицы. Общий замысел наступления был в сентябре доработан, а затем оформлен в виде приказов, детально излагавших задачи каждой армии. Ф. фон Боку было обещано, что его инициативы будут приветствоваться и все «двери» для новой операции «будут оставлены открытыми»[100].

В преамбуле директивы № 35 А. Гитлер пояснил мотивы своего решения: «Начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий «Центр» и «Север», с точки зрения окружения Ленинграда, создают предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступление группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах». Наступление делилось на два этапа: первый — окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; второй — преследование остатков советских войск вплоть до самого города. Предписывалось создать на флангах группы армий «Центр» «сильные танковые части и в результате двойного охвата в направлении города Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Направления ударов: «первое — на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля (4-я армия. — *Прим. ред.*) с нанесением удара на северо-восток» (туда перебрасывались свежие 5-я и 2-я танковые дивизии); «второе — в районе 9-й армии с нанесением удара через Белый» (в этот район должны были быть подтянуты значительные силы из группы армий «Север»). Только после того, как основная часть сил группы С. К. Тимошенко в результате этой операции будет уничтожена, указывалось в директиве, группе армий «Центр» предстояло «начать преследование против-

ника в направлении Москвы». Отдельным пунктом А. Гитлер подчеркивал необходимость сокращения сроков подготовки и проведения операций[101].

12 сентября В. Браухич отметил, что направления восточнее Рославля и восточнее Велижа являются наиболее уязвимыми участками советского фронта, тогда как отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ сообщал о прочной советской обороне против внутренних флангов 4-й и 9-й немецких армий, то есть непосредственно в районе шоссе Москва — Минск[102]. Немецкие удары приходились по слабым участкам советского фронта. 19 сентября предстоящая операция получила кодовое наименование «Тайфун».

К середине сентября А. Гитлер решил, что судьба Ленинграда будет решена его плотной блокадой, и 15 сентября отдал приказ о переброске 4-й танковой группы с севера на центральное направление. На следующий день Ф. фон Бок издал директиву № 1300 («Директивы для новой операции»). 4-я (с подчиненной 4-й танковой группой) и 9-я (с подчиненной 3-й танковой группой) армии должны были осуществить прорыв обороны советских войск по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва и севернее автодороги Смоленск — Москва и зажать их в клещи у Вязьмы. Частям 9-й армии предстояло также продвинуть свои соединения в направлении на Ржев. 2-я танковая группа должна была ударить через линию Орёл — Брянск[103]. ОКХ обращало особое внимание на скрытность перегруппировки войск и выход их на исходные рубежи наступления как можно в более позднее время, с проведением мероприятий по дезинформации противника[104].

К началу операции общая численность группы армий «Центр» достигла 1,9 млн человек. Она имела свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, около 1390 самолетов. В общей сложности к наступлению готовилось 78 дивизий (включая 14 танковых и восемь моторизованных). Авиационное обеспечение осуществлял 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга в составе двух авиакорпусов и одного зенитного корпуса[105]. Германские силы на московском направлении составляли 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов от общего количества, находящегося на всем восточном фронте[106]. Никогда немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий. Противостоявшая группировка Красной армии значительно уступала войскам группы армий «Центр». Советские соединения на московском направлении насчитывали 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков[107].

По последним уточненным данным, ВВС РККА и люфтваффе на московском направлении имели примерное равенство. Так, на 1 октября 1941 г. советская фронтовая авиация насчитывала 568 самолетов (389 исправных). Но в недалеком тылу небо столицы защищал еще целый авиакорпус — 6-й истребительный корпус ПВО, имевший 432 самолета (343 исправных). Кроме того, в октябре 1941 г. Ставка привлекла к ударам по немецким частям пять дивизий дальнебомбардировочной авиации[108]. Но в целом группа армий «Центр» по своей мощи значительно превосходила силы трех советских фронтов (Западного, Резервного и Брянского), прикрывавших московское направление.

Начало операции для 2-й танковой группы было назначено на 30 сентября; для всех остальных соединений — 2 октября[109]. Генерал Г. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска. 26 сентября 1941 г. Ф. фон Бок подписал приказ о наступлении. В его первом абзаце говорилось: «После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление»[110].

Положение на московском направлении в середине сентября 1941 г., казалось, стабилизировалось. Части Западного, Резервного и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. Несмотря на тяжелейшие потери в июле — начале августа, войска Красной армии, прикрывавшие путь на Москву, не только не утратили своей боеспособности, но и продолжали ее наращивать.

По мнению же ОКХ и командования группы армий «Центр», о дальнейшем сопротивлении РККА можно было забыть. После разгрома советского Юго-Западного фронта под Киевом они практически поставили крест на способности СССР продолжать активные бо-

евые действия и считали, что Красная армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем и тем более его удержать[111]. Уже после войны Ф. Гальдер признался известному английскому историку Б. Г. Лидделу Гарту, что А. Гитлер после битвы под Киевом прямо заявил: «С Россией в военном отношении покончено»[112].

Каких-то особых задач на оборону московского направления Западному фронту не ставили вплоть до середины сентября. Более того, на некоторых участках наступательные действия советских войск продолжались вплоть до конца месяца. Однако велись они в ущерб укреплению оборонительных позиций. Новому командующему Западным фронтом генералу И. С. Коневу выделялись солидные резервы. За его спиной, на отдалении 35–40 км, строилась оборона Резервного фронта. После того как Г. К. Жуков вылетел в начале сентября в Ленинград и возглавил оборону Северной столицы, новым командующим Резервным фронтом стал С. М. Будённый. Однако исчерпывающих данных о замысле и направлении ударов германских войск советскому командованию получить так и не удалось. И. С. Конев предполагал, что немцы попытаются ударить по кратчайшему пути — вдоль смоленской дороги, поэтому именно там строились основные укрепления. 26 сентября он докладывал И. В. Сталину и Б. М. Шапошникову, что, по материалам допроса пленного летчика, «противник готовится к наступлению в направлении Москвы с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва». Вероятность того, что противник прорвется севернее и южнее смоленской дороги, своевременно рассмотрена не была. Ставкой ВГК, командованием Западного, Резервного и Брянского фронтов были допущены непростительные просчеты при анализе ситуации. Лишь 1 октября И. С. Конев доложил И. В. Сталину о появлении немецких частей на флангах Западного фронта, но было уже слишком поздно.

С другой стороны, германское командование в конце сентября 1941 г. строило свои планы без расчета людского, экономического и морального потенциала СССР. Однако численное превосходство немецких войск, боевой опыт германских генералов, неожиданность начала операции и ошибки советского командования сыграли роковую роль для Красной армии в начале немецкого наступления на Москву и привели к трагедии под Вязьмой и Брянском.

30 сентября 1941 г. в наступление на брянском направлении против сил Брянского фронта генерала А. И. Ерёменко перешли соединения Г. Гудериана. 2 октября гигантский шквал огня обрушился уже непосредственно на войска Западного и Резервного фронтов. Основные силы группы армий «Центр» были брошены против левого крыла Брянского фронта и флангов Западного и Резервного фронтов. Уже в первый день наступления на брянском направлении часть сил 2-й танковой группы вышла в тыл советской 13-й армии. Успех Г. Гудериана во многом был предопределен активностью 2-го воздушного флота люфтваффе, а также тем, что оперативная группа генерала А. Н. Ермакова, по которой пришелся вражеский удар, сама изготовилась для нанесения контрудара. В общей сложности немцы задействовали здесь около 300 боевых машин. Германские самолеты буквально утюжили советские оборонительные позиции, расчищая путь для механизированных колонн вермахта.

В ночь на 2 октября 1941 г. военнослужащим группы армий «Центр» было зачитано очередное обращение фюрера. В нем говорилось: «...теперь за считаные недели три наиболее крупных промышленных района России без остатка будут в руках немцев (Северо-Западный, Центральный, Донецко-Приднепровский промышленные районы. — *Прим. ред.*)... Сегодня наконец создана предпосылка для последнего жестокого удара, который еще до начала зимы должен разгромить этого противника, нанести ему смертельный удар»[113].

Вечером 2 октября командование сухопутных войск отмечало, что наступление группы армий «Центр» по всей ширине фронта застало советские войска врасплох и поэтому встретило первоначально лишь незначительное сопротивление, «в общем же оборона противника оказалась слабее, чем предполагалось». Разведка вермахта даже не могла вначале точно определить, отходят советские части планомерно или отступают под давлением силы[114].

К исходу дня части и соединения 3-й танковой группы прорвали фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а 4-я танковая группа — в полосе обороны 43-й армии к югу от Варшавского шоссе. В дальнейшем танки группы генерала Э. Гёпнера смяли советские части

и нанесли удар уже по второму эшелону Резервного фронта — по 33-й армии. К сожалению, все внимание Ставки ВГК в этот момент было приковано к орловскому и брянскому направлениям, а также к положению в районе Харькова. К этому времени 2-я танковая армия углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на 120 км[115]. Ситуация в районе Вязьмы не рассматривалась пока как критическая. В Генштаб РККА поступали донесения об успешных действиях в обороне 16, 20 и 24-й армий Западного и Резервного фронтов, и мало кто мог поверить, чтобы немецкие танки вышли уже на шоссе Спас-Деменск — Юхнов, обходя основную группировку советских войск. Данные нашей авиации о германских колоннах техники уже в советском тылу воспринимались как дезинформация.

Бывший командующий истребительной авиацией ПВО Н. А. Сбытов вспоминал в 1994 г.: «5 октября [1941 г.] на рассвете разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в 50 км от города (вероятнее всего Юхнова. — *Прим. ред.*), безусловно, в нашем тылу двумя колоннами идут немецкие танки и пехота... Посылаю перепроверить... Прилетает назад, докладывает: «Товарищ командующий, точно, идут немецкие танки, очень много». Потом оказалось... целый немецкий корпус практически без боя... спокойно движется на Москву. А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны... Я доложил о немцах Телегину». Но, к сожалению, докладу не поверили, и Н. А. Сбытов был на грани ареста. С 7 часов утра до позднего вечера в Генштабе, Ставке ВГК и ГКО решали, чьи танки в нашем тылу. И лишь утром следующего дня начальник штаба ВВС Красной армии генерал Г. А. Ворожейкин позвонил Н. А. Сбытову: «Сообщаю тебе, что ГКО на своем заседании твои действия одобрил! Это, безусловно, немцы идут. Немедленно собери все силы, которые только можно собрать, и бей!»[116]. Н. А. Сбытов вспоминал, что в те дни советской авиацией было уничтожено немало германских танков, но и немцы стали продвигаться вперед осторожнее. После ударов с воздуха они рассредоточились с главной дороги. Кроме того, захватив Юхнов, они развернули главные силы в направлении Вязьмы в целях окружения 19, 20, 24, 32-й армий Западного и Резервного фронтов. Действия авиации в тех условиях помогли оставшимся вне окружения частям РККА. Был, в частности, разбомблен мост через р. Угру в районе Юхнова, что на время задержало немецкое продвижение на восток.

Однако ситуация на фронте становилась все более угрожающей. Западнее Вязьмы советские войска продолжали удерживать участок обороны между флангами прорывов немецких соединений. Но советское командование пока не знало, что вечером 4 октября потеряло последний шанс для организованного отвода войск. Бронированные клинья 3-й и 4-й танковых групп уже подходили к Вязьме, охватывая силы Западного и Резервного фронтов. К исходу 4 октября острие танкового клина генерала Г. Гота находилось уже в 60 км, а Э. Гёпнера — в 70 км от Вязьмы. Германское командование теперь ожидало, что в районах Брянска и Вязьмы в окружение попадет около 70 крупных соединений[117]. На просьбу командующего Западным фронтом И. С. Конева разрешить отход к Ржевско-Вяземскому рубежу Верховный главнокомандующий не ответил. К 4 октября части 8-го армейского корпуса вышли к верхнему течению Днепра. Здесь части Красной армии имели хорошо подготовленную систему обороны, однако продолжительного сопротивления оказать не сумели. Лишь 6 октября, когда кольцо окружения под Вязьмой было сужено до 20 км, Ставка ВГК наконец разрешила И. С. Коневу начать отход[118]. Однако к этому времени ситуация для советских войск стала катастрофической.

Скупые фразы сохранившихся советских оперсводок того времени как нельзя лучше характеризуют весь трагизм произошедшего. Оказавшаяся на острие вражеских атак 30-я армия доносила 6 октября 1941 г.: «Части армии продолжают вести ожесточенные бои с превосходящим противником и производят выход из окружения. Противник тремя пехотными и тремя танковыми дивизиями вышел к Скворцово, г. Белый... 107-я мотострелковая дивизия — бои у Волыново, 237-й мотострелковый полк отходит в район Быково... Большие потери; 242-я стрелковая дивизия — бои в окружении в районе Быково — Михино... Связи с частями 162-й стрелковой дивизии не установлено»[119]. Из оперсводки штаба Западного фронта на 7 октября 1941 г. становится ясно, что командование не имело сведений о положении зажатых в котел группы И. В. Болдина, 31, 19, 16, 20-й, а также 32-й армии Резервного фронта.

7 октября 1941 г. кольцо окружения под Вязьмой замкнулось. Западнее города 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы соединилась с 10-й танковой дивизией 4-й танковой группы. Согласно немецким оперативным данным от 8 октября, в котел попали части 19, 20, 24 и 43-й советских армий в составе 23 стрелковых и трех танковых дивизий, а также отдельные части восьми стрелковых и двух танковых дивизий[120]. Под Брянском окружение трех советских армий (50, 13 и 3-й) было завершено спустя два дня, 9 октября.

В тот же день, 7 октября, штаб группы армий «Центр» издал приказ о продолжении операций на московском направлении. В нем говорилось: «Окруженные западнее Вязьмы армии противника находятся перед своим уничтожением. Весь фронт окружения продолжает против них наступление. Все могущие быть высвобожденными части должны немедленно приступить к преследованию... противника с тем, чтобы не дать ему возможность создать новый фронт обороны»[121].

Ликвидация советских войск под Вязьмой возлагалась на пехотные дивизии 4-й и 9-й немецких армий. 2-й танковой армии была поставлена задача при первой возможности прорваться к Туле и далее к Кашире, Коломне и Серпухову; 4-й армии — наступать от Калуги, Медыни в северо-восточном направлении; незанятым блокированием котла дивизиям 4-й танковой группы — продвигаться от Вязьмы на Можайск; высвобождающимся силам 3-й танковой группы — готовиться к дальнейшему удару в направлении на Калинин и Ржев[122].

У командования группы армий «Центр» были все основания надеяться на быстрое уничтожение советских войск и скорый захват Москвы. Части РККА, которые держали оборону между флангами германских ударных объединений, начали беспорядочный отход. Принявший на себя командование окруженными войсками генерал М. Ф. Лукин решил с ходу прорвать стальные клещи противника и вывести свои силы на восток. Быстрое отступление соединений Западного и Резервного фронтов, очевидно, явилось ошибкой советского руководства, так как было на руку немецкому командованию. Преследуемые с запада германскими пехотными дивизиями части Красной армии упирались в стальную завесу на востоке. На фронте шириной 80 км южнее и севернее Вязьмы немцы сосредоточили шесть танковых дивизий (2, 5, 6, 7, 10 и 11-ю)[123]. Непосредственно Вязьму прикрывала 10-я танковая дивизия. Советские солдаты в полный рост шли в атаку, пытаясь вырваться там, где немцы их уже ждали. Десятки тысяч солдат погибли 8–12 октября в районе деревень Богородицкое и Панфилово под огнем германских орудий и пулеметов. Десятки тысяч попали в плен.

Не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам и советская авиация. Лишь эпизодически окруженным сбрасывалось некоторое количество продовольствия и боеприпасов. Наступившая после 7 октября плохая погода (дождь и слякоть) не помешала немецким частям непрерывно наращивать натиск на сердцевину котла западнее Вязьмы. С осенней распутицей немцы справлялись, в том числе с помощью ускоренных маршей во время ночных заморозков.

Между тем в сводках ОКХ продолжали появляться новые номера окруженных советских дивизий. В общей сложности в двух котлах под Вязьмой и Брянском оказались: семь армейских управлений из 15; 63 дивизии из 95; 11 танковых бригад из 13; 50 артиллерийских полков из 62[124]. Командование группы армий «Центр» решило расколоть фронт окружения под Вязьмой на две части. 12 октября 1941 г. соединения 8-го армейского корпуса пробились с запада вдоль автострады к Вязьме. Была установлена связь с находящимися в городе частями 10-й танковой дивизии.

12 октября части 19-й армии под командованием генерала М. Ф. Лукина попытались прорваться через уже занятую немцами автостраду с севера на юг, чтобы соединиться там с 20-й армией генерала Ф. А. Ершакова. М. Ф. Лукин не знал, что в том районе, куда он рвался (деревня Селиваново), сопротивление окруженных было уже практически подавлено[125]. Тем не менее немцы не смогли сдержать последнего отчаянного натиска советских солдат, и в ночь с 12 на 13 октября значительная их часть смогла прорваться на юг. Однако там они попали в новое окружение — теперь 4-й немецкой армии. 13 октября местность в районе автострады Смоленск — Вязьма была взята под полный немецкий контроль[126]. Советские

войска прекратили организованное сопротивление, хотя разрозненные группы продолжали сражаться в германском тылу еще как минимум десять дней.

Картина завершившегося сражения была поистине трагичной. В одном из немецких отчетов говорилось: «Наступил мороз и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялось имущество, пушки, танки». Значительны были и немецкие потери. Только 8-й армейский корпус со 2 по 14 октября потерял убитыми, ранеными, пропавшими без вести 4077 человек. Однако его части за это время пленили 51 484 советских военнослужащих и взяли в качестве трофеев 157 танков, 444 орудия и другое имущество[127].

Если под Вязьмой все было уже кончено, то в районе действий 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта (командующий генерал — А. И. Ерёменко, а с 14 октября 1941 г. — генерал Г. Ф. Захаров) еще продолжались кровопролитные бои. 9 октября соединения 2-й армии генерала М. фон Вейхса смогли соединиться со 2-й танковой армией Г. Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую группировку на две части: северную — в районе Брянска, Дятьково (50-я армия) и южную — в районе Трубчевска, Суземок, Навли (13-я и 3-я армии). Особенностью сложившейся ситуации было то, что если для 13-й и 3-й армий это означало фактическое окружение, то для 50-й армии оставалась возможность отступления на северо-восток. Здесь немцы не имели сплошного фронта. Однако начавшийся успешный прорыв 50-й советской армии на Белёв был вскоре остановлен по приказу начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова. Армии давалось другое предписание, считавшееся в Ставке ВГК лучшим, но оказавшееся ошибочным, — прорываться на юго-восток. В результате советские части наткнулись на подготовленную немецкую оборону, и все попытки пробиться в юго-восточном направлении (на р. Рессету) оказались безуспешными. Потеряв здесь свыше 80% личного состава и более 97% артиллерии, лишившись командующего генерала М. П. Петрова, остатки армии все же вышли из окружения, но в направлении на северо-восток, на тот же Белёв[128]. Катастрофическим было положение 3-й армии генерала Я. Т. Крейзера, которая вела бои в районе Дмитровска-Орловского. Из окружения в районе северо-восточнее Понырей смогли пробиться лишь 3 тыс. человек.

Соединения 13-й армии изначально пробивались на юго-восток, в общем направлении на Севск. За р. Свапой их должны были встретить части группы А. Н. Ермакова. Прорыв советских войск, казалось, должен был принести результат — отдельные подразделения уже выходили к своим. Однако 16 октября немцам удалось закрыть брешь у р. Свапы. Более того, достигнув дорог с хорошим покрытием, идущих через Брянск, Орёл и Курск, немцы получили явное преимущество и смогли быстро продвинуться в обход оборонительных позиций советских войск. Путь отступления для частей Красной армии был прегражден. Из окружения смогли пробиться лишь 10 тыс. человек 13-й армии[129].

Итог «сражения на уничтожение» под Вязьмой и Брянском был тяжелейшим для советских войск. Согласно предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г., в плену оказались свыше 500 тыс. советских воинов, было захвачено 3 тыс. орудий, 800 танков и другая техника. Чуть позже, к 18 октября, 2-я полевая армия доносила о пленении 55 105 человек и захвате трофейного имущества: 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин[130]. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1242 танков и 5412 орудий. По недавно опубликованным данным, за первые две-три недели боев под Москвой Красная армия лишилась до 1 млн человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. пленных[131]. В окружении погиб и генерал-майор К. И. Ракутин, которого по праву считают родоначальником советской гвардии. Стрелковые дивизии его 24-й армии, бравшей в сентябре 1941 г. Ельню, стали первыми гвардейскими соединениями в Красной армии.

Сопротивление и гибель окруженных войск не были напрасными. В конце концов, столица страны вряд ли смогла бы выстоять без их подвига. Достаточно назвать лишь несколько цифр, чтобы понять, какую роль сыграли обреченные на смерть и плен советские

солдаты. Для ликвидации двух огромных котлов группе армий «Центр» пришлось привлечь до 64% своих дивизий (48 из 74,5) и затратить на это от семи до 14 суток[132]. Эти сутки стали тем критическим временем, которое как воздух нужно было советскому командованию, чтобы перебросить к развалившемуся фронту свежие соединения и преградить дорогу врагу.

Однако в середине октября фактически все пути на Москву оказались открытыми. Наступившее похолодание считалось неприятным, но не решающим обстоятельством накануне вхождения в советскую столицу, поскольку германских генералов грела сама мысль о вновь доказанном превосходстве вермахта над Красной армией.

В советской стратегической обороне на московском направлении образовалась брешь шириной около 500 км. Закрыть ее было нечем или почти нечем. 8 октября отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ констатировал, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск[133]. Германское командование полагало, что Москва падет в самое ближайшее время. В связи с этим планировался скоординированный удар групп армий «Север» и «Центр» (части 9-й армии и 3-й танковой группы) в целях окружения соединений РККА на Валдайской возвышенности[134]. Осуществление этого плана способствовало бы не только быстрейшему захвату столицы, но и падению Ленинграда. По донесениям немецкой разведки выходило, что советские войска располагали в районе Москвы лишь отдельными частями НКВД и милиции, без артиллерии и тяжелого вооружения. Перед фронтом 4-й полевой армии, наступающей на столицу, было замечено всего лишь одно (!) полнокровное советское соединение, появившееся под Медынью — 17-я танковая бригада. Переброски с востока свежих сил Красной армии замечено не было. Предполагалось, что на участке от Козельска до Рузы находится не больше четырех-пяти советских стрелковых дивизий[135]. Немецкие части уже к 10 октября вышли к Можайской линии обороны, а 14 октября соединения 3-й танковой группы ворвались на окраины Калинина. В ставке фюрера царила атмосфера эйфории. Но А. Гитлер и его генералы переоценили свои силы.

14 октября штаб группы армий «Центр» издал новый приказ на продолжение операций. Предписывалось: 2-й танковой армии охватить Москву с юго-востока; 4-й армии (совместно с 4-й танковой группой) окружить столицу с юга, запада и севера и в дальнейшем при возможности наступать на Ярославль и Рыбинск. Другие объединения должны были наступать по расходящимся направлениям: 2-я армия — на Елец и Богородицк, а в дальнейшем, вероятно, и на Воронеж; 9-я и 3-я танковые группы — на Торжок и Вышний Волочёк. 9-я армия и правый фланг 3-й танковой группы должны были уничтожить советские части в районе Ржева, Зубцова, Старицы[136].

Поскольку 3-й танковой группе поручалась задача наступать на Валдай, ее место должна была занять 4-я танковая группа. Предполагалось взять столицу в клещи: силами прежде всего 4-й танковой группы и 2-й танковой армии. Закреплять успехи танкистов намечалось пехотой 4-й полевой армии Г. фон Клюге. Полное окружение Москвы означало, по мнению фюрера, ее неминуемое падение. Капитуляцию города согласно приказу ОКХ от 12 октября 1941 г. принимать не собирались. Он обрекался на уничтожение[137].

Ряд источников уточняет замыслы А. Гитлера относительно будущей судьбы советской столицы. Еще 4 августа 1941 г. на совещании в штабе группы армий «Центр» в белорусском городе Борисове, как отмечал адъютант начальника оперотдела штаба группы армий «Центр» Ф. фон Шлабрендорф, фюрер обсудил план захвата Москвы. «В этот город, — по словам фюрера, — не должен был вступить ни один немецкий солдат. Москву следует окружить так, чтобы из нее не вышли ни русские солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры для того, чтобы затопить Москву и ее окрестности... Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа»[138].

После окружения советских войск под Вязьмой у А. Гитлера возникла другая идея. В распоряжении командования сухопутных сил вермахта группе армий «Центр» от 12 октября 1941 г. говорилось: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия

совершенно ясно в глазах всего мира. Так же как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия... Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в этот город. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство... Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными территориями... Дополнение командования сухопутных сил: следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром. Дальнейшие указания будут отданы позже»[139]. Москву намечалось окружить, обстреливать и избавиться от ее населения. Дальнейшее ее существование не предусматривалось.

Со своей стороны, советское руководство намеревалось удерживать Москву всеми силами, но не исключало, что ее придется оставить. В воспоминаниях бывшего начальника контрразведывательного отдела УНКВД г. Москвы С. М. Федосеева и заместителя начальника 1-го главного управления НКВД, начальника особой группы П. А. Судоплатова присутствует много драматических эпизодов, связанных с подготовкой столицы на случай ее захвата. В первой половине октября минировались важнейшие объекты, прежде всего военные заводы, государственные учреждения, электростанции, а также общественные здания и учреждения культуры, которые немцы могли посещать для отдыха и развлечений. В городе до войны работало 475 крупнейших предприятий, доля Москвы в общесоюзном производстве достигала 22%. Линия фронта проходила в получасе езды от Москвы. В конце ноября на окраинах города уже был слышен грохот орудийной канонады.

В середине октября резко ускорилась эвакуация. К декабрю из Москвы были вывезены 2,2 млн человек. Состав работающих на московских предприятиях сократился на 80%. «После отправки поезда, буквально через 20 минут, подавался следующий порожний состав, — вспоминал уже в 1944 г. начальник управления Ленинской железной дороги Ф. В. Ростовцев. — Для дипломатического корпуса был выделен специальный поезд»[140]. Но эвакуация основного заводского оборудования не означала полной остановки в Москве военного производства. В столице продолжали ремонтировать поврежденную военную технику (самолеты, танки, моторы). Несмотря на мизерные ресурсы, изготавливали минометы, боеприпасы, стрелковое оружие. Предприятия, выпускавшие до войны сугубо мирную продукцию, теперь производили капсюли для гранат, бутылки с зажигательной смесью и прочее. Московские рабочие варили рельсы для противотанковых ежей. Москва стала лидером в производстве пистолетов-пулеметов Шпагина (ППШ). Они изготавливались в том числе на фабрике счетных и пишущих машин. Только за первую половину декабря 1941 г. с ремонтных баз Москвы сошло около 1,5 тыс. танков. Всего Москва дала фронту за годы войны 16 тыс. боевых самолетов, 72 тыс. минометов, 3,7 тыс. «катюш», 3,5 млн автоматов и прочее.

Москва готовилась к испытаниям. Немецкая разведка была недалека от истины, отмечая, что в начале октября перед восточным флангом 4-й армии противник располагал всего несколькими дивизиями, включая три дивизии НКВД[141]. Согласно документам советского командования, все четыре укрепрайона, входившие в состав Можайской линии обороны, к 6 октября 1941 г. практически не были обеспечены войсками. Позиции в окопах занимали наспех переброшенные подразделения. Так, основу Малоярославецкого укрепрайона составили курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ, личный состав запасного стрелкового полка, двух полков ПТО, гаубичного артиллерийского полка и танковой роты; Волоколамского укрепрайона — курсанты Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (1 тыс. человек), личный состав двух батарей ПТО, батальона 33-й стрелковой бригады[142]. Всего удалось собрать около 90 тыс. человек. Других боеспособных частей на тот момент не было.

Советский эшелон с танками Т-40 следует на фронт. Лето 1941 г.

Митинг на Ленинградском заводе имени Кирова о начале войны

Разгромленная колонна советских беженцев. По дороге движутся немецкие войска

Из Ленинграда в Москву был срочно вызван генерал Г. К. Жуков, который должен был разобраться в обстановке. 11 октября Г. К. Жуков официально вступил в должность командующего Западным фронтом. Его штаб располагался тогда в Красновидове. Он принялся стягивать к основным магистралям, ведущим к Москве, любые возможные войска.

Поистине великий подвиг на дальних подступах к столице совершили курсанты военных училищ, прежде всего подольских пехотного, артиллерийского и имени Верховного Совета. Эти юноши, всего несколько тысяч человек, своей грудью прикрыли в начале октября дороги на Москву на можайском и волоколамском направлениях. И без того недостроенная Можайская линия быстро оказалась в руках немецких войск. Вооружение курсантов было слабым, но они задержали врага на самых опасных участках и в самый критический период, когда немцы могли в два-три броска достичь Москвы и захватить ее с ходу. Особенно кровопролитными были бои на Ильинских рубежах в районе Медыни. Стоит отметить, что, несмотря на слабое вооружение, подготовка курсантов была на высоком уровне. Немцы поначалу удивлялись, откуда у русских взялись такие крепкие солдаты.

В середине октября 1941 г. Советское государство оказалось на волосок от гибели. Любой прорыв мог оказаться фатальным для столицы, с падением которой терялся важнейший узел коммуникаций, политический центр, в конце концов, главный символ сопротивления врагу. Борьба восточнее города могла бы продолжаться, но ее эффективность была под вопросом. Это обстоятельство осознавали как в Москве, так и в Ставке А. Гитлера.

Наиболее опасное для советских войск направление в середине октября обозначилось в районе Можайска. Именно здесь почти параллельно друг другу проходят железные и автомобильные дороги на Москву и именно здесь моторизованные соединения вермахта пытались осуществить быстрый прорыв. Наступившая осенняя распутица не помешала переброске на этот участок частей из-под Вязьмы. В первом эшелоне продвигались 10-я танковая дивизия вместе с дивизией СС «Райх». Но остается фактом, что, не имея перед собой значительных сил Красной армии, 4-я армия и 4-я танковая группа так и не смогли сокрушить советскую оборону.

14 октября 1-я танковая дивизия 3-й танковой группы захватила большую часть Калинина. Тем самым немцы овладели важным транспортным пунктом и одновременно плацдармом, препятствующим отходу советских частей за Волгу. Это вынудило нового командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова просить о создании отдельного Калининского фронта, в состав которого были включены 22, 29, 30 и 31-я армии. Несмотря на неоднократные и ожесточенные атаки советских войск в направлении Калинина, вернуть город не удалось. 3-я танковая группа в дальнейшем собиралась продвигаться на Торжок. Однако у населенного пункта Медное немецкое наступление захлебнулось. Во второй половине октября значительная часть подвижных соединений этой группы перешла к обороне.

Почему же войска вермахта не смогли с ходу прорваться к столице? Главным и основополагающим фактором, безусловно, являются мужественное сопротивление бойцов и командиров Красной армии, экстренные меры советского правительства, руководства вооруженных сил по мобилизации всех ресурсов на защиту Москвы. Немецкие трофейные документы подтверждают это. Так, 18 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока констатировал: «В ходе боев последних дней под Малоярославцем, Вереей, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за всю кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков»[143].

По мере наступления на северном фланге группы армий «Центр» стал образовываться громадный выступ, обороняемый с советской стороны войсками Калининского фронта. Он висел, подобно балкону, над немецкими армиями, и Ф. фон Боку не оставалось ничего иного, как задействовать почти всю 9-ю армию только для обороны с севера. В то же время на южном фланге группы армий «Центр» передовые силы 2-й танковой армии забуксовали под Тулой. В конце октября они были остановлены резервами Ставки ВГК, частями 50-й

армии и вооруженными жителями города. Немцам необходимо было произвести перегруппировку своих войск.

В октябре к Москве из тыловых районов СССР, с других участков фронта в спешном порядке подходили свежие советские войска. Они практически с ходу вступали в бой, что не замедлило сказаться на оперативной обстановке. Значительную роль в усилении сопротивления немцам сыграли соединения, переброшенные под Москву с Дальнего Востока и Сибири. Еще до официального вступления в должность командующего Западным фронтом Г. К. Жукова на можайское направление согласно директиве Ставки стали перебрасываться пять дивизий из 22-й и 29-й армий[144]. Многое тогда зависело от быстрой, четкой и бесперебойной работы транспорта, и железнодорожники, без всякого сомнения, справились с поставленной задачей, внеся тем самым свой вклад в оборону столицы. Одной из первых под Москву прибыла 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Она заняла оборону на Бородинском поле.

Упорство советских солдат в обороне удивляло немецких полевых командиров. Так, командование 5-го армейского корпуса в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что «316-я русская дивизия, которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу. Эта дивизия имеет много тяжелого пехотного оружия, сравнительно мало пехотной артиллерии, но все же имеет тяжелую артиллерию, и в некоторых местах она переходит в контратаки вместе с танками»[145].

Сегодня многие историки, занимающиеся битвой под Москвой, отмечают (одни — с упреком, другие — с похвалой) весьма жесткий стиль управления своими войсками генералом армии Г. К. Жуковым. Не вдаваясь в дискуссию, подтвердим, что эта жесткость имела место. Но вместе с тем приведем еще один факт, характеризующий полководца. Поздним вечером 12 октября, получив информацию о падении Калуги, Г. К. Жуков отправил командующему 49-й армией генералу И. Г. Захаркину суровое послание. Его копия пересылалась И. В. Сталину: «1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта и со штабом сами уехали в Тарусу; 2. Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход от г. Калуги не только командование частей, но и Вы будете расстреляны; 3. Стык с 43-й армией в районе Прудки, Барановка направляется 9 тбр (танковая бригада. — *Прим. ред.*); 4. Получение, исполнение донести»[146]. Документ показательный, но требует лишь того комментария, что Калугу отбить тогда не удалось, но и И. Г. Захаркин расстрелян не был. Генерал продолжал руководить войсками своей армии, дослужился до звания генерал-полковника, был одно время даже заместителем командующего фронтом, а в 1944 г. назначен командующим военным округом, где и погиб в автомобильной катастрофе.

Известны и другие жесткие предупреждения и угрозы расстрела со стороны будущего маршала Г. К. Жукова, которые далеко не всегда исполнялись. Гораздо глубже, на наш взгляд, его натуру высвечивает следующий приказ, отданный командиру 2-го кавалерийского корпуса 12 ноября 1941 г.: «Прибывшее в кав. корпус необученное конному делу пополнение передать командующему 49-й армией для укомплектования стрелковых частей. Необученное конному делу пополнение ни в коем случае в строй не давать, разрешаю использовать только для укомплектования тылов»[147]. Приведенный документ показывает, что, вопреки распространенному сегодня мнению, Г. К. Жуков думал и о необученном пополнении, и о том, какие потери неопытные новобранцы могут понести на полях сражений. И такой документ, подписанный им, является отнюдь не исключением.

В докладе командования немецкого 5-го армейского корпуса о боях с 316-й советской дивизией отмечались также и трудности наступления из-за непогоды. Говорилось о «размокшей почве, против которой человек и лошадь в течение многих дней ведут борьбу», перебоях с горючим, «в связи с чем всякое движение вперед и работа значительной части средств связи оказались парализованными»[148]. «Погодный фактор» в октябре 1941 г., без сомнения, сыграл свою роль. Полевые командиры группы армий «Центр», чьи части вязли в грязи,

оказались неподготовленными к такому повороту событий. К тому же российские дороги не были похожи на автострады Западной Европы. Так, 45-я пехотная дивизия 2-й танковой армии еще 13 октября 1941 г. застряла у населенного пункта Быстроны из-за «невообразимо плохих дорожных условий». Сходное положение было и в других дивизиях[149]. Вместе с тем погодные условия лишь осложнили проблемы, вставшие перед группой армий «Центр» в результате усилившегося советского сопротивления. Не случайно в сводке ОКХ от 18 октября 1941 г. основное внимание было уделено именно «высокой обороноспособности русских», а не погодным условиям.

Советское сопротивление к неприятному удивлению Г. Гитлера и Ф. фон Бока возрастало день ото дня. Советские воины проявляли массовый героизм. Русская земля посылала в бой истинных богатырей, которые не бежали перед искушенным врагом, держались до последнего и были достойны памяти своих великих предков — суворовских и кутузовских солдат. Оккупированные и сражающиеся народы Европы и Азии с надеждой смотрели на Красную армию, резонно полагая, что именно от нее сейчас зависит судьба всего мира. В свою очередь, советское командование старалось стимулировать отважное поведение военнослужащих с помощью наград и даже денежного вознаграждения.

В октябрьских боях большую роль сыграл фактор мощи советского оружия. Немецкие командиры боялись встречи с новыми советскими танками. Командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге докладывал Ф. фон Боку: «На участке 34 пд 13 октября произошел бой между нашими легкими полевыми гаубицами и тяжелыми советскими танками (предположительно 52-тонными), в ходе которого с расстояния от 500 до 25 метров по танкам было выпущено попеременно 30 бронебойных и бризантных снарядов и 10 снарядов 10 см образца 1939 г. Уничтожив три легкие полевые гаубицы, семь средних и одну легкую противотанковую пушку, танки отошли назад... Несмотря на многочисленные попадания бронебойных снарядов, в том числе в башню, вражеские танки недостаточно быстро выводятся из строя и не пробиваются насквозь. В последнее время русские используют до 80% из всех танков танки Т-34. В случае атаки большого количества таких танков мы могли бы потерпеть локальное поражение»[150].

Наряду с танками немцы чрезвычайно опасались подвергнуться обстрелу реактивных минометов. С середины октября «катюши» нанесли немалый урон передовым частям вермахта. В докладе Военного совета Западного фронта о действиях дивизионов РС говорилось, что «21 октября на фронте 16-й армии с 316 сд действовали два дивизиона («катюш». — *Прим. ред.*) по местам сосредоточения танков и мотопехоты в районах Осташево, Милованье, Становище. Танки и мотопехота рассеяны и повернули в западном направлении». РС хорошо проявили себя на можайском направлении на фронте 5-й армии, а также в 43-й и 49-й армиях. Во всех случаях танки и пехота противника были остановлены. Генерал Г. К. Жуков просил И. В. Сталина создать дополнительно девять полков РС и направить их к нему на фронт[151].

К концу октября 1941 г. первый натиск немецкого наступления на советскую столицу исчерпал свою силу. Группе армий «Центр» была необходима передышка. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, германские части вынуждены были остановиться, чтобы пополниться личным составом и привести в порядок материальные припасы. Стойкость советских частей в октябрьских боях дала возможность Ставке ВГК перебросить на защиту столицы дополнительные силы. Встреча со свежими советскими дивизиями никак не входила в расчеты командования вермахта. В конце октября 1941 г. немецкая разведка отмечала, что можно ожидать подхода к столице всего одной или двух дивизий с Кавказа и одной с Дальнего Востока и что «до наступления зимы противник не имеет в своем распоряжении боеспособных резервов крупного масштаба»[152]. Немцы глубоко заблуждались.

Ставка ВГК продолжала усиливать Западный фронт новыми соединениями и маршевым пополнением. 10 ноября Брянский фронт был расформирован. Его 50-я армия передана Западному, 3-я и 13-я армии — Юго-Западному фронту. С 17 ноября в состав Западного

Рабочие Ленинградского станкостроительного завода записываются добровольцами на фронт.
3 июля 1941 г.

Ополченцы-колхозники с/х артели «Красный маяк» Городецкого района Горьковской области
на занятиях по военной подготовке

фронта вошла 30-я армия Калининского фронта. Войска получили приказ прочно удерживать занимаемые позиции и не допустить окружения Москвы.

Командующий Западным фронтом мог полагаться на свой тыл. Оставшиеся в Москве жители — женщины, старики, дети — рыли окопы и противотанковые рвы. 12 октября ГКО принял решение о создании системы оборонительных рубежей вокруг Москвы, получившей название Московской зоны обороны (МЗО). Руководство МЗО возлагалось на генерала П. А. Артемьева. Вокруг Москвы намечалось создать пояс обороны, состоящий из двух рубежей — главного и городского. Главный пояс — в форме полукруга радиусом 15–20 км от Москвы; городской — включал три полосы: по Окружной железной дороге, по Садовому кольцу, по Бульварному кольцу (линия трамвая «А») и Москве-реке с юга. Между этими полосами располагались укрепления вдоль сквозных улиц. Огневые средства устанавливались в полуподвалах, цокольных этажах, окнах, на балконах и чердаках.

9 октября в связи с создавшейся под Москвой обстановкой и после того, как Г. К. Жуков 8 октября сообщил И. В. Сталину, что слабое прикрытие Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой немецких танков, Генштаб отдал директиву командующему Московским военным округом о срочном строительстве оборонительных рубежей в глубоком тылу — восточнее Москвы. Туда предполагалось направить основные ресурсы для строительства. Но штаб МВО не согласился с этим решением, считая, что все силы должны быть брошены на возведение укреплений для непосредственной обороны столицы. 14 октября директива Генштаба была отменена. В тот же день окончательно определилась линия оборонительного рубежа вокруг города: через Ростокино, Лихоборы, Коптево, Химки, Иваньково, Щукино, Кунцево, Матвеевское, Никольское, Зюзино, Волхонку, Батраково (главный пояс). Строительство оборонительных сооружений велось и непосредственно в городской черте (городской пояс). В первую очередь нужно было строить противотанковые препятствия (рвы, эскарпы, завалы), доты, баррикады и прочее. Положение переднего края этой полосы несколько раз корректировалось в зависимости от обстановки на фронте. 25 октября Моссовет принял постановление, по которому к строительству укреплений привлекалось мужское население в возрасте до 45 лет и женщины до 40 лет. Работали в непролазной грязи, под дождем и мокрым снегом, по 17 часов в сутки. Но, как отмечали сами москвичи, настроение было бодрое, присутствовало желание сделать все возможное, чтобы враг не прошел. Всего в возведении укреплений участвовали около 600 тыс. жителей Москвы и Подмосковья, среди них 70–75% женщины. Было сооружено 676 км противотанковых рвов, 16 тыс. км окопов, 27 тыс. огневых точек. Работы не останавливались до середины декабря 1941 г.[153]

Военный совет Московской зоны обороны занимался и подготовкой новых частей для обороны столицы. С 13 октября в связи с кризисным положением на фронте в Москве началось формирование рабочих рот и батальонов (по сути, вторая волна народного ополчения). На 24 октября 1941 г. число вступивших в них добровольцев достигло 8 тыс. человек. Батальоны занимали оборону на границах города, строили укрепления. Они вооружались за счет внутренних ресурсов: получали винтовки и пулеметы устаревших марок, главным образом иностранных образцов: французские, немецкие, австрийские, оставшиеся еще с Первой мировой войны. На многих не было мушек, не работали затворы, приходилось все это исправлять на месте. Не всегда к выданным винтовкам подходили патроны. На базе этих батальонов, начиная с 28 октября 1941 г., стали формироваться московские стрелковые дивизии (2-я, 3-я коммунистическая, 4-я и 5-я стрелковые). Эти соединения использовались затем непосредственно в боевых действиях[154]. Командование МЗО многое сделало для минирования основных дорог, ведущих к Москве. В ночь на 16 октября в сторону фронта были отправлены саперные отряды для постановки минных заграждений на Дмитровском, Ленинградском, Звенигородском, Можайском, Киевском и других шоссе.

15 октября 1941 г. вышло постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». 16 октября, после распространения среди москвичей информации о новом немецком наступлении и появлении слухов о скором прорыве германских танков, среди части горожан

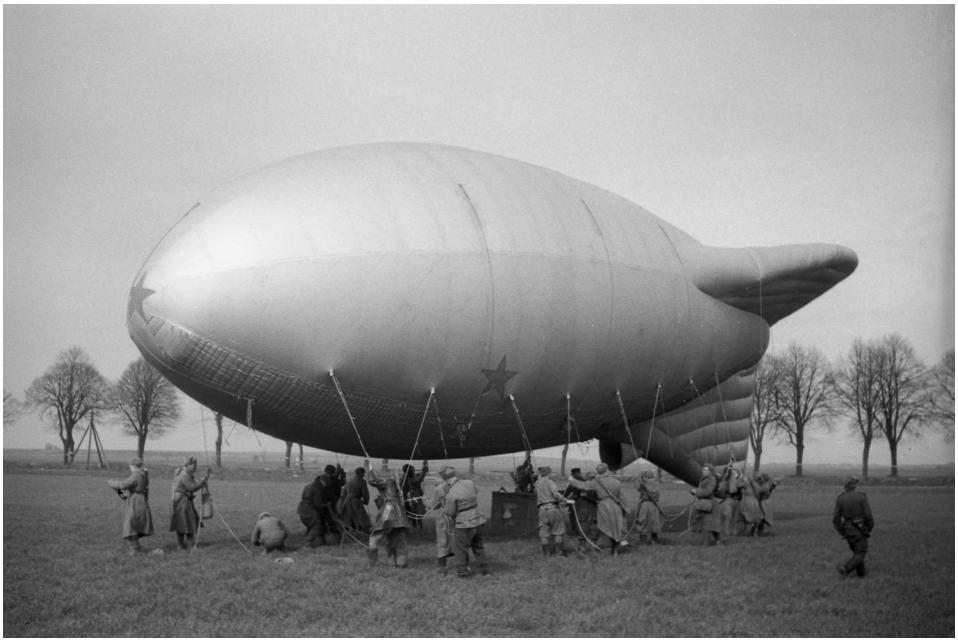
возникла паника. Многие жители, похватав свои вещи, устремились на восток, запрудив шоссе Энтузиастов. Другие пытались остановить хаос, задерживая нагруженные домашним скарбом машины. Положение усугублялось бегством из Москвы ряда ответственных хозяйственных руководителей — директоров предприятий, бросивших на произвол судьбы своих подчиненных.

Приняв решение об эвакуации важнейших заводов и учреждений, И. В. Сталин, оперативные работники НКО и Генштаба остались в городе и продолжали руководить обороной. Хаос был пресечен жесткими мерами в отношении паникеров. С 20 октября Москва была объявлена на осадном положении. В городе действовал комендантский час, подозрительные элементы немедленно арестовывались, а при сопротивлении расстреливались на месте. Были приведены в действие и другие спецмероприятия по борьбе с паникерами, шпионами и прочими.

Огромное моральное значение для бойцов Красной армии и всех граждан страны имело торжественное заседание 6 ноября на станции метро «Маяковская» и проведение 7 ноября традиционного парада на Красной площади в честь очередной годовщины Октябрьской революции. Могло показаться, что этот парад в момент, когда немцы находятся всего в 60–100 км от столицы, просто невозможен. Авиация противника могла разбомбить проходящие по площади войска. Но в реальности парад был как никогда нужен и своевременен, он вдохнул новые силы в советских людей. Принимать парад было поручено заместителю наркома обороны СССР маршалу С. М. Будённому. Командование парадом возлагалось на командующего войсками Московского военного округа и Московской зоны обороны генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. Непосредственная подготовка парада была поручена коменданту г. Москвы генералу К. Р. Синилову. В ночь на 7 ноября комендант Москвы сообщил, что парад начнется в 8 часов утра. Все силы Московской ПВО были приведены в повышенную боевую готовность. Ровно в назначенное время войска вышли на Красную площадь. На лицах советских воинов отражались суровость и торжественность момента. С речью к народу с мавзолея Ленина обратился И. В. Сталин. Он сказал о том, что у страны были еще более трудные времена. Теперь же государство стало сильнее и имеет поддержку других народов. Тем не менее главнокомандующий признал, что вероломное нападение Германии создало смертельную угрозу. Враг оказался у стен Москвы и Ленинграда. Но он жестоко просчитался. На советских людей «смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!». Парад длился полтора часа. Большинство войск вскоре после него отправилось на фронт[155]. Парад 7 ноября 1941 г. стал знаковым событием, совершившим коренной перелом в умах советского народа, изменившим его психологический настрой, укрепившим моральный дух и веру в победу над фашизмом. Кроме того, парад имел огромное международное значение.

Положение на фронте, однако, оставалось тяжелейшим для Красной армии. Германское командование, несмотря на временную приостановку наступления, не отказалось от мысли завершить начатое дело и взять столицу СССР. Группа армий «Центр» была усилена резервами, произведена перегруппировка ее войск. На Москву были нацелены 51 дивизия, в том числе 13 танковых и семь моторизованных. Перевес в силах, как и ранее, был на стороне вермахта и составлял: в людях — в 2 раза, в артиллерии и минометах — в 2,5 раза, в танках — в 1,5 раза. 30 октября Ф. фон Бок издал приказ по группе армий на продолжение операций, но возобновить новый натиск на столицу немцы смогли лишь в середине ноября.

15–18 ноября после отдыха и пополнения группа армий «Центр» возобновила наступление, нанося главные удары в направлении Клина, Рогачёва (в обход Москвы с севера) и Тулы, Каширы (в обход Москвы с юга). Захватчики встретили упорное сопротивление советских войск. «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» — таков был девиз защитников столицы.



Подготовка заградительного аэростата к запуску. Июнь 1941 г.

Отражение ночного налета немецкой авиации на Москву 26 июля 1941 г.

Здание Большого театра в маскировочной окраске. 1941 г.

Маскировка Московского Кремля от авианалетов. Манежная площадь. Осень 1941 г.

Показательно, что осознание германским командованием того факта, что окружение Москвы является для них непосильным делом, происходило практически одновременно с переходом немецких войск в наступление. Например, хорошо известен факт, что контрудар 49-й армии в районе Серпухова, проведенный согласно приказу командующего Западным фронтом от 14 ноября, нанес ощутимый урон группе армий «Центр». В шестидневных боях были измотаны соединения правого фланга 4-й армии и сорваны их наступательные планы[156]. В результате фельдмаршал Г. фон Клюге сделал вывод, что об окружении Москвы силами 4-й армии не может быть больше и речи[157]. Удачные действия в обороне советских войск в районе Тулы препятствовали немецкому продвижению к Москве с юго-запада.

Воспользовавшись неудачным наступлением частей 16-й армии, соединения 4-й и 3-й танковых групп нанесли удар в направлении Волоколамска и Клина. Они достаточно быстро добились крупного успеха. В результате пали Клин и Солнечногорск, а немецкие моторизованные колонны вышли к Ленинградскому шоссе. Здесь, к северо-западу от Москвы, обозначилась главная угроза городу.

В середине ноября погода благоприятствовала переходу германских войск в наступление. Солдаты и техника продвигались на восток по мерзлой и твердой земле, лишь слегка припорошенной снегом. Небо было ясное, светлое, почти кристальное[158]. Никаких ограничений действий авиации не было. Казалось, пройдет еще несколько дней, и немецкие танки ворвутся в советскую столицу. Враг методично вгрызался в советскую оборону, но каждый новый шаг вперед стоил ему больших жертв.

Особенно ожесточенные бои развернулись на волоколамском направлении. Здесь продолжала мужественно отражать немецкие атаки 316-я стрелковая дивизия 16-й армии под командованием генерала И. В. Панфилова. Немцы, рассчитывавшие с ходу прорваться по Волоколамскому шоссе к Москве, не смогли сломить сопротивления дивизии, потеряв в октябрьских боях до 90 танков и несколько батальонов пехоты. 16 ноября после мощной авиационной и артиллерийской подготовки противник обрушился на 316-ю стрелковую дивизию силами 2-й и 11-й танковых дивизий. В 316-й дивизии после октябрьских боев почти не осталось средств противотанковой обороны. Основной удар танковой армады врага пришелся по 4-й и 6-й стрелковым ротам 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, оборонявшимся у разъезда Дубосеково и деревни Петелино. Обе роты проявили себя стойко, отбив несколько танковых атак с помощью гранат и бутылок с зажигательной смесью, подбив при этом 24 танка. Политрук 6-й роты П. Б. Вихрев в разгар боя у деревни Петелино совместно с 14 бойцами уничтожил до взвода автоматчиков и пять немецких танков. Оставшись один, П. Б. Вихрев отстреливался до последнего патрона и, когда его окружили немцы, чтобы не попасть в плен, застрелился. Ему первому в дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза.

16 ноября в донесении И. В. Сталину командующий Западным фронтом Г. К. Жуков писал: «За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм всего личного состава дивизии в борьбе с фашистами ходатайствую о присвоении 316 сд звания гвардейской дивизии и награждении ее орденом Красного Знамени». Уже 18 ноября 1941 г. дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую и награждена орденом Красного Знамени. Но в тот же день в бою у деревни Гусенево погиб ее легендарный командир генерал Иван Васильевич Панфилов. Постановлением ГКО от 23 ноября 1941 г. 8-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено его имя. До начала декабря 1941 г. панфиловцы с тяжелыми боями, переходя в контратаки, отходили от рубежа к рубежу, не давая фашистам осуществить прорыв к Москве. У поселка Крюково, ныне находящегося в черте Зеленограда, враг был окончательно остановлен. 8-я гвардейская дивизия вместе с другими соединениями Западного фронта выиграла время, необходимое для подхода резервов[159].

В период решающего германского натиска на Москву советское командование требовало от бойцов и командиров строжайшего исполнения приказаний и борьбы до последней капли крови. Массовый героизм военнослужащих исходил из глубины народного сознания. Но Ставка ВГК и лично И. В. Сталин считали, что излишней жесткости в деле обороны

быть не может. Именно тогда был издан ряд документов, которые вызывают неоднозначное толкование. Так, 17 ноября 1941 г. появился секретный приказ № 0428 Ставки ВГК, в котором ставилась задача «выгнать немецко-фашистских захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». Для этого приказывалось «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и 20—30 км вправо и влево от дорог». Отметим лишь, что подобные документы нельзя рассматривать в отрыве от суровой реальности и факта отсутствия альтернатив: либо враг будет остановлен, либо страна и все ее население окажется под пятой оккупантов. С этим приказом непосредственно связан подвиг Зои Космодемьянской, погибшей от рук захватчиков.

Вопреки распространяемому сегодня некоторыми СМИ тезису о том, что репрессии были главным методом управления войсками со стороны кремлевского руководства, правда войны была куда сложнее. Жестоких начальников, губивших невиновных людей, в России всегда хватало. Но тем более удивительно, что осенью 1941 г., когда, казалось бы, требовались беспощадные меры для укрепления стойкости, выходили приказы, запрещавшие такую практику. Так, еще 4 октября 1941 г. И. В. Сталин и Б. М. Шапошников подписали приказ НКО под заголовком «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем говорилось, что за последнее время наблюдаются случаи «грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным», что «метод убеждения неправомерно отодвинули на задний план», «воспитательная работа... подменяется руганью», «забыта истина, что применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случае прямого неповиновения». Документ предписывал: «восстановить в правах воспитательную работу», «самым решительным образом, вплоть до придания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий». Приказ объявлялся всему начальствующему составу действующей армии до командира и комиссара полка включительно[160]. Конечно, выход такого приказа не искоренил, да и не мог искоренить всех фактов незаконных репрессий, но думается, что он подействовал отрезвляюще на многие не в меру горячие головы среди командного состава.

В конце ноября начался поистине кульминационный период всех сражений на советско-германском фронте 1941 г. Он не был продолжительным. С начала нового немецкого наступления на Москву 15—18 ноября до перехода Красной армии в контрнаступление 5—6 декабря прошло всего полмесяца с небольшим, но именно за это время силы германских соединений, наступавших на Москву, основанные на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров, были превзойдены стойкостью советских бойцов, экстренными мерами правительства Советского Союза по мобилизации ресурсов на отпор врагу. В срыве наступления сыграла свою роль и накопившаяся масса ошибок германского командования в анализе общей ситуации на восточном фронте.

Немецкой авиации не удалось в ноябре захватить господство в воздухе в районе Москвы. Неудачными оказались германские атаки на советские аэродромы. Неспособность люфтваффе в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижала темпы продвижения группы армий «Центр» к советской столице, отрицательно влияла на моральное состояние германских военнослужащих. С другой стороны, массированные атаки на жилые кварталы и предприятия города не дезорганизовали москвичей.

Германской авиации в столичном регионе противостояли части Московской зоны ПВО и силы местной ПВО (МПВО). К 22 июля 1941 г. ПВО (1-й и 6-й истребительный корпуса) имела следующие силы: зенитных орудий среднего калибра — 796, других зенитных орудий — 248, самолетов — 602, аэростатов — 124, зенитных пулеметов — 571, десятки прожекторов. К началу войны город располагал бомбоубежищами вместимостью 400 тыс. человек. К концу 1941 г. с учетом 23 км линий метро в Москве можно было укрыть от налетов 1,6 млн человек. По данным Московского корпусного района ПВО на начало 1942 г., за шесть месяцев войны в налетах на столицу участвовало более 7 тыс. самолетов противника, из них

В ходе налета немецкой авиации в ночь на 24 июля 1941 г.
одна из бомб угодила в здание театра имени Вахтангова

Строительство оборонительных сооружений на улице Балчуг. Москва. Осень 1941 г.

Морские пехотинцы под Москвой. Октябрь 1941 г.

Москва. Осень 1941 г.

к городу прорвалось всего 229. МПВО отметила за то же время появление над городом около 700 вражеских самолетов.

Всего же в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. На город было сброшено 1610 фугасных и 110 тыс. зажигательных бомб. Показательно, что 687 фугасок упало на ложные объекты. Во время воздушных налетов пострадали 7,7 тыс. человек, 2196 человек погибли. МПВО занималась и обучением населения[161]. Противовоздушная оборона Москвы на тот период была, пожалуй, лучшей в мире, хотя из-за допущенных еще в предвоенное время ошибок и реалий противоборства с грозным и опытным противником потери германской авиации на подступах к городу не оказались столь высокими, как на то можно было рассчитывать.

Корреспондент английской газеты «Санди таймс» в СССР А. Верт, сравнивая отражение первых налетов на Москву с противовоздушной обороной Лондона, писал: «Особенно внушительное впечатление произвел мощный заградительный огонь (зениток. — *Прим. ред.*): шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного»[162].

В небе и на земле на подступах к столице происходили кардинальные изменения, свидетельствовавшие, что события разворачиваются не в пользу вермахта. В 20-х числах ноября перед лицом немецких войск стояли уже не ослабленные и деморализованные части РККА, а свежие части из внутренних регионов СССР. Сила группы армий «Центр» была еще велика, но Ф. фон Бок стал беспокоиться, что советские войска были в состоянии преподнести сюрприз[163]. Однако фельдмаршал еще верил в успех. До окраин города с северо-запада 3-й и 4-й танковым группам оставалось всего около 40 км. Взятие столицы в этой связи казалось делом ближайших дней.

Вслед за боями на волоколамском направлении упорные сражения развернулись в районе Истры. Здесь дивизии СС «Райх» противостояла 78-я стрелковая («сибирская») дивизия под командованием полковника, затем генерал-майора А. П. Белобородова. Вскоре 78-я дивизия стала 9-й гвардейской. Несмотря на контратаки советских войск, 21 ноября 46-й корпус 4-й танковой группы противника занял населенный пункт Ново-Петровское. В то же время 40-й корпус пробился на восток севернее г. Истра[164].

Соединения группы армий «Центр» продолжали развивать удар на стыке Калининского и Западного фронтов, где советская оборона была наиболее уязвимой. Это обстоятельство позволило немецким войскам добиться значительного успеха. 23 ноября они заняли Клин и Солнечногорск. 25 ноября 11-й танковой дивизии вермахта удалось переправиться через р. Истру и Истринское водохранилище[165]. Фельдмаршал Ф. фон Бок делал ставку на успех 4-й танковой группы. С истринского участка немецкие соединения выходили на ближние подступы к Москве. Бои шли в районе дачных поселков в окрестностях города. Об окружении столицы уже не говорилось: германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на улицах. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим для противоборствующих сторон.

Но успех немецкого наступления зависел во многом и от событий на южном фланге группы армий «Центр», в районе Тулы. С 18 ноября главный удар танковой армии Г. Гудериана был направлен в стык Западного и Юго-Западного фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга 50-й армии, немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа в 6 км к югу от Каширы. Но сильный контрудар 2-го кавкорпуса П. А. Белова (с 26 ноября — 1-й гвардейский кавкорпус) заставил противника перейти к обороне. Все попытки Г. Гудериана овладеть Тулой оказались безрезультатными. Важно подчеркнуть, что позиции советских частей, оборонявших этот город, создавали большой выступ в немецком фронте, который как бы разрезал группу армий «Центр» на две неравные части и не давал возможности германскому командованию осуществлять нормальное снабжение и пополнение выдвинутых вперед соединений Г. Гудериана. В начале декабря немцы вновь попытались овладеть Тулой. Им удалось даже выйти к Московскому шоссе. Город был почти полностью окружен, оставался лишь узкий коридор шириной в 5–6 км, но преодолеть его германские части не смогли. Войска 50-й армии и тульские ополченцы

Москвичи готовятся к обороне города

Женщины с детьми получают питание в бомбоубежище на станции метро «Маяковская» в Москве

отразили натиск противника. Очевидно, что если бы Тула в тот момент пала, то советская оборона к югу и юго-западу от Москвы могла бы не выдержать очередного натиска и части вермахта подошли бы к столице вплотную.

Германские потери росли. В пехотных ротах оставалось всего по 20–30 человек, а пополнения ждать не приходилось. Но Ф. фон Бок, казалось, не замечал нарастающих трудностей. Он уже видел город в бинокль и рассчитывал ворваться в него даже без содействия сил Г. Гудериана. Фельдмаршал понимал, что должен использовать свой последний шанс. Он сравнивал происходящие на северо-западе от Москвы события с битвой на Марне времен Первой мировой войны и полагал, что ему придется бросить в сражение все до последнего солдата, чтобы окончательно перевесить чашу весов в свою пользу[166].

Генерал Г. Рейнгардт, новый командующий 3-й танковой группы, 24 ноября получил приказ достичь канала Москва — Волга в районе Яхрома — Дмитров. Ценой громадных усилий танковой группе удалось в конце ноября продвинуться к каналу и переправиться в районе Яхромы на его восточный берег. Но здесь ее соединения были остановлены передовыми частями советской 1-й ударной армии, переданной 29 ноября из резерва Ставки Западному фронту. Вскоре соединениям армии удалось разбить и отбросить на противоположную сторону уже переправившиеся немецкие части из 56-го армейского корпуса.

Южнее полосы наступления 3-й танковой группы активными действиями советской 20-й армии было остановлено продвижение вперед 4-й танковой группы на рубеже, проходящем через район деревни Красная Поляна (что в 27 км от Кремля), которая была занята немецкими войсками 1 декабря. Вплоть до 7 декабря на этом участке продолжались ожесточенные бои.

Последняя, отчаянная попытка группы армий «Центр» прорваться к Москве произошла 1–3 декабря в районе Звенигорода и Наро-Фоминска (в полосе 4-й армии). Утром 1 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немцы начали наступление. В районе Звенигорода они особого успеха не имели, но северо-западнее Наро-Фоминска враг, используя свое более чем пятикратное превосходство, прорвал оборону 33-й советской армии. К полудню 2 декабря пехотные части вермахта при поддержке 15 танков заняли Петровское и Бурцево. До окраин Москвы оставалось всего 30 км. Прорыв немцев являлся попыткой немецкого командования путем фронтального удара взломать оборону столицы, поскольку сил для наращивания натиска на флангах группы армий «Центр» уже не имелось. Однако в результате контрудара боевой группы 33-й армии под командованием полковника М. П. Сафира части вермахта были остановлены. Пехотный полк противника, усиленный танковым батальоном, был разгромлен, а его остатки отброшены назад. По советским данным, немцы потеряли до 2 тыс. солдат и 11 танков. Операция по ликвидации наро-фоминского прорыва группы армий «Центр» имела большое значение в битве за Москву. 5-я и 33-я армии Западного фронта сдержали отчаянный натиск германских войск и не допустили их продвижения к столице по Минскому и Киевскому шоссе[167].

Сегодня существуют различные точки зрения относительно воздействия, которое оказала наступившая морозная погода на наступление немцев в конце ноября — начале декабря 1941 г. Данные о температуре воздуха в этот период в отечественных и зарубежных исследованиях расходятся. Отметим, однако, что, по немецким источникам, она редко превышала тогда обычную для этого времени отметку минус 15–16 градусов и лишь в первых числах декабря достигла 30 градусов ниже нуля по Цельсию[168]. Естественно, сильный мороз вносил немалые коррективы в действия германских войск, в частности заставлял экипажи танков и водителей грузовиков тратить массу времени на подогрев моторов, а боевые подразделения были вынуждены совершать переходы только вблизи населенных пунктов. Но температура ниже 30 градусов стояла всего два дня, и, конечно, холод оказывал воздействие не только на немецких, но и на советских солдат. Причиной срыва наступления группы армий «Центр» был не мороз, а возросшее сопротивление Красной армии. Прорыв частей вермахта, усиленных танками, в районе Наро-Фоминска, когда им всего за сутки удалось продвинуться на глубину 25 км, но затем пришлось ретироваться под воздействием контрудара советских частей, яркое тому подтверждение.

С 20-х чисел ноября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока Генштаба ОКХ сообщал о подходе к фронту новых соединений Красной армии, способных вести упорную борьбу против группы армий «Центр». В сводке за 26 ноября 1941 г. указывалось, что «воздушная разведка установила интенсивное железнодорожное движение между городами Тамбов и Ранненбург»[169]. В других документах ОКХ отмечалось, что не только на северном фланге группы армий «Центр», но и в районе Тулы «противник ввел в бой свежие силы»[170]. Однако в сводках того времени (которые разделяли представители и ОКХ, и ОКВ) наряду с достоверными сведениями присутствовали совершенно неверные выводы о намерениях советских войск. Так, 2 декабря германскому военному руководству было представлено разведсообщение, в котором говорилось: «...русское командование в настоящее время не располагает резервами и поэтому предпринимает попытки, введя в бой все имеющиеся в распоряжении силы, приостановить наступление немецких войск»[171]. Заметим, что этот вывод был сделан всего за три дня до начала контрнаступления советских войск под Москвой. Германские генералы имели шанс предотвратить худшие для себя последствия надвигающегося кризиса, если бы более внимательно отнеслись к тревожным сведениям с фронта. Весьма характерна следующая немецкая оценка обстановки на 4 декабря 1941 г.: «В общем же, боеспособность противника не настолько велика, чтобы без значительного подкрепления он мог бы предпринять крупное наступление»[172]. Активные действия Западного и Калининского фронтов настораживали командующих объединениями группы армий «Центр», однако сверху никаких указаний о переходе к обороне они не получали и особых мер для охраны своих позиций не предпринимали.

Итак, наконец-то противник под Москвой был остановлен окончательно. Однако угроза столице оставалась: враг находился рядом с ней. Чтобы снять эту опасность, необходимо было отбросить его как можно быстрее. К решению такой задачи и готовилась Красная армия.

Самоотверженность блокадного Ленинграда

Не сумев захватить Ленинград с ходу, немецкое командование начало его осаду. Железное кольцо блокады мертвой хваткой сжимало Ленинград. Линия фронта проходила в непосредственной близости от города: на юге она была всего в 2–4 км, а на юго-западе, северо-западе и севере — в 25–30 км от его окраин. Осажденный город сражался в неимоверно тяжелых условиях. В планах противника его судьба была давно решена. Еще 22 сентября 1941 г. в директиве главного командования германских ВМС указывалось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Предполагается тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей»[173].

С остервенением немецкие войска претворяли в жизнь этот поистине варварский план. На первых порах в основном использовалась авиация. Ее удары резко возросли с началом блокады. В сентябре 1941 г. в налетах на город участвовало 2712 самолетов. Были разрушены и повреждены сотни домов, возникло много пожаров, были убиты и ранены около 4,5 тыс. человек. Но сентябрьские налеты не прошли для врага безнаказанно. Войска ПВО из 480 прорвавшихся к Ленинграду немецких самолетов уничтожили 272. Командование противника поняло, что при такой противовоздушной обороне оно потеряет всю свою авиацию прежде, чем нанесет значительный ущерб городу. И в этой связи гитлеровцы главные усилия по его разрушению переложили на артиллерию, а центр тяжести в боевом применении авиации был перенесен на обеспечение блокады Ленинграда. Так, в период с декабря 1941 по апрель 1942 г. в налетах на коммуникации, ведущие к блокированному городу, участвовало 3724 вражеских самолета, а на Ленинград — 125 (почти в 30 раз меньше). Однако продолжались и воздушные налеты на город. Только с ноября 1942 по март 1943 г. на головы ленинградцев немецкая авиация сбросила 390 фугасных и 1854 зажигательные бомбы[174]. С конца 1942 г. противник стал

применять новые бомбы. Начиненные фосфором, они вызывали сильные пожары. Немало жертв было среди мирных граждан, которых артиллерийский обстрел заставал на улицах города и в домах. Зимой 1942–1943 гг. были разрушены сотни жилых домов, пострадало немало памятников культуры мирового значения. Так, 6 ноября 1942 г. 250-килограммовая бомба причинила серьезные повреждения Аничкову мосту через Фонтанку, а 6 января 1943 г. такая же бомба вывела из строя разводной пролет Республиканского (Дворцового) моста. Многим заводам, особенно расположенным в южной части города, обстрелами и бомбардировками был нанесен огромный ущерб — некоторые из них были разрушены почти до основания.

С различных участков фронта и из армий стран ограбленной Европы нацисты стягивали под Ленинград 210-мм и 240-мм пушки, 400-мм гаубицы, 305-мм и 420-мм мортиры. Обладая большой дальнобойностью и огневой мощью снарядов, они обстреливали все районы города. За время блокады на Ленинград враг обрушил 150 тыс. снарядов и 105 тыс. авиабомб. В итоге было разрушено свыше 10 тыс. зданий, более 17 тыс. ленинградцев погибли, а 500 тыс. лишились крова.

Борьбу с вражеской артиллерией вели дальнобойные орудия фронта и Балтийского флота, объединенные с марта 1942 г. во фронтовую артиллерийскую группу. Вначале они только отвечали на вражеский огонь, а с лета 1942 г. стали проводиться артиллерийские и авиационно-артиллерийские операции по уничтожению батарей противника, независимо от того, вели они огонь в данный момент или нет. Немцы, неся ощутимые потери, прекращали обстрел города и переключались на борьбу с нашими батареями. В результате интенсивность обстрела Ленинграда была снижена в три-четыре раза. Только за период с января по апрель 1942 г. корабли и береговые батареи провели 1879 стрельб и израсходовали 21 414 снарядов калибра от 406 до 100 мм. Оказывая огневую поддержку войскам Ленинградского фронта, ведя огонь по сухопутным коммуникациям и резервам противника и контрбатарейную борьбу, артиллерия флота уничтожила около 10 артиллерийских и минометных батарей, более 100 раз заставляла замолчать батареи противника, обстреливавшие Ленинград[175]. Таким образом, артиллеристы и летчики, приняв на себя многие десятки тысяч тяжелых снарядов врага и постоянно уничтожая его орудия и склады боеприпасов, значительно уменьшили разрушение города и облегчили судьбу населения.

В тяжелых условиях блокады личный состав Балтийского флота оказывал большую помощь промышленности и городскому хозяйству осажденного Ленинграда. Моряки эскадренных миноносцев «Опытный», «Сторожевой», «Славный», «Строгий», «Грозящий», «Вице-адмирал Дрозд», «Стройный», крейсеров «Максим Горький» и «Киров», бригады подводных лодок, линкора «Октябрьская революция» и других кораблей, частей и соединений флота строили оборонительные сооружения, а также принимали участие в восстановлении жизненно важных для города объектов. 10 января 1942 г. вышел из строя последний насос центральной городской водопроводной станции, в результате чего город остался без воды. На помощь ленинградцам пришли моряки Балтийского флота. Восстановительные работы вел экипаж подводной лодки К-56, стоявшей около центральной водопроводной станции. Через 22 часа моряки пустили первый дизель и дали воду в напорную башню. А через 60 часов напряженной работы в холодном помещении они пустили четыре дизеля аварийной станции, и город получил воду[176]. Моряки Балтийского флота восстановили также Табачную фабрику имени Урицкого. С помощью Балтийского флота был восстановлен и 1-й молочный завод, пострадавший от вражеской бомбежки. Этот завод снабжал молоком детей, больных и раненых. За короткий срок группа моряков выполнила большие ремонтные работы. Вместо разрушенной котельной они подогнали по рельсам к зданию завода паровоз, проложив для этого сотни метров рельсового пути, и дали пар в цеха завода. Завод ожил и вновь стал давать продукцию, столь необходимую для госпиталей и детских садов. Большие работы были проведены также на заводах «Большевик», «Канонерский», «Красногвардеец», имени Жданова, имени Орджоникидзе, «Судомех», «Республика», Невском химическом комбинате, фабриках «Канат», «Светоч», заводах № 5, 103, «Красная Бавария» и многих других предприятиях. Личный состав эсминца «Славный» восстановил главные турбины ГЭС № 2. Балтийские

моряки оказали огромную помощь и в обеспечении города топливом, в восстановлении и отоплении детских садов, бань и прачечных. Медицинский персонал флота оказывал большую медицинскую помощь населению. В самый тяжелый период блокады флот из своих фондов передал для снабжения населения города 1545 тонн пшеничной и ржаной муки, 100 тонн жиров, 105 тонн сахара, 24 тонны рыбных консервов, 4 тонны сгущенного молока[177].

А положение жителей блокадного Ленинграда было действительно удручающим. Создалось катастрофическое положение с продовольствием. На город неумолимо надвигался голод. Горели и рушились дома. Иссякали запасы топлива. Прекратилась подача электроэнергии в дома. Остановился городской транспорт. Лютые морозы вывели из строя водопровод и канализацию. Снежные сугробы перекрыли все улицы. Смерть ежедневно косила тысячи голодных людей, не разбирая пола и возраста. Не оставляют никого равнодушным сохранившиеся страницы дневника маленькой Тани Савичевой: «Бабушка умерла 25 янв... Дядя Алеша 10 мая... Мама 13 мая в 7.30 утра... Умерли все. Осталась одна Таня». Горе пришло в каждую семью. На глазах у матерей и отцов умирали их сыновья и дочери, дети оставались без родителей.

С первого дня блокады 2,4 млн ленинградцев испытывали тяжелый психоэмоциональный стресс, обусловленный ежедневными бомбовыми ударами, артиллерийскими обстрелами и опасностью захвата города немцами. С сентября по декабрь 1941 г. всего 12 дней не было обстрелов, а с октября по декабрь 1941 г. противник бомбил Ленинград каждую ночь. За время блокады на Ленинград враг обрушил 150 тыс. снарядов и 105 тыс. авиабомб. В итоге было разрушено свыше 10 тыс. зданий, 15 млн кв. метров жилой площади, на которой проживали 716 тыс. человек, располагались 840 заводов, 526 школ и детских садов, 21 научное учреждение, 16 747 ленинградцев погибло, 33 782 человека были ранены (из них 33%, по неполным данным, умерли)[178].

В период массового психоэмоционального стресса появилась неизвестная ранее форма патологии, получившая название «болезни нервной регуляции». Этим термином определяется обширный класс заболеваний, обусловленных нарушением состояния аппарата нервной регуляции функций органов. В первые месяцы блокады увеличилась заболеваемость гипертонической болезнью и тяжесть ее симптомов у гипертоников с довоенного времени. В этот период в группе практически здоровых людей, занятых физическим трудом, на фоне обычного режима питания наблюдались случаи гипогликемической комы. Врачи-блокадники отмечали пагубное воздействие воздушных тревог, бомбардировок и артиллерийских обстрелов на состояние человека.

По сравнению со средней цифрой умерших в первом полугодии 1941 г., принятой за 100%, общий показатель смертности в августе повысился до 143%, в сентябре — 182%, в октябре — 196%. На долю убитых во время авиационных налетов приходилось 23% общего числа жертв[179]. Определенная часть летальных исходов могла быть связана с внезапной сердечной смертью людей, испытавших эмоции ужаса в зоне обстрелов или бомбовых ударов.

С 22 ноября 1941 г. в городе начался голод. Хлебный паек рабочих сократился до 250 граммов. Служащие (15% блокадников), дети (20%) и иждивенцы (31%) получали по 125 граммов хлеба. В нем было мало муки и много примесей (жмых, отруби, обойная пыль, пищевая целлюлоза). Однако даже такой хлеб был единственным продуктом, выдаваемым почти регулярно, за исключением третьей декады декабря. Карточные нормы белка снизились до 40–10 граммов в сутки вместо 100–160 граммов, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности и трудовой активности. Продукты, содержавшие животный белок, практически не выдавались. Калорийность пищи блокадников теоретически соответствовала 707 ккал в сутки для рабочих (при норме 3500–4500 ккал), 473 ккал в сутки для служащих (при норме 3000–3200 ккал), 405 ккал в сутки для иждивенцев (при норме 2500–3000 ккал)[180]. Низкокалорийное добавочное питание и котловое довольствие на оборонных предприятиях и в организациях не могло компенсировать энергетических затрат, которые значительно возросли в связи с трудоемкими оборонительными и спасательными работами, ненормированным рабочим днем, отсутствием городского транспорта, отопления, водопроводной

Жители блокадного Ленинграда на уборке улиц от снега

Советские военнослужащие осматривают немецкий самолет Фокке-Вульф Fw 190, сбитый под Ленинградом

Ленинградские курсанты идут на защиту родного города

Советские солдаты со знаменем на крыше дома в освобожденной Гатчине

Ребенок на улице блокадного Ленинграда у плаката «Уничтожить немецкое чудовище!»

воды. Обеспечение ежедневного быта требовало значительных физических усилий с дополнительными энергетическими затратами. Последующие прибавки хлеба происходили в основном за счет увеличения примесей.

Жители блокадного города испытывали острый энергетический кризис. Голодание привело к массовой алиментарной дистрофии (истощению от голода). Эта неизвестная ранее форма патологии была зарегистрирована у 88,6% населения. Тяжесть истощения стремительно прогрессировала с самого начала заболевания. Необычайно быстрая потеря массы тела (до 22%) происходила в первый период голодания. Состояние больных алиментарной дистрофией на третьей стадии врачи определили новым термином «минимальная жизнь» или «жизнь на минимальном пределе». Это состояние характеризовалось значительным снижением уровня всех функций организма. Состояние минимальной жизни было потрясением биологических основ жизнедеятельности организма. Возможность поддержания жизни на столь низком уровне стала открытием для биологии и медицины. Ранее считалось, что потеря массы тела на 40% приводит к летальному исходу.

Одним из факторов, способствовавших выживанию блокадников пожилого и старческого возраста в период почти полного голода, являлось очищение сосудов, что приводило к некоторому увеличению кровоснабжения органов на фоне замедления кровотока. В период голода резко сократились инфаркты и инсульты. По наблюдениям врачей в исходах голодания большое значение имели волевые качества человека. Люди, не обладавшие сильным характером, тяжелее переносили голод. Утрата желания жить при потере родных способствовала летальному исходу. Были зарегистрированы случаи смерти на первой стадии заболевания, когда происходило истощение жировых депо, но не возникало тяжелых атрофических изменений органов. Больные погибали без признаков других заболеваний, что свидетельствовало о роли психогенного фактора в генезе смерти на первой стадии истощения. Внезапная смерть больных, находившихся в относительно удовлетворительном состоянии, могла наступить в связи с незначительным эмоциональном напряжением[181].

Истощение от голода стало причиной массовой смертности блокадников в 1941–1942 гг. В период первой блокадной зимы причиной смерти многих было переохлаждение организма. На фоне гипотермии, связанной со снижением теплопродукции, люди замерзали и умирали на улицах. Непосредственными причинами смерти для многих истощенных людей были пневмония и заболевания желудочно-кишечного тракта. Эти заболевания усиливали тяжесть алиментарной дистрофии и ускоряли летальный исход. Наиболее высокая смертность была характерна для детей до четырех лет и от семи до десяти лет.

По неполным данным, от голода в черте осажденного города погибли около 1053 тыс. человек[182], в процессе эвакуации умерли 360 тыс. ленинградцев, страдавших тяжелой формой дистрофии. В общей сложности жертвами голода стали свыше 1413 тыс. человек, что составляет 57,6% ленинградцев[183]. Эти сведения на 764 тыс. человек превышают данные официальной статистики (649 тыс.) Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения (25 мая 1945 г.)[184]. В этом документе не учтены неопознанные (безымянные) блокадники, погибшие в черте города, и ленинградцы, умершие от голода в процессе эвакуации.

В период блокады изменилась структура заболеваемости. Практически исчезли многие заболевания. Несмотря на антисанитарные условия (отсутствие водоснабжения, канализации), значительно снизилась по сравнению с 1940 г. заболеваемость многими инфекциями. Крайне редко возникали такие болезни, как скарлатина, краснуха, ветряная оспа, корь, свинка, болезни стрептококковой этиологии (ангины, острый ревматический полиартрит), грипп. Снизилась заболеваемость туберкулезом. Однако повысилась заболеваемость дифтерией с тяжелой интоксикацией и частыми неврологическими осложнениями.

В период выхода из состояния острой дистрофии возобновились заболевания, в возникновении и течении которых имеет значение эмоционально-стрессовый фактор. По мере ослабления тяжести дистрофии доминирующее место занимала гипертоническая болезнь. В сентябре 1942 г. произошла вспышка этой болезни с острым течением. Заболеваемость

Ленинградские партизаны на марше. 1942 г.

Тяжелые танки КВ-1, следуют на фронт. Ленинград. Дворцовая площадь. 1941 г.

Партизаны 3-й партизанской бригады в бою. Ленинградская область

Стрелковое подразделение тренируется наступлению при поддержке танков
(танки изготовлены на Ленинградском заводе «Красное Сормово»). Ленинградский фронт. Осень 1942 г.

возросла в 8–9 раз по сравнению с довоенным периодом, причем заболеваемость повысилась во всех возрастных группах. В связи с особенностями протекания гипертоническая болезнь получила название «ленинградской гипертонии». Эта форма гипертонической болезни не имеет аналогов в медицине. Особенностями блокадной гипертонии явились внезапное и острое начало заболевания, быстрое развитие поражения органов, резко выраженная склонность к ангиоспазмам, отсутствие тахикардии, снижение частоты острых инфарктов миокарда и инсультов. Ленинградская гипертония протекала тяжело, с высокой летальностью. Смерть при гипертонической болезни в подавляющем большинстве случаев (78% в 1942 г., 88% в первом квартале 1943 г.) была связана с сердечной недостаточностью. В 1944 г. после снятия блокады численность больных гипертонией пошла на убыль, но волна гипертонической болезни не спадала до середины 1945 г.[185], а у части бывших блокадников гипертоническая болезнь обнаруживается по настоящее время.

Современные представления о закономерностях возникновения, развития и исхода болезней позволяют полагать, что наряду с генетическим фактором одной из предпосылок выживания организма в период голодания были последствия умеренного (физиологического) психоэмоционального стресса, пережитого в течение 2,5 месяца до начала голода. Ленинградцы, пережившие психоэмоциональный прессинг в форме физиологического стресса, обладали существенными преимуществами в противостоянии голоду и переохлаждению, что повышало их жизнеспособность в экстремальной ситуации, тогда как патологический стресс повышал риск летального исхода.

Феномен выживания части блокадников в условиях многомесячного почти полного голода и трехмесячного переохлаждения не может быть объяснен только медицинской помощью, несмотря на жертвенный подвиг ленинградских врачей. За время блокады от бомбардировок и артиллерийских обстрелов пострадали городские лечебницы и военные госпиталя, в результате чего город лишился почти 11 тыс. больничных и более 26 тыс. госпитальных коек. В самый тяжелый период блокады в городе было немногим больше 20 тыс. больничных коек (в 1941 г. — 24 035 коек). В общей сложности были госпитализированы 143 013 человек.

В стационарах жизнь больных поддерживалась обогреванием и физическим покоем. Врачи отмечали, что больные, согретые подручными средствами, буквально оживали на глазах. Органы здравоохранения смогли убедить городские власти в острой необходимости повышения норм питания для стационарных больных. В госпиталях и больницах содержание пищевого белка было повышено до 30–52 граммов в сутки вместо условных 10–40 граммов, полагавшихся по карточкам. Однако подавляющему большинству истощенных и обессилевших блокадников приходилось обходиться без медицинской помощи при высоком риске полного голода и переохлаждения в промерзших помещениях. В феврале 1942 г. из 1500 врачей, обеспечивающих помощь на дому, осталось всего 300 человек.

У ленинградцев, выдержавших блокаду, была твердая установка выжить, помочь семье и городу в противостоянии блокадной трагедии. Самообладание в период опасности способствовало сохранности психосоматической регуляции, предупреждая развитие необратимых расстройств жизненно важных функций. Среди ленинградцев, выдержавших блокаду, не оказалось слабовольных и бесхарактерных людей.

Значительная часть людей, выдержавших блокаду, умерли от ее последствий в первые годы. Все блокадники стали инвалидами независимо от официального оформления этого статуса. Процесс послеблокадного восстановления растянулся на долгие годы. Для подавляющего большинства блокадников восстановление было неполным и непрочным, но тем не менее оно оказалось достаточным для более или менее полноценной жизни, напряженной трудовой деятельности, продолжения рода. Организм блокадников восстанавливался практически без соответствующей медицинской помощи. Теоретические основы и программа медицинской реабилитации, разработанные блокадными клиницистами, практически не использовались в течение последующих 50 лет. И только в 2000 г. была организована больница, предназначенная для лечения блокадников.

Советские солдаты в окопах на берегу Невы. Ленинградский фронт

Батарея зенитных орудий у Исаакиевского собора ведет огонь, отражая ночной налет немецкой авиации

В баррикады превратились даже ленинградские трамваи

Артиллерийский расчет сержанта Дымовского ведет бой на ближних подступах к Ленинграду

Башенная артиллерийская установка. Ленинград. Декабрь 1941 г.

Ленинградские зенитчики

Гвардейцы-летчики, участники воздушных боев над Синявинскими высотами

Огонь ведут корабельные зенитные орудия. 14–29 сентября 1942 г.

Возможность выживания и восстановления организма после потрясения основ жизнедеятельности расширила представления биологии и медицины о пределах жизнеспособности человека. Анализ опыта ленинградской блокады свидетельствует о том, что на грани жизни и смерти проявились неизвестные ранее закономерности, которые можно расценивать как открытия в биологии и медицине, значимые для современной медицинской науки и практики.

Но жесточайшие испытания не сломили волю ленинградцев. Веря, что победа все равно будет за нами, они продолжали укреплять оборону, воевать с пожарами, голодом, трудились в промерзших цехах, выпуская необходимую фронту продукцию. У станков стояли пожилые рабочие, которые не могли держать в руках винтовку, женщины и подростки. Вот что написал в своем письме отцу на фронт четырнадцатилетний школьник Ф. Быков: «Дорогой папа! Я теперь не учусь в школе, а работаю на заводе. У нас в цехе много ребят, мы учимся работать на станках. Наш мастер дядя Саша говорит, что мы своей работой поможем отстоять Ленинград от проклятых фашистов. А мама работает тоже, только в другом цехе, где делают мины. Дорогой папа! Я все время хочу есть, и мама тоже все время хочет есть. Потому что хлеба теперь дают мало, мяса вовсе почти нет и масла не бывает. Дорогой папа! Бей фашистов!»[186].

К слову сказать, в дни ожесточенных боев под Москвой ленинградцы изготовили и направили защитникам столицы более 1 тыс. орудий и минометов. За время блокады было отремонтировано и изготовлено 2 тыс. танков, 1,5 тыс. самолетов, тысячи орудий, много боевых кораблей, 225 тыс. автоматов, 12 тыс. минометов, около 10 млн снарядов и мин.

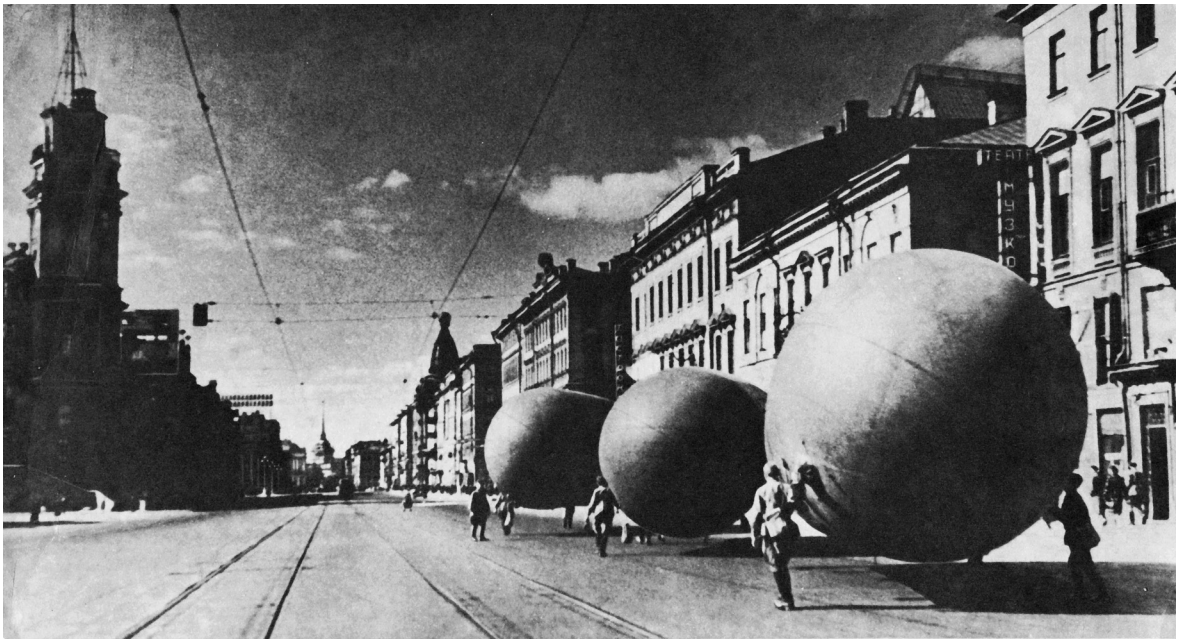
Сотрудники Всесоюзного института растениеводства сохранили ценнейшую коллекцию зерновых культур. Зимой 1941–1942 гг. 28 сотрудников института умерли от голода, но ни один ящик с зерном не был тронут. Беспримерное самопожертвование простых ленинградцев помогло им не просто отстоять свой любимый город, оно показало всему миру, где находится предел возможностей фашистской Германии и ее союзников. И в материальном, и в духовном плане блокированный город не был одинок в своей борьбе. Взоры всего советского народа, всех свободолюбивых людей планеты были прикованы к его героической обороне.

Ленинградцам помогала вся страна. По указанию ГКО была создана военно-транспортная магистраль, проходившая по Ладожскому озеру и связавшая с сентября 1941 по март 1943 г. осажденный город с Большой землей. Эту артерию, имевшую стратегическое значение, по праву назвали Дорогой жизни. В навигацию перевозки по ней производили Ладожская военная флотилия и Северо-Западное речное пароходство, а в период ледостава — автомобильный и конный транспорт. По военно-автомобильной дороге только зимой 1941–1942 гг. было доставлено более 360 тыс. тонн грузов, а из города вывезены около 550 тыс. человек, около 3,7 тыс. вагонов оборудования, культурных ценностей и другого имущества. И во вторую блокадную зиму Дорога жизни по-прежнему играла важную роль. Благодаря ей ленинградцы получали продовольствие, оружие, военную технику и боеприпасы. Только с 19 ноября 1942 по 30 марта 1943 г., то есть за 102 дня работы ледовой трассы, было доставлено в Ленинград 206 094 тонны грузов, в том числе 111 813 тонн продовольствия[187]. Это позволило уже с 25 декабря, еще до прорыва блокады города, повысить нормы выдачи хлеба: рабочим — на 100 граммов, служащим, инвалидам и детям — на 75 граммов в сутки.

За весь период действия по Дороге жизни было перевезено свыше 1,6 млн тонн грузов, эвакуированы около 1,4 млн человек. Всего за период блокады из города были вывезены 1750 тыс. человек — единственный в истории случай эвакуации такого огромного числа жителей из осажденного города. В начале лета 1942 г. по дну Ладожского озера был проложен трубопровод длиной 35 км, по которому за десять месяцев в город поступило свыше 40 тыс. тонн горючего, а осенью того же года проложен и энергетический кабель от электростанций Волховстроя и новые кабели связи.

Несколько улучшившееся положение в осажденном городе позволило в сентябре 1942 г. начать занятия в трех высших учебных заведениях и в 84 школах (кстати, до войны в Ленинграде действовало 467 школ), в которых обучались 26 854 ученика[188]. И хотя теперь школы работали без перебоев, трудностей не становилось меньше. Подчас школьники и учителя умирали от истощения прямо в классах. Постепенно начали оживать культурно-просвети-

Стрелковое подразделение отражает вражескую атаку. Ленинградский фронт



Заградительные аэростаты на Невском проспекте блокадного Ленинграда

Батарея советских 152-мм гаубиц образца 1909/1930 годов ведет огонь под Ленинградом

Отступление немецких войск из района Ленинграда

тельные организации, творческие коллективы. Во вторую блокадную зиму в городе работал 21 кинотеатр, продолжали давать спектакли театры.

В тягчайших испытаниях Ленинград не только выдерживал удары врага, но и активно боролся за свою деблокаду. При недостатке сил и средств защитникам города понадобилось почти 500 суток, чтобы прорвать вражеское кольцо окружения и восстановить сухопутное сообщение со страной. Путь к достижению этой стратегической цели был отмечен проведением целого ряда наступательных операций и сражений. Первая попытка разорвать кольцо блокады была предпринята 10 сентября 1941 г., когда соединения 54-й армии, развернутые на восточном берегу р. Волхов, нанесли удар в направлении Синявино и Мги. Спустя десять дней навстречу этой армии начали наступление войска Ленинградского фронта, но деблокировать город тогда не удалось.

В ночь на 20 сентября 1941 г. подразделения 115-й стрелковой дивизии генерала В. Ф. Конькова и 4-й морской бригады генерала Б. Н. Ненашева форсировали Неву в районе Невской Дубровки (правый берег Невы) и захватили напротив нее, на левом берегу, у Московской Дубровки (51-й км шоссе Ленинград — Шлиссельбург) плацдарм протяженностью до 4 км и глубиной около 800 м. Противник начал яростные контратаки, стремясь его ликвидировать. В результате ударов врага плацдарм сократился по фронту до 2 км, но был удержан советскими войсками. Ожесточенная борьба за этот клочок земли, названный «невским пятачком», продолжалась. На нем последовательно сражались части различных стрелковых дивизий и бригад. Защитники плацдарма отражали в день по 12–16 атак противника. На них обрушивалось до 50 тыс. снарядов, мин и авиабомб в сутки. Однако сломить их волю враг не смог. Лишь воспользовавшись внезапно начавшимся на Неве ледоходом, который отрезал защитников «пятачка» от правого берега реки, после нескольких дней ожесточенных боев 29 апреля 1942 г. немецкие войска ликвидировали плацдарм. Однако 26 сентября войска Невской оперативной группы снова захватили этот плацдарм у Московской Дубровки и вели борьбу за него вплоть до прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г., сковав значительные силы противника на правом фланге ударной группировки Ленинградского фронта. Около 315 дней удерживали советские воины «невский пятачок», ставший одним из символов их несокрушимого мужества и стойкости.

5–7 октября 1941 г. была проведена Петергофско-Стрельнинская операция, в которой особую доблесть и массовый героизм проявили моряки-кронштадтцы. Преодолевая упорное сопротивление врага, они к исходу второго дня овладели Нижним, Верхним, Александрийским парками и Ольгиным прудом. К этому времени десантники израсходовали значительную часть боеприпасов. Войска 8-й армии пробиться на помощь им не смогли. Противник, получив из-под Ленинграда части СС, танки и артиллерию, 7 октября расчленил десант на отдельные группы и отрезал им пути отхода к заливу. У каскада «Шахматная гора» моряки дали свой последний бой. Со словами пролетарского гимна «Интернационал» они бросились на врага. Действуя штыком и прикладом, десантники дрались не только с вооруженными до зубов фашистами. Противником моряков оказалась и сотня специально выдрессированных овчарок, спущенных на них эсэсовцами. Почти все десантники погибли в парках и дворцах Петергофа. Вот имена лишь восьми человек из этой тысячи бесстрашных героев: командир отряда полковник Ворошилов, военный комиссар Петрухин, политрук Ефимов, старшие лейтенанты Зорин и Труханов, краснофлотцы Веселовский, Добрынин и Шитиков.

Советские войска, стремясь прорвать блокаду Ленинграда, провели также такие наступательные операции, как Любанская (7 января — 30 апреля 1942 г.), Старопановская (20 июля — 26 августа 1942 г.), Ям-Ижорская (23 июля — 4 августа 1942 г.), Синявинские (10–26 сентября, 20–28 октября 1941 г., 19 августа — 10 октября 1942 г.). Именно во время последней Синявинской операции и был вновь захвачен «невский пятачок», а также сорвана подготовка противника к новому штурму Ленинграда, когда немецкое командование в целях отражения наступления советских войск на синявинском направлении развернуло здесь переброшенные из Крыма соединения 11-й полевой армии.

Попытки прорыва блокады Ленинграда не прекращались. Советские войска вели кропотливую работу по подготовке пятой операции, которая была предпринята в начале 1943 г. и увенчалась успехом.

Поражение вермахта под Москвой

Советское военное командование внимательно следило за складывающейся под Москвой ситуацией. В конце ноября в тылу Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов были сосредоточены свежие дивизии, прибывшие с Дальнего Востока, Сибири, Урала и из других внутренних областей СССР. На их основе были сформированы 1-я ударная, 26, 10, 61-я армии. Часть прибывающих сил вступала в бой прямо с колес и теснила выдвинутые вперед немецкие части. Г. К. Жуков и его штаб видели, что противник выдохся и отходит при первом сильном нажиме со стороны Красной армии. Теперь главное было не упустить момент для перехода в контрнаступление.

Следует сказать, что гигантские усилия в целях помощи фронту приложили тогда советские железнодорожники и военные водители. В считаные недели они перевезли в западном направлении сотни тысяч бойцов. Зачастую под вражеским артогнем или бомбежкой они совершали свой подвиг, позволивший сосредоточить на подступах к Москве мощную группировку, готовую к разящему удару по врагу. Четкость в работе всех видов транспорта, прежде всего железнодорожного, строжайшая военная дисциплина среди его работников стали одним из главных залогов успеха в боях за столицу. Достаточно сказать, что за время обороны в среднем более 5,5 тыс. железнодорожных вагонов ежесуточно доставляли защитникам Москвы технику, вооружение, боеприпасы, горючее, продовольствие и прочее — все, без чего ведение войны просто невозможно[189].

План советского руководства по разгрому врага вырабатывался в самое кратчайшее время в ноябре — начале декабря 1941 г. В конце октября враг стоял уже у ворот столицы. Чтобы снять непосредственную угрозу городу, необходимо было подготовить контрнаступление с использованием новых воинских соединений. С этой целью 1 ноября Ставка ВГК приняла решение о формировании в тылу страны десяти резервных армий и других частей различных родов войск со сроком ввода в строй к 1 декабря. Но начавшееся в середине ноября второе наступление немцев на Москву заставило на время отказаться от этого замысла. Для отражения вражеских ударов потребовалось привлечь значительную часть готовившихся резервов. Нужда в них была весьма острой особенно после падения Солнечногорска. Поэтому 24 ноября Ставка приняла решение о переброске под Москву семи резервных армий. Причем поставленные им задачи носили первоначально оборонительный характер. Так, 10-я армия должна была не допустить выдвижение врага на Рязань, 26-я — в направлении Коломны, 61-я — к Ряжску и Ранненбургу[190]. Но и тянуть с переходом в контрнаступление теперь было нельзя, иначе противник мог, не добившись поставленной цели, занять жесткую оборону, по-прежнему находясь на ближайших подступах к Москве.

29 ноября командующий Западным фронтом попросил И. В. Сталина отдать приказ о переходе в наступление. Г. К. Жуков вспоминал: «...29 ноября я позвонил Верховному главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления»[191]. Рассмотрев предложения Г. К. Жукова, Ставка довела до командующих фронтами общие задачи предстоящего контрнаступления. Что же представлял собой его план? По существу, для доклада И. В. Сталину были подготовлены всего одна карта, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления, и объяснительная записка к ней. В объяснительной записке от 30 ноября 1941 г., под которой стояли подписи Г. К. Жукова, В. Д. Соколовского и Н. А. Булганина, говорилось следующее:

«1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1-й ударной, 20-й и 16-й армий и армии Голикова — с утра 3–4 декабря, 30-й армии — 5–6 декабря.

2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.

3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Бого-

родицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск, 5, 33, 43, 49 и 50-я армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

5. Главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой — армией генерал-лейтенанта Голикова».

Передавая документ через заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта А. М. Василевского, Г. К. Жуков тогда же написал несколько строк непосредственно для него: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». Резолюция И. В. Сталина была короткой: «Согласен. И. Сталин»[192].

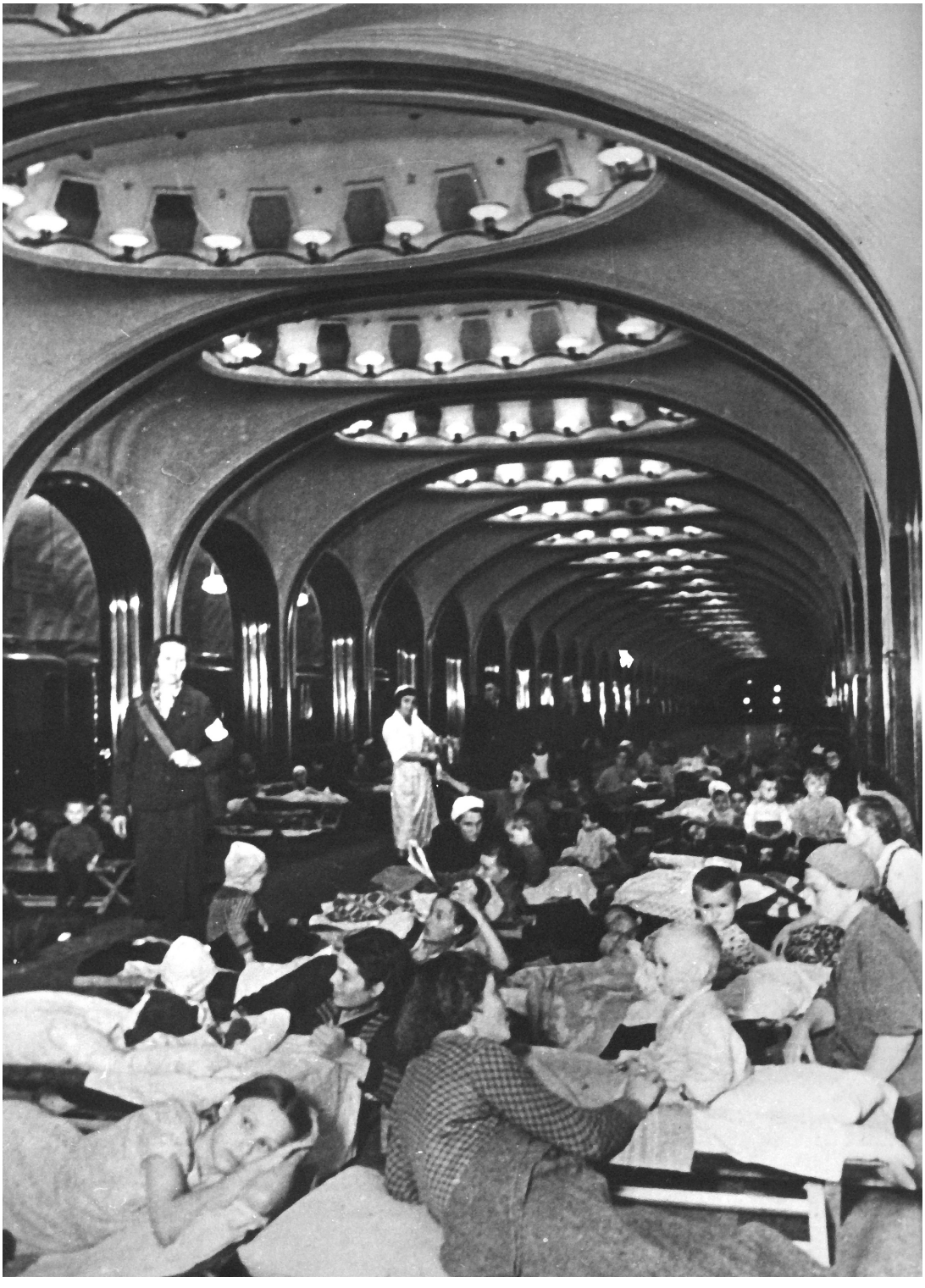
Таким образом, замысел контрнаступления не предусматривал глубокой операции. Г. К. Жуков намеревался разгромить передовые части противника и отбросить на несколько десятков километров от Москвы. В действительности все произошло совершенно иначе.

Группа армий «Центр», возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 г., так и не смогла выполнить поставленную перед ней задачу по взятию советской столицы. В начале декабря она достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советские позиции. На северо-западе от Москвы немцам на короткое время удалось достичь Красной Поляны, откуда они могли уже вести огонь из тяжелых орудий по Москве, а также использовать этот район в качестве плацдарма для удара по городу. Дабы предотвратить это, советское командование перебросило на этот участок дополнительные сухопутные силы и приказало нанести по германским позициям бомбово-штурмовой удар.

Наступил кульминационный момент сражений. Войска группы армий «Центр» растянулись одним эшелоном на фронте до 1 тыс. км. Над фланговыми группировками врага с севера нависли войска Калининского фронта, а с юга — армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронта. Коммуникации противника подвергались ударам советских партизан и авиации. К тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная армия была подготовлена намного лучше[193]. В осенне-зимних боях 1941 г. вермахт понес большие потери, многие части были, по существу, обескровлены. Всего с 16 ноября до начала декабря 1941 г. немцы потеряли 155 тыс. человек убитыми и ранеными, 300 орудий, около 800 танков и до 1500 самолетов[194]. Все эти факторы в значительной мере предопределили разразившийся под Москвой невиданный кризис германской армии. К тому же в конце ноября наши войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта — под Тихвином и Ростовом. Освобождение этих городов не только сорвало немецкие планы соединения с финнами и выхода к Кавказу, но и способствовало созданию условий для начала контрнаступления Красной армии на центральном участке фронта.

Время для удара по войскам группы армий «Центр» было выбрано советским командованием очень удачно. Противник был истощен, но еще не перешел полностью к жесткой обороне. Нужно было использовать выгодную ситуацию, пока Ф. фон Бок не получил подкрепления из Германии и оккупированных стран Европы.

Несмотря на потери, группировка Красной армии под Москвой за счет формировавшихся резервов к началу декабря включала в себя 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1 тыс. самолетов. Группа армий «Центр» к этому времени насчитывала 1708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. По сути, советское контрнаступление явилось уникальным явлением в мировой истории войн: переход от обороны к стратегическому наступлению осуществлялся меньшими, чем у противника, силами. Но наше командование учитывало не только соотношение сил, но и другие факторы: измотанность вражеских войск, отсутствие у них заранее подготовленных оборонительных позиций, их неготовность к ведению войны в суровых зимних условиях, а также высокий моральный дух советских воинов.



Женщины с детьми в бомбоубежище на станции метро «Маяковская» в Москве

Москва. Сбитый фашистский самолет на площади Свердлова. Июнь 1941 г.

Воины кавалерийского корпуса 16-й армии Западного фронта генерал-майора Л. М. Доватора направляются на передовые позиции. Ноябрь 1941 г.

Лыжники под Москвой. В тыл врага. 1941 г.

Танки во время парада на Красной площади. 7 ноября 1941 г.

Стрелковое подразделение, вооруженное пулеметами, проходит по Красной площади.
Москва, 7 ноября 1941 г.

Советское стрелковое подразделение заняло оборону на окраине села

Парад на Красной площади. 7 ноября 1941 г.

Советское контрнаступление началось для германского командования внезапно. Наиболее чувствительными к ударам Красной армии оказались соединения вермахта, находившиеся на флангах группы армий «Центр». Они практически до последнего момента не предпринимали никаких мер на случай отступления. 5 и 6 декабря войска Калининского и Западного фронтов, 7 декабря войска Брянского фронта, подобно нарастающей лавине, двинулись вперед. Красноармейцы часто шли в атаку без привычной артиллерийской подготовки, что усиливало эффект внезапности советского удара. В результате прорывов линии фронта среди части германских солдат и даже офицеров стали возникать панические настроения. Тем не менее овладение укрепленными пунктами противника нередко превращалось в жестокие кровопролитные бои. В основной своей массе военнослужащие вермахта пока не готовы были признавать превосходство Красной армии и отчаянно сопротивлялись.

Весьма любопытен тот факт, что начало советского наступления намечалось на утро 4 декабря. Однако накануне заместитель начальника Генерального штаба генерал А. М. Василевский приказал срочно передать И. С. Коневу следующую директиву: «В связи с тем, что к Вам опаздывают танки, которые будут направлены лишь завтра, Верховный главнокомандующий приказал начать не 4 декабря, а 5-го, повторяю, 5 декабря». Далее А. М. Василевский сообщил, что на Калининский фронт выступил дивизион РС, и он сам вмешается в дело скорейшей отправки боекомплектов[195].

На северо-западных подступах к Москве с началом советского контрнаступления 1-я ударная, 16-я и 20-я армии нанесли 3-й танковой группе сильные удары в районах Яхромы, Красной Поляны и Крюкова и начали теснить ее части. Дивизии 4-й танковой группы были окончательно остановлены на линии, которая пересекает Ленинградское, Пятницкое и Волоколамское шоссе в 15–23 км от главного рубежа Московской зоны обороны, проходившего в районе современной Московской кольцевой автомобильной дороги. Командующий группой генерал Э. Гёпнер доложил Ф. фон Боку, что боевые силы его объединения быстро тают и он также вынужден начать отход.

Южнее столицы 7 декабря перешла в наступление оперативная группа генерала Ф. Я. Костенко, которая была сосредоточена в тылу Юго-Западного фронта. Главный удар пришелся по 95-й и 45-й пехотным дивизиям 2-й армии генерала Р. Шмидта. Силы немецкой армии оказались рассечены на две части. Настоящий кризис возник в районе г. Ливны. 7 декабря генерал Р. Шмидт сообщал в штаб группы армий «Центр»: «На будущее инициатива наступления переходит в руки противника, который получает свободу действий в переброске и сосредоточении сил»[196].

Вскоре к наступлению группы Ф. Я. Костенко присоединились уже более крупные силы Юго-Западного фронта — 13-я и 3-я армии, что не позволило германскому командованию беспрепятственно отвести назад войска немецкого 34-го армейского корпуса. Создалась угроза глубокого оперативного прорыва Красной армии на курском и орловском направлениях и связанная с этим опасность нарушения важнейших коммуникаций и путей отхода 2-й танковой армии. В свою очередь, соединения 2-й танковой армии, атакованные ударными силами 10-й советской армии и оперативной группы генерала П. А. Белова, вынуждены были уже 7 декабря оставить г. Михайлов и начать отход от Тулы[197].

Уже 6 декабря штаб группы армий «Центр» отдал приказ на отход части сил 3-й и 4-й танковых групп на новый рубеж. Для рытья окопов и постройки дотов у р. Истры срочно перебрасывались саперы. Отступая с оккупированной территории, германские войска оставляли за собой выжженную землю. На мирное население обрушились новые ужасающие бедствия. Античеловеческая сущность нацизма отразилась в приказе командира дивизии СС «Райх» от 8 декабря 1941 г. В нем, в частности, говорилось: «...все войсковые части, расположенные в населенных пунктах восточнее Истры, являются ответственными за то, чтобы места расквартирования [противника] были бы сожжены без остатка. Для каждого дома должны быть приготовлены пучки соломы и бутылки с бензином. Все дома должны быть подожжены в 7.00 9 декабря. Надо следить за тем, чтобы зарево от пожаров не привлекло бы внимание противника»[198]. Подобные приказы стали в то время обычным явлением для германской

армии. Причем созданием после себя «полной пустыни» занимались не только войска СС, но и обычные части вермахта.

Тем временем войска противника продолжали откатываться назад. Темпы контрнаступления нарастали. 11 декабря советские граждане наконец услышали из фронтовых сводок то, о чем мечтали, на что надеялись, что считали неизбежным, и просто полагали, что это событие по ряду причин было отсрочено. В сводке Совинформбюро «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» сообщалось: «С 16 ноября 1941 г. германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотные и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву. Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл, окружить и занять Москву... 6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»[199].

Как уже говорилось, успехам наших войск под Москвой значительное содействие оказали наступательные операции Красной армии на других участках советско-германского фронта, прежде всего под Ростовом-на-Дону и Тихвином. К моменту начала контрнаступления от стен столицы на этих направлениях были достигнуты крупные результаты.

В октябре 1941 г. войска группы армий «Юг» захватили значительную часть Донбасса и с боями продвигались в направлении Ростова-на-Дону. В начале ноября 1941 г. ее авангард — 1-я танковая армия — стремился ударом в направлении Шахты — Новочеркасск обойти Ростов-на-Дону с севера, окружить советские войска, выйти на оперативный простор и открыть дорогу на Северный Кавказ. Упорное сопротивление частей Красной армии при наличии хорошо продуманной системы противотанковой обороны, активной поддержке авиации в итоге вынудило противника отказаться от первоначального замысла и приостановить наступление. В состав Южного фронта на тот момент входили 9, 12, 18 и 37-я армии. Кроме того, непосредственную оборону Ростова-на-Дону осуществляла 56-я отдельная армия.

Советское командование приступило к подготовке контрнаступления. Оно рассчитывало сковать вражеские войска вспомогательными ударами, а затем перейти в наступление силами 37-й армии во фланг немецкой группировки. Войскам 56-й отдельной армии предписывалось удерживать район Ростов — Новочеркасск и при успехе общего наступления нанести удар в северо-западном направлении.

Наступление войск Южного фронта началось 17 ноября. В этот же день после перегруппировки сил неприятель начал наступление на Ростов с севера. К 20 ноября соединения Южного фронта смогли продвинуться на 30–35 км в глубь обороны противника. В то же время немецкие войска, используя превосходство в танках, 21 ноября прорвались к Ростову и заняли город, оттеснив части 56-й армии за Дон и на восток. 23 ноября 56-я армия была включена в состав Южного фронта. 26 ноября продолжающие наступление советские войска достигли рубежа р. Тузлов, тем самым создав угрозу левому флангу и тылам вражеской группировки, захватившей Ростов. На следующий день ударная группировка Южного фронта совместно с частями 56-й армии нанесла удар на Ростов с северо-запада и юга. Опасаясь окружения, немецкое командование вынуждено было оставить город. 2 декабря 1941 г., преследуя отступавшие вражеские части, наши войска вышли на рубеж р. Миус, где были остановлены противником. В результате боев за город Южный фронт не допустил прорыва гитлеровцев на Кавказ, нанес серьезный урон его танковым и механизированным соединениям противника, отбросил его от Ростова на 70–80 км. Активные наступательные действия наших войск на южном участке советско-германского фронта приковали к себе значительные силы врага, тем самым не позволив немецкому командованию усилить свою центральную группировку, которая рвалась к Москве.

В конце 1941 — начале 1942 г. на южном фланге советско-германского фронта была проведена еще одна крупная операция — высадка десантов в районе Керчи и Феодосии и освобождение этих городов. Керченско-Феодосийская операция преследовала несколько

целей: десанту предстояло снять угрозу переправы противника с Керченского на Таманский полуостров и далее наступления на Кавказ, отвлечь часть сил вермахта от осажденного Севастополя и создать плацдарм для последующего освобождения Крыма. В результате операции советским войскам не удалось уничтожить части вермахта на Керченском полуострове, однако они все же создали благоприятные условия для деблокады Севастополя и освобождения Крыма. К сожалению, эти достижения были перечеркнуты провальной Крымской кампанией 1942 г.

На северном фланге советско-германского фронта в первых числах декабря шли упорные бои за Тихвин. Враг захватил город еще 8 ноября 1941 г. и перерезал единственную железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру шли грузы для Ленинграда. Положение осажденных ленинградцев резко осложнилось. Особую роль в ликвидации прорыва немцев на тихвинском и маловишерском направлениях сыграли пять стрелковых дивизий из Забайкалья и Приамурья, своевременно прибывшие под Ленинград.

Для улучшения ситуации и восстановления снабжения города на Неве Ставка ВГК приказала без промедления контратаковать противника на тихвинском направлении. По плану операции 54-я армия Ленинградского фронта, 4-я и 52-я отдельные армии при содействии войск Северо-Западного фронта должны были ударами по сходящимся направлениям разгромить тихвинскую группировку немецких войск. В короткие сроки удалось добиться некоторого превосходства над немцами в людях и артиллерии, чего не получилось сделать по танкам и авиации.

Операция началась 10 ноября. Недостаток времени на подготовку операции и отсутствие необходимого количества подвижных соединений серьезно тормозили развитие наступления. Только 20 ноября соединения 52-й армии, прорвав оборону противника, овладели Малой Вишерой, а 7 декабря части левого фланга 4-й армии вышли в тыл вражеской группировке и создали угрозу перехвата ее тыловых коммуникаций. Немецкое командование, сознавая реальную угрозу окружения, начало отвод своих потрепанных в боях соединений из района Тихвина за р. Волхов на позиции, откуда они начинали наступление еще 16 октября. Войска 4-й армии, преследуя отходящего противника, 9 декабря освободили Тихвин. 16 декабря соединения 52-й армии освободили Большую Вишеру и стали продвигаться к р. Волхов. На следующий день из войск 4-й и 52-й армий был создан Волховский фронт под командованием генерала армии К. А. Мерецкова. В конце декабря 54-я армия отбросила немецкие войска за железную дорогу Мга — Кириши, а войска Волховского фронта вышли к р. Волхов и захватили несколько плацдармов на левом берегу.

В результате проведенной наступательной операции советские войска сорвали вражеский план организовать второе кольцо окружения Ленинграда и, продвинувшись вперед на 100–120 км, освободили от врага значительную часть территории. Тихвинская наступательная операция оттянула на себя значительные силы противника, тем самым также способствуя разгрому немецко-фашистских войск под Москвой. Правда, потери соединений Красной армии за 51 сутки боев составили около 49 тыс. человек, из них 18 тыс. безвозвратно[200].

Оборона Ленинграда имела огромное военно-стратегическое, политическое и моральное значение. Защитники города оттянули на себя крупные силы немецко-фашистских войск и финской армии. Гитлеровское командование лишилось возможности наиболее эффективного маневра стратегическими резервами, переброски войск на другие направления. Особое значение это имело в критический период битвы под Москвой осенью — зимой 1941 г.

После 8 декабря 1941 г. германское командование окончательно убедилось, что советское наступление грозит крупнейшим с начала войны поражением немецкой армии. Штаб группы армий «Центр» чрезвычайно беспокоился, что войска Красной армии стремятся охватить соединения 3-й танковой группы и для этого развивают свой успех в направлении Клина. В районе этого города развернулись сильные бои.

Замысел советского наступления, известного сегодня под названием Клинско-Солнечногорской операции, заключался в том, чтобы ударами 30-й армии с севера и 1-й ударной, 20-й и 16-й армий с востока рассечь основные силы немецких 3-й и 4-й танковых групп

в районе Клина, Истры, Солнечногорска и создать благоприятные условия для дальнейшего развития наступления на запад.

Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Клин был узлом, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а всю эту группу — с тылом группы армий «Центр». Выход советских частей к городу создавал серьезную угрозу всем немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Соединения 30-й армии Западного фронта охватили Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й ударной армии — с юго-востока. Чтобы обеспечить отвод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск — Руза, немецкое командование продолжало цепляться за каждый рубеж. Темпы наступления 1-й ударной и 30-й советских армий в этот момент снизились. С другой стороны, переброска в этот район немецких частей облегчила действия другим войскам Западного фронта (16-й и 20-й армиям), которые наносили удары по врагу на солнечногорском и истринском направлениях[201]. 12 декабря были освобождены Солнечногорск и Истра. Фронт подошел вплотную к Истринскому водохранилищу.

А. Гитлер признал наконец, что наступление на Москву в 1941 г. окончательно сорвалось. 8 декабря он дал принципиальное согласие на отвод войск на новые тыловые рубежи, однако потребовал предварительно их подготовить: «отрыть стрелковые окопы, установить печи в землянках» и прочее[202]. В директиве фюрера говорилось о необходимости «прекратить все крупные наступательные операции». Но признавать крах всего плана по разгрому СССР он и не собирался. Дело в том, что Германия, по его мнению, вступала теперь в новый этап борьбы. Решающие сражения за переустройство всего мира только начинались. 7 декабря японские самолеты разбомбили американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе. Война де-факто превратилась в глобальный конфликт. А. Гитлер был к этому психологически готов. Вступление Америки в войну, по его расчетам, должно было придать новый импульс боевым действиям на восточном фронте, правда, теперь уже в следующем году. Решение на переход к обороне было обусловлено необходимостью удержания важных в оперативном и военно-хозяйственном отношении районов противника, предоставления отдыха войскам и их пополнения, а главное, созданием предпосылок для возобновления в 1942 г. больших наступательных операций на востоке. Предусматривались также передислокация сил из различных районов Германии и оккупированных западных стран на советско-германский фронт, замена солдат старших возрастов на более младших, сокращение штатов военных миссий в союзных странах, мобилизация рабочих, имеющих бронь, и замена их пленными[203].

На отдельных участках наступление советских частей и соединений было стремительным, в других районах за опорные пункты противника шли многодневные кровопролитные бои. На разгром немцев у поселков Красная Поляна, Крюково, Ленино советские войска затратили три-четыре дня, у Клина — шесть, у Наро-Фоминска — девять, у Калинина — двенадцать суток. В течение пяти суток шли тяжелые бои на рубеже Истринского водохранилища и р. Истры, где немцы, взорвав плотину, сосредоточили два корпуса и пытались сорвать наступление 16-й армии. И только когда генерал К. К. Рокоссовский организовал две подвижные группы для наступления в обход водохранилища и осуществил смелый маневр, немцы осознали, что могут попасть в окружение. Германским соединениям был отдан приказ быстро отходить на линию рек Лама и Руза. К 15 декабря подвижные группы 16-й армии совместно со 2-м гвардейским кавкорпусом генерала Л. М. Доватора начали преследование противника. Но за счет сокращения линии фронта и подхода резервов из Германии немцы в два раза увеличили оперативную плотность своей группировки и создали прочную оборону на рузском рубеже[204].

Тем не менее советские воины ощутили уверенность в своих силах. Наступление Красной армии проводилось на широком фронте, и прорывы немецкой обороны неизбежно следовали один за другим. Командование Западного фронта подготовило специальную директиву относительно тактики наступления[205]. Генерал Г. К. Жуков потребовал 9 декабря от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев, шире применять

обходы, а для этого формировать ударные группы, которые во вражеском тылу должны были уничтожать склады, артиллерийскую тягу и прочее. Предусматривалось атаковать немцев днем и ночью, обеспечивая войскам защиту от возможных контрударов противника[206].

Если говорить о первенстве в указании не бить врага в лоб, то оно принадлежит все же генералу армии Г. К. Жукову. Стремление применять обход логически вытекало из складывавшейся обстановки на фронте. Именно Г. К. Жуков еще в ночь на 8 декабря послал генералу П. А. Белову радиограмму следующего содержания: «Если Вы хотите отличиться и иметь богатые трофеи, не жмите с фронта, а, придерживая, обходите быстрее противника юго-восточнее Венёв; и не бойтесь смелых обходов, так как левее Вас действует армия Голикова, которая завтра будет подходить к Сталиногорску»[207]. Итог известен. В результате смелых действий частей генерала П. А. Белова и других командующих многие соединения противника оказались под угрозой окружения. Их отступление ускорилось и часто происходило беспорядочно. В районе южнее и юго-восточнее Тулы советские войска смогли захватить действительно богатые трофеи. На южном фланге группы армий «Центр» отход немецких дивизий местами стал превращаться в бегство.

К середине декабря Западный, Калининский и Юго-Западный фронты достигли линии, с которой немецкие войска начали свое ноябрьское наступление на Москву, а местами продвинулись далее на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы армий «Центр». Чтобы предотвратить катастрофу, германское командование решило срочно готовить новые тыловые рубежи и объединить несколько соседних формирований под одним руководством.

Сильной стороной германских пехотных подразделений было умение быстро окапываться и создавать эффективные препятствия на пути противника. Однако зимой 1941 г. частям вермахта приходилось иметь дело с ледяным застывшим грунтом, работа с которым требовала большего времени. 12 декабря 1941 г. штаб 9-й армии издал приказ широко использовать местное население при строительстве укреплений (причем на самых тяжелых работах). Подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание «полной пустыни». В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы»[208]. Этот приказ был подготовлен офицерами вермахта. Тысячи советских крестьян обрекались на смерть от холода и голода.

Войска советских 30-й и 1-й ударной армий продолжали теснить соединения северного фланга группы армий «Центр». 15 декабря был взят Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска генерала И. С. Конева. Угроза охвата немецких 9-й армии и 3-й танковой группы еще более возросла. Г. К. Жуков не намеревался давать противнику передышки. 16 декабря генерал Э. Гёпнер под давлением обстоятельств отдал распоряжение об отводе подчиненных ему сил далее на запад.

На южном фланге группы армий «Центр» еще 9 декабря части Красной армии освободили Елец, а 12 декабря войска Юго-Западного фронта смогли частично окружить елецкую группировку немцев. 14 декабря в контрнаступление включилась 49-я армия. Войска Юго-Западного фронта сумели почти полностью разгромить немецкий 34-й армейский корпус 2-й армии. Успешное взаимодействие войск левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов позволило им за десять дней боев отбросить 2-ю танковую армию на 80–100 км и нанести серьезное поражение 2-й немецкой армии. Фельдмаршал Ф. фон Бок принял решение возложить руководство боевыми операциями на этом участке целиком на генерала Г. Гудериана. 12 декабря 1941 г. 2-я армия и 2-я танковая группа временно объединились в «армейскую группу Гудериана». Ей ставилась задача «остановить прорвавшегося противника на линии: район восточнее Курска — район Новосиль — район Алексина»[209].

Танковые дивизии немцев понесли значительные потери в людях и особенно в материальной части и не могли теперь рассматриваться как эффективные боевые единицы. Поэтому 15 декабря 4-я и 3-я немецкие танковые группы вошли в подчинение 9-й армии.

Однако быстро исправить ситуацию подобными реорганизациями было невозможно. Для действенного заслона советскому контрнаступлению требовались более серьезные решения.

Постоянное преследование Западным и Калининскими фронтами утомленных германских частей создавало условия, при которых вывод последних из боя грозил стать неконтролируемым процессом с полной потерей взаимодействия. 16 декабря в ситуацию вмешался А. Гитлер, который отдал приказ, запрещавший проведение крупных отступательных операций. Он требовал фанатически упорного сопротивления противнику. Любое отступление могло производиться только с санкции вышестоящего начальства. Одновременно приказом предусматривалась переброска на фронт с Запада маршевых батальонов[210]. В ночь на 17 декабря в соединения 2, 4, 9 и 2-й танковой армии ушла телеграмма Ф. фон Бока с приказом о мерах по усилению стойкости войск: «...только там, где противник будет встречать ожесточенное сопротивление, он будет вынужден отказаться от новых попыток прорыва. Отступлением его к этому не побудить... Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза»[211]. 18 декабря А. Гитлер заменил Ф. фон Бока. Новым командующим группой армий «Центр» стал фельдмаршал Г. фон Клюге. Обязанности командующего сухопутными войсками фюрер возложил на себя.

Анализ положения на советско-германском фронте зимой 1941—1942 гг. показывает, что приказ А. Гитлера «держаться» был, вероятно, единственно приемлемым для вермахта выходом в тех условиях. Предотвратить панику и повторение в том или ином виде судьбы наполеоновской армии в 1812 г. возможно было только чрезвычайными мерами. Отрицательная оценка, которую этот приказ получил среди значительной части военнослужащих вермахта, указывает на то, что дух и традиции германской армии были поколеблены. Восстановить их на прежнем уровне ни А. Гитлеру, ни его генералам уже не удалось.

Во второй половине декабря 1941 г. нажим советских войск на группу армий «Центр» продолжал усиливаться. С полной силой это проявилось на участках юго-западнее Калинина, в районе Рузы и западнее дороги Тула — Серпухов. 20 декабря обострилось положение на фронте 2-й танковой армии. Боевая мощь ее отдельных дивизий могла сравниться теперь с усиленным пехотным полком. Критической оставалась ситуация и на участке 4-й танковой группы. Ее штаб констатировал, что «в некоторых местах противнику удалось отрезать пути отступления». Генерал Э. Гёпнер в телеграмме от 21 декабря 1941 г. крайне негативно отнесся к приказам вышестоящего командования, которые, с его точки зрения, мешали руководству войсками[212].

Приказ «держаться» повлиял на ожесточенность немецкого сопротивления. Это видно на примере боев за Волоколамск, к которому в середине декабря подошли соединения 16-й армии. Однако сломить с ходу немецкую оборону они не смогли. Бои за город продолжались еще два дня, и он был освобожден частями 16-й и 20-й армий при содействии 1-й ударной армии Западного фронта только 20 декабря. В этот же день войска 1-й ударной армии вышли к р. Ламе, но попытки наших соединений развить успех, достигнутый в ходе Клинско-Солнечногорской операции, не удались, бои в этом районе приняли затяжной характер. Противник сумел создать на этом участке систему укреплений, вырыть окопы полного профиля и, опираясь на опорные пункты, сдерживать советский натиск. Тяжелые бои разгорались буквально за каждый дом или подвал.

На других участках фронта, используя образовавшиеся в немецкой обороне бреши, части 39, 29, 10, 49-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса сумели продвинуться на десятки километров вперед. Прорыв 1-го гвардейского кавкорпуса и 10-й армии угрожал взятием в кольцо крупных сил 2-й танковой и 2-й немецких армий. Вскоре обозначился успех в полосе 43-й и 33-й армий. Причем здесь соединениям приходилось порой просто вгрызаться в немецкую оборону: враг успел создать на подступах к Наро-Фоминску и Боровску разветвленную систему укреплений. Тем не менее 26 декабря 33-я армия генерала М. Г. Ефремова освободила Наро-Фоминск, а 4 января 1942 г. — Боровск, в то время как 43-я армия заняла Балабаново, а 2 января выбила противника из Малоярославца. Южнее этого участка

быстрыми темпами наступала на Калугу подвижная группа 50-й армии. Окончательно город был освобожден 30 декабря.

Именно в это время британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры с И. В. Сталиным, совершил ознакомительный визит на один из участков советско-германского фронта. Советские офицеры показали ему огромные колонны брошенных немцами автомашин, бронетранспортеров и танков. Англичанин был удивлен и поражен масштабами германского разгрома. Никогда раньше немцы не терпели столь очевидного и сокрушительного поражения. Безусловно, личные впечатления А. Идена от всего увиденного под Москвой оказали большое влияние на выработку правительством Великобритании своей дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу.

О моральном эффекте вида брошенной вражеской техники и его влиянии на граждан страны говорилось в телеграмме члена Ставки ВГК Н. А. Булганина от 16 декабря 1941 г. Находясь на недавно освобожденной территории в районе Яхромы, он писал И. В. Сталину и Г. К. Жукову: «Количество разбитых средних и больших немецких танков, бронемашин и автовездеходов на дорогах, лесных просеках и в лесах... превосходит все наши представления. Местность производит впечатление настоящего разгрома бронетанковых частей фашистов. Проезжая, попутно видел лично не менее 60 разбитых танков и еще большее количество большегрузных автовездеходов... Считаю очень полезным обязать наши киноорганизации заснять картину этого разгрома фашистов»[213]. И действительно, вскоре на экранах кинотеатров страны (23 февраля 1942 г.) появился документальный фильм Л. Варламова и И. Копалина, снимать который начали еще в дни обороны столицы, — «Разгром немецких войск под Москвой». Фильм имел огромную популярность не только в СССР, но и в союзных ему государствах. Так, в США он был переозвучен, адаптирован для американского зрителя и под названием Moscow Strikes Back («Москва наносит ответный удар») получил премию «Оскар».

Высшее военное руководство Германии, понимая неизбежность дальнейших жертв, неуклонно требовало удержания позиций. 24 декабря 1941 г. А. Гитлер отдал приказ, запрещающий дальнейший отход 2-й танковой армии, и распорядился, чтобы о нем поставили в известность Г. Гудериана. Он настаивал на «чрезвычайном напряжении всех сил», но не указывал, на какие подкрепления можно рассчитывать. Г. Гудериан не имел права ослушаться А. Гитлера, но и выполнить приказ был не в состоянии. Поздним вечером 24 декабря генерал разрешил отвести назад 47-й моторизованный корпус и оставить населенный пункт Чернь, а 25 декабря попросил об отставке, которая немедленно последовала. Его обязанности стал исполнять генерал танковых войск Р. Шмидт[214].

23 декабря соединения 4-й немецкой армии генерала Л. Кюблера, назначенного на этот пост вместо Г. фон Клюге, дрогнули под натиском советской 49-й армии, наступавшей на Малоярославец, а также 33-й и 43-й армий на наро-фоминском и боровском направлениях. Однако здесь фюрер все же позволил «отвести на запад правый фланг и центр 4-й армии для устранения угрозы тылу»[215].

20 декабря 1941 г. Ставка ВГК отдала приказ войскам Калининского фронта о переходе в наступление, которое намечалось на 22 декабря. 30-я и 31-я армии Калининского фронта наносили удар на Старицу с востока, а 22-я и 29-я армии — с севера. Целью советского командования было выйти в тыл германским соединениям, оборонявшимся против Калининского фронта, и разгромить 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Войска фронта, занимавшие охватывающее положение по отношению к группе армий «Центр», теперь могли использовать это. В конце декабря 1941 — начале января 1942 г. здесь разгорелись ожесточенные бои.

29 декабря штаб группы армий «Центр» доносил, что «на фронте 9А противник продолжал ожесточенные атаки против всех корпусов армии, атакуя в отдельных местах до двенадцати раз подряд. Северо-западнее Старицы советские войска, ведя наступление силами не менее четырех дивизий, осуществили главный прорыв»[216]. Фельдмаршал Г. фон Клюге пока ничего не мог противопоставить успешным действиям Калининского фронта. Группа армий получила в декабре пополнение в составе маршевых рот и батальонов, всего 40,8 тыс. человек, тогда как ее потери составили 103,6 тыс. человек[217]. У германского командования все острее

созревало понимание, что одного приказа «держаться» недостаточно, для укрепления стойкости войск требовалось сокращать линию фронта, что возможно было осуществить только путем отхода. Ширина фронта то сокращалась, то вновь увеличивалась по мере продвижения вперед сил Красной армии.

Удар на Калугу образовал брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. После того как 31 декабря войска южного крыла Западного фронта начали наступление на Сухиничи, брешь между внутренними флангами этих армий расширилась. Сухиничи были атакованы с востока и юга, тем временем 1-й гвардейский кавкорпус продвинулся в направлении Юхнова. Сотрудник военно-исторического исследовательского управления бундесвера К. Рейнгардт справедливо отмечал, что войскам 2-й полевой и 2-й танковой армии вермахта тогда просто повезло, что советское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орёл, так как Орёл в то время был совершенно не подготовлен к обороне. Его взятие частями Красной армии означало бы безусловный разгром немецких армий[218].

Однако это весьма спорно. Остается вопросом, смогли бы советские войска прорваться в то время к Орлу. Ко всему прочему, 10-й и 50-й армиям предстояло тогда наступать в сторону от направления основных ударов Западного фронта, то есть по расходящимся направлениям, что угрожало их флангам. Вновь образованный 18 декабря 1941 г. Брянский фронт достаточных сил для взятия Орла не имел. Но очевидно другое: немецкое командование сильно опасалось такого развития событий. Кризисное положение на этом участке могло стать причиной для более глубокого отступления германских соединений. 28 декабря 1941 г. командование 2-й армии в донесении в штаб группы армий подчеркивало, что «от того, будет ли удержан рубеж Курск — Орёл, полностью зависит ее судьба»[219]. Сообщалось также, что в результате морозов ниже 25 градусов, из строя вышло значительное количество транспортных средств. «Условия погоды, — отмечалось далее, — бьют также и по русским, но, однако, по ним они бьют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях»[220]. Относительно подвижности советских войск на тот период и их большей приспособленности к зимним условиям немцы были абсолютно правы. В частности, в Красной армии в широких масштабах началось формирование специальных лыжных батальонов, приданных различным фронтовым соединениям. Их подготовленные бойцы могли совершать многокилометровые марши, обходя заслоны врага и нападая на него с тыла. Вновь прибывавшие на передовую части и соединения, как правило, заблаговременно получали необходимую теплую амуницию: валенки, душегрейки, тулупы, теплые варежки и прочее. Случаи задержки подвоза были, но в сравнении с положением солдат вермахта, имевших зачастую лишь легкие шинели, ситуация в целом была неплохой. Неготовые к зиме гитлеровцы в основном утеплялись за счет реквизиций (а по сути, грабежа) местного населения.

Хуже в Красной армии обстояло дело с подвозом боеприпасов, поступлением на фронт новой техники, ее ремонтом, что сказалось в ближайшем будущем на темпах наступления. Далее появились перебои с продовольствием, что влияло на физическое и моральное состояние военнослужащих.

В ходе последующих боевых действий 2-я немецкая армия смогла постепенно оправиться от потрясений. Не испытывая в дальнейшем сильного нажима советских частей, она смогла совершить перегруппировку и оборудовать оборонительные позиции восточнее линии Орёл — Курск. Центр боевой активности сторон к юго-западу от Москвы сместился в район Сухиничей. Советское командование не сумело использовать первоначальный успех 10-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса на стыке немецких 4-й полевой и 2-й танковой армий. Тому были объективные причины: части Красной армии продвинулись на большое расстояние и начали испытывать недостаток в боеприпасах, продовольствии и пополнении. Известно, что на конец 1941 — начало 1942 г. пришелся самый глубокий спад военного производства СССР. Эвакуированные заводы только начинали давать продукцию на новом месте. Количество снарядов, приходившихся на орудие в день, часто не превышало одного-двух — и это в период наступления.

В свою очередь, 2-я немецкая танковая армия, используя силы 208-й и 211-й пехотных дивизий, переброшенных с запада, повела атаки в целях деблокады своих войск, оставшихся в Сухиничах. В соответствии с замыслом Ставки ВГК, главные усилия на южном крыле Западного фронта должны были сосредотачиваться в полосе 43, 49 и 50-й армий. Им предстояло наступать через Юхнов на Вязьму, в северо-западном направлении — на соединение с войсками Калининского фронта. В этом отношении орловско-курское направление для советского командования становилось второстепенным.

В начале 1942 г. Красная армия продолжала наносить удары по противнику. 7 января контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление на всем советско-германском фронте. На совещании высшего руководства и командного состава РККА в Кремле 5 января по поводу дальнейших планов ведения войны в 1942 г. были высказаны различные точки зрения. И. В. Сталин настаивал на ударах по врагу сразу на нескольких направлениях. Главным оставалось западное: сходящиеся удары Западного и Калининского фронтов на Вязьму и глубокий охват группировки противника силами левого крыла Северо-Западного фронта. Намечались и активные действия на северном и южном крыле советско-германского фронта. Верховный главнокомандующий считал, что противник сломлен, немцам не следует давать передышки ни на одном участке: «...гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.»[221].

Г. К. Жуков был против решения о переходе к активным боевым действиям не только под Москвой, но и на флангах советско-германского фронта. Он предлагал вначале завершить наступление против группы армий «Центр», а на остальных участках занять пока прочную оборону. Но Г. К. Жуков оказался в меньшинстве. Ему пришлось смириться с выводом из состава своего Западного фронта 1-й ударной армии, которая была переброшена в район Демянска. Соответственно, его войска оказались ослаблены. Мощь их ударов постепенно теряла силу. Дело осложнялось и тем, что советское командование, переоценив результаты своих успехов, решило с ходу провести гигантскую операцию по окружению и разгрому всей группы армий «Центр». Выполняя директивы Ставки ВГК, Калининский, левое крыло Западного и правое крыло Брянского фронта развернули наступление на ржевском, юхновском, сухиническом направлениях, стремясь замкнуть кольцо по линии Ржев — Вязьма. Операция получила название Ржевско-Вяземской. Для содействия продвижению ударных советских соединений в тыл врага в район Вязьмы и Дорогобужа выбрасывались крупные десантные части из состава 4-го воздушно-десантного корпуса.

Первоначально успех сопутствовал ударной группировке Калининского фронта, которая прорвала вражескую оборону в районе Ржева и, расчленив 6-й армейский корпус немцев на две части, отбросила одну — на восток, к Ржеву, а другую — к железнодорожной станции Оленино. К исходу 10 января ее главные силы достигли рубежа в 35 км юго-западнее Ржева. Ставка потребовала от И. С. Конева «в течение 11-го и ни в коем случае не позже 12 января овладеть г. Ржев»[222].

Ставка ВГК и Генштаб требовали от советских войск в начале января более энергичного натиска на врага. Для этого предписывалось отказаться от шаблонных методов наступления. Среди таких документов выделяется директивное письмо Ставки ВГК, подписанное И. В. Сталиным и А. М. Василевским. В нем, в частности, говорилось: «...наступление может дать эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил... А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии... То же самое нужно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления... понятно, что ударная группа фронта... является более мощной». Предлагалось также шире применять артиллерийское наступление, то есть непосредственную и постоянную поддержку наступающих артиллерийским огнем, подавляющим огневые точки

врага[223]. В директиве видно желание высшего военного руководства принудить командующих на фронте не наступать «растопыренными пальцами», а вклиниваться в оборону противника и добивать его с помощью огня и маневра.

Желания бить врага его же оружием — быстрыми прорывами в тыл — и в Ставке, и на фронте было предостаточно. В начале января многим советским военачальникам казалось, что еще одно небольшое усилие, и враг не выдержит мощного напора, дрогнет и побежит. Его паника будет означать и его окончательную гибель. Соединения, направляемые в глубокий прорыв по тылам противника, должны были захватить ключевые пункты еще до того, как немцы смогут организовать их крепкую оборону. Однако одного желания было мало. Явно не хватало людских резервов и материальных средств, чтобы завершить начатое. Так, введенные в прорыв на Калининском фронте 29-я и 39-я армии понесли в предыдущих боях большие потери, и их возможности, даже вместе с кавалерийским корпусом, явно не соответствовали поставленным целям. В итоге Ржев так и не был взят тогда советскими войсками.

В то же время немцы стали получать из Западной Европы, прежде всего из Германии и Франции, крупные подкрепления. Свежие германские части стали вводиться в бой как раз в тот момент, когда последовал долгожданный приказ А. Гитлера от 15 января 1942 г. на отход основной части группы армий «Центр» на заранее подготовленные тыловые позиции. На отдельных участках германское отступление сопровождалось сильными контрударами по флангам прорвавшихся вперед советских соединений, и они сами оказались отрезанными от главных сил.

В начале января 1942 г. фактически рухнул немецкий фронт в районе Медыни. Севернее города образовалась брешь, через которую устремились вперед крупные советские силы. Угроза захвата Юхнова и быстрого продвижения частей Красной армии к Вязьме стала реальностью. Выход соединений Западного фронта в тыл 4-й полевой и 4-й танковой армий раскалывал войска группы армий «Центр» на две части. Это могло привести к полному окружению и уничтожению по частям германской группировки к западу от Москвы. Бои за Медынь начались 8 января. Наступление 1-го гвардейского кавкорпуса генерала П. А. Белова через Мосальск в направлении Варшавского шоссе создавало угрозу ликвидации пути снабжения расположенных здесь немецких частей. Командующий 4-й немецкой танковой армией отдал приказ об отводе 20-го армейского корпуса. Но уже вечером того же дня он был поставлен в известность, что отстранен от командования. На его место назначался генерал пехоты Р. Руофф, до этого командовавший 5-м армейским корпусом.

Продвижение советских войск на запад по своему замыслу и исполнению выглядело весьма смелым, даже дерзким. Части 50, 49 и 43-й армий наступали на Юхнов с трех направлений. 43-я армия атаковала также и Медынь. Чуть севернее, в районе Вереи, активно действовали соединения 33-й армии, выход которой на оперативный простор создавал угрозу основным коммуникациям группы армий «Центр» и непосредственно Вязьме — важнейшему транспортному узлу в тылу немецких войск. Прорвав фронт в районе Волоколамска и Вереи, советские войска вышли к р. Рузе.

К середине января фронт группы армий «Центр» был прорван в нескольких местах: на севере — под Ржевом, в центре — севернее Медыни, на юге — в районе Сухиничей. Понимая, что дальнейшая борьба на существующих рубежах неминуемо ведет к потере управления войсками и их гибели, фельдмаршал Г. фон Клюге 14 января отправил донесение начальнику Генерального штаба ОКХ. Он предложил немедленный и планомерный отход на линию озеро Жеданье — Ржев — Погорелое Городище, а также восточнее Гжатска — Юхнов — южнее и западнее Сухиничей. Это объяснялось необходимостью закрыть брешь в районе Медыни и улучшить снабжение войск. По выражению Г. фон Клюге, отвод войск являлся «единственно возможной мерой, способной спасти положение»[224]. Вопрос крушения немецкого фронта становился вопросом времени. Этот факт начинал осознавать и сам А. Гитлер. Видимо, он почувствовал, что возможности жесткой обороны исчерпаны. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и рассчитывая на быстрое завершение строительства тыловых позиций, фюрер принял решение отступить. Директива об отводе войск на новый оборонительный

рубеж севернее Ржева — восточнее Зубцова — восточнее Гжатска и восточнее Юхнова была отдана 15 января.

Отход группы армий «Центр», несмотря на все издержки и потерю части вооружения, давал очевидные преимущества. Во-первых, сокращалась общая протяженность линии фронта (примерно на 100 км). Появлялась свобода маневра и возможность создать группы для проведения контрударов. Во-вторых, немецкие части могли теперь в большей мере опираться на сильно укрепленные населенные пункты, часть из которых являлась узлами транспортных сообщений (Ржев, Сычёвка, Вязьма, Юхнов и другие). В условиях зимнего времени это было особенно важно, так как группа армий получала лучшие, чем у советских войск, возможности для отдыха личного состава в натопленных помещениях и быстрой перегруппировки своих соединений.

Советское командование приняло решение еще более усилить натиск: 39-й армии не допустить беспрепятственного отхода противника, 11-му кавкорпусу перерезать минскую автостраду и выбросить 4-й воздушно-десантный корпус в район Вязьмы[225]. Действительно, в тот период часть войск Калининского фронта совершала, несмотря на глубокий снег, многокилометровые марши вперед. Особенно это относится к решительным действиям 3-й и 4-й ударных армий. Захватив инициативу, они углубились в германскую оборону на 200–250 км, обошли с юга демянскую группировку врага, разгромив его силы в районе Осташкова, и даже вышли на какое-то время на ближние подступы к Витебску. Героические действия командования и военнослужащих этих армий позволили сковать под Демянском мощные силы группы армий «Север», но, что самое важное, они нарушили оперативное взаимодействие между этой группой и группой армий «Центр». Это сразу сказалось на всей ситуации в этом районе. Тем не менее, растянувшись на фронте более 300 км, советские ударные объединения вынуждены были перейти к обороне.

До конца января вели активные наступательные действия войска правого крыла и центра Западного фронта. 20 января они освободили Можайск, а 22 января — железнодорожную станцию Уваровку. Однако уже 25 января они столкнулись с мощным противодействием германских сил, занявших зимние позиции. Советские потери резко возросли, а выбить немцев из их укрепленных пунктов было невероятно трудно. Солдаты вермахта, несмотря на снег, старались глубоко окапываться, строить блиндажи, создавать эффективные огневые заслоны. Серьезного успеха, правда, добилась 33-я армия генерала М. Г. Ефремова, пробив брешь в еще слабой вражеской обороне севернее Юхнова и устремившись в нее в направлении на Вязьму. К концу января ефремовцы были уже в 7–8 км от окраин города, что с большой тревогой было воспринято в штабе группы армий «Центр».

Однако одна из реалий зимы 1942 г. — выход ряда соединений Западного и Калининского фронтов в тыл немецкой обороны — теперь могла обернуться против них. Частям Красной армии в районе Ржева и Медыни так и не удалось решающим образом переломить ситуацию в свою пользу, окружить и уничтожить соединения группы армий «Центр». 29-я, 39-я армии Калининского фронта, 33-я армия Западного фронта пробили лишь узкие бреши в немецкой обороне. Очевидной стала измотанность советских наступающих соединений. Им не хватало снабжения, пополнения личным составом. Быстрое продвижение вперед вынуждало оставлять оголенные фланги. Немецкое командование, напротив, получило реальный шанс воспользоваться нараставшими трудностями Красной армии. Постепенно высвобождавшиеся после отхода резервы готовились теперь к ликвидации глубоких советских прорывов.

Германское командование пыталось во что бы то ни стало закрыть брешь под Ржевом. 22 января соединения 9-й армии при активной поддержке 8-го авиакорпуса нанесли контрудар западнее Ржева по войскам Калининского фронта. Растянутость советских позиций, незащищенность коммуникаций, по которым шло снабжение частей Красной армии, усталость бойцов сделали невозможным оказание эффективного противодействия внезапной атаке немецких сил. 23 января неприятелю удалось восстановить связь между 6-м и 23-м корпусами. Тем самым были перерезаны линии снабжения советских частей, продвинувшихся

ранее в южном направлении на Вязьму, и одновременно закрыты пути отхода на север для 29-й и 39-й советских армий.

Нестабильным оставалось положение и в районе г. Белого. Соединения 22-й и 4-й ударной армий несколько раз пытались овладеть городом и даже в один момент ворвались на его окраины, но вскоре были выбиты частями 246-й пехотной дивизии вермахта. Немцы превратили Белый в свою крепость; нечто подобное они сделали со Ржевом, Сухиничами, а позднее и с другими городами. Юго-западнее Белого продолжалось наступление сил Красной армии на Демидов и Витебск, юго-восточнее города — на Вязьму. Но, оседлав автотрассу, проходящую через Белый, командующий группой армий «Центр» мог надеяться на ликвидацию угрозы оленинской группировки 9-й армии. Сохранение немецкого выступа в этом районе, разрезающего советский фронт и уходящего далеко в тыл наступающих армий генерала И. С. Конева, позволяло Г. фон Клюге надеяться на замедление темпов советского продвижения на вяземском и смоленском направлениях.

Однако натиск 39-й армии и 11-го кавкорпуса Калининского фронта в южном направлении пока не ослабевал. Кавалерийские части в конце января приблизились к Смоленскому шоссе западнее Вязьмы, но взять город не смогли. 29-я армия вела ожесточенные схватки с 6, 23 и 46-м корпусами вермахта. В то же время 4-я ударная армия продолжила наступление южнее Жарковского. Однако прорвавшиеся советские части оказались в трудном положении. К 5 февраля 1942 г., как отмечалось в донесении штаба объединения В. Моделя, противник (29-я советская армия) был «сдавлен в районе Манчалово». Предполагалась его скорая и окончательная ликвидация[226].

Если на северном фланге группы армий «Центр» кризис в основном был преодолен, то в полосе 4-й полевой и 4-й танковой армий немецкий фронт едва держался. Ситуация вышла из-под контроля, когда в середине января 1942 г. обозначился уже упомянутый успех 33-й армии. Ставка ВГК и сам командующий армией генерал М. Г. Ефремов рассчитывали на быстрый захват Вязьмы. Оперативная обстановка позволяла надеяться на выход крупных сил Красной армии в тыл группы армий «Центр» и соединение частей Западного фронта с частями Калининского фронта, продвигавшимися к Вязьме с севера. Чтобы облегчить прорыв соединений М. Г. Ефремова и П. А. Белова, с 18 по 21 января в районе Знаменки и Желанья были десантированы части 250-го воздушно-десантного полка и 201-й воздушно-десантной бригады, которые должны были сковать немецкую оборону с тыла, а затем соединиться с главными наступающими силами Красной армии. Удачно войдя в прорыв, соединения 33-й армии вышли в тыл немецкой обороны, в результате чего между 4-й полевой и 4-й танковой армиями образовалась широкая брешь севернее Юхнова. Командующий 4-й армией Л. Кюблер был заменен командиром 43-го армейского корпуса генералом пехоты Г. Хейнрици. 4-й армии предписывалось осуществить отход и, «повернув на восток, занять окончательные позиции в прежней бреши между обеими армиями»[227]. 20-й танковой дивизии приказывалось установить связь с частями 4-й армии, а 5-й танковой дивизии — восстановить положение юго-восточнее Вязьмы, где действовали в то время передовые подразделения ударной группы 33-й армии, группы П. А. Белова, а также десантников. Удержание Вязьмы стало для немцев фактором стратегического значения, так как ее потеря грозила обрывом многих питающих группу армий «Центр» транспортных артерий.

Ударная группа 33-й армии — 113, 338, 160 и 329-я стрелковые дивизии (329-я дивизия была передана из состава 5-й армии только 31 января 1942 г.) — продвигалась к Вязьме практически все время в походных колоннах, пока без сильного противодействия со стороны немцев. Большое беспокойство у немецкого командования вызывали и действия группы П. А. Белова, которая 25–30 января прорвалась через Варшавское шоссе в район Федотково. Там она установила связь с одним из воздушно-десантных отрядов. П. А. Белов также стремился к Вязьме, но продвигался к ней южнее 33-й армии. 2 февраля группа П. А. Белова была уже 12 км южнее Вязьмы. Однако в тот же день соединения 40-го и 13-го корпусов 4-й немецкой армии перерезали узкий коридор у Варшавского шоссе. Советские части не успели перевести через дорогу большую часть артиллерии и зенитных средств. Несмотря на это,

П. А. Белов получил приказ продолжать рейд, не ввязываясь в затяжные бои. С этого времени группа начала действовать в полном отрыве от главных сил фронта[228].

Закрыть брешь в районе прорыва 33-й армии немцам было сложнее. Советские части находились уже на окраинах Вязьмы. Ставка и фронтовое командование надеялись на раскол немецкого фронта и возможное окружение значительных сил группы армий «Центр». Но в ночь на 3 февраля немецкие войска нанесли удары по флангам 33-й армии и перерезали слабо защищенный коридор, через который группа М. Г. Ефремова вошла в прорыв на Вязьму. Тем самым было положено начало резкому изменению оперативной обстановки на этом участке фронта. В результате ночного боя, временами переходящего в рукопашную, немцы захватили Воскресенск. Бой продолжался всю ночь, утро и следующий день. Лишь вечером 3 февраля брешь за ударной группой 33-й армии была полностью закрыта. В окружении юго-восточнее Вязьмы оказались четыре дивизии 33-й армии во главе со своим командующим генералом М. Г. Ефремовым. Общая численность отрезанной группировки (с учетом проведенной мобилизации новобранцев) доходила в феврале — апреле 1942 г. до 10 тыс. человек.

Был ли виноват сам генерал М. Г. Ефремов в том положении, в котором оказались его войска? До сих пор этот вопрос остается спорным в историографии Московской битвы. Исходя из документов советской стороны, можно сказать, что виноваты были все: и командование 33-й армии, и штаб Западного фронта, и Ставка ВГК, не сумевшие вовремя разгадать грозящую советским войскам опасность. Однако мы не должны забывать и о мероприятиях германского командования, поставившего тогда своей целью во что бы то ни стало отрезать и уничтожить прорвавшиеся в немецкий тыл советские соединения. Отвод войск на зимние оборонительные позиции не только укрепил оборону немцев, но и позволил им высвободить достаточные силы для нанесения контрударов. С другой стороны, советское командование слишком поздно осознало, что прошел тот период, когда можно было дерзко (без оглядки на фланговые угрозы) продвигаться вперед. Об этом с некоторым запозданием (и, очевидно, оправдывая и собственный просчет) писал 13 февраля 1942 г. в своей директиве командующий Западным фронтом: «В последнее время противник, используя прямолинейность в действиях наших боевых порядков, отсутствие охранения и разведки на флангах, применяет приемы отрезания головных боевых порядков, вклинившихся в его расположение. Такое положение получилось в 50-й армии Болдина и 33-й армии Ефремова. Мои указания об использовании вторых и последующих эшелонов и боевых порядков для разворота и расширения в сторону флангов командиры Болдин и Ефремов не выполнили, чем поставили головные части армий в затруднительное положение. Приказываю: одновременно со смелыми и решительными действиями по вклинению головных эшелонов боевых порядков в расположение противника, вторым и последующим эшелонам быстро расширять прорыв в сторону фланга и уничтожать блокированного в населенных пунктах противника. Особой заботой командиров всех степеней иметь прочное обеспечение охранением и непрерывной разведкой на флангах наступающих соединений, частей и подразделений»[229]. Однако в тех обстоятельствах действовать по всем правилам военной науки М. Г. Ефремов просто не мог. У него не было сил, чтобы «расширяться в сторону флангов», а у Г. К. Жуков не имел резервов, чтобы помочь ему в этом деле. В целом не хватало еще и опыта для проведения таких смелых операций с безупречным качеством. Этому надо было учиться.

Боевые действия соединений генерала М. Г. Ефремова в окружении продолжались еще два с половиной месяца, до 18–19 апреля 1942 г. В феврале — апреле войска Западного фронта предприняли яростные попытки прорваться к окруженной группе. Жестокие бои развернулись на узком участке фронта, в районе слияния рек Вори и Угры. Здесь в марте 1942 г. образовался плацдарм на западном берегу Угры, между деревнями Красная Горка и Большое Устье, с которого части 43-й армии генерала К. Д. Голубева долго, но в основном безуспешно атаковали укрепленные позиции немцев. Потери 43-й армии были значительны — до 5 тыс. человек убитыми. Но эти жертвы оказались напрасными. В апреле генерал М. Г. Ефремов, видя истощение своих сил, обратился напрямую (через голову командования Западного фронта) в Ставку ВГК с просьбой разрешить ему выходить на восток по кратчайшему пути —

через р. Угру[230]. Однако большинству ефремовцев пробиться на Большую землю так и не удалось. Германские подвижные части смогли перехватить колонну советских войск на дороге Буслава — Беляево, а затем добить остатки группы М. Г. Ефремова в районе деревень Жары, Новая Михайловка и Климов Завод. Из окружения вырвались лишь разрозненные подразделения численностью всего несколько сотен человек. Примерно 600 бойцов ушли к партизанам отряда В. В. Жабо. Сам М. Г. Ефремов, геройски руководивший своими солдатами, во время боя был тяжело ранен. Не имея сил и далее продвигаться к линии фронта, он застрелился в районе деревни Климов Завод 18 апреля 1942 г.[231]

Начальник штаба 4-й танковой армии генерал О. Реггигер, оценивая сражения западнее Москвы, в своем донесении в штаб группы армий «Центр» отмечал: «Можно сказать, что противник имел смелый план операции, который и был смело осуществлен. Однако русское командование переоценило боевую способность своих солдат и недооценило боевую способность наших. Наш фронт восстановлен. Ожидается, что противник возобновит наступательные действия в целях найти слабые участки в нашей линии фронта с тем, чтобы осуществить на этих участках прорыв»[232].

В полосе действия армий южного крыла Западного фронта тем временем продолжались упорные бои в районе Сухиничей. 27 января 1942 г. немецкие части, оказавшиеся на некоторое время отрезанными в этом городе от основных сил 2-й танковой армии, были деблокированы. Сухиничская группировка немцев соединилась с жиздренской. Этот успех был достигнут дорогой ценой. В течение января 2-я танковая армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 6811 человек, больными и обмороженными еще 8796 человек[233]. Тем не менее бои за сами Сухиничи не ослабевали. 29 января советские войска, объединенные управлением 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского, заняли город и нацелились на Жиздру.

Период затухания Ржевско-Вяземской операции лишь недавно стал предметом пристального рассмотрения отечественных историков. Итоги кровопролитных для обеих сторон боев под Ржевом, Сычёвкой и Юхновом весной 1942 г. не только подвели черту под Московской битвой, но и во многом предопределили последующий характер боевых действий на западном направлении вплоть до весны 1943 г. Отметим также, что мощнейшая группировка вермахта на восточном фронте — группа армий «Центр» — вступала в совершенно новый этап войны, к которому ей еще предстояло приспособиться, одновременно избавившись от иллюзий захвата Москвы в 1942 г.

Как уже отмечалось, войска Западного и Калининского фронтов понесли в конце зимы 1942 г. тяжелые потери. Можно сказать, что к середине февраля они утратили свое относительно небольшое превосходство над противником, тем более что тот уже оправился от предыдущих потрясений. Однако Верховный главнокомандующий считал, что последнее слово в сражениях за столицу еще не сказано. 16 февраля он отдал приказ «разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже» (рубеж, который существовал на 1 октября 1941 г.). К тому же сроку намечалось разгромить и болховско-жиздринско-брянскую группировку врага. Как и следовало ожидать, добиться успеха, несмотря на многочисленные кровопролитные атаки, не удалось. 20 марта И. В. Сталин отдал новое распоряжение о разгроме ржевско-вяземской группировки группы армий «Центр» и выходе к 20 апреля на старые оборонительные рубежи. Результат, по сути, был тем же[234]. Нереальные задачи остались невыполненными. Наши войска топтались на месте, сумев в начале марта освободить лишь Юхнов.

На северном фланге группы армий «Центр» ожесточенность советских атак была отнюдь не меньшей. Утром 17 февраля советские танки на северном участке обороны 6-го армейского корпуса смогли прорваться к югу, навстречу отрезанным советским войскам. Часть танков была подбита, но часть сумела прорваться сквозь немецкие оборонительные порядки. Казалось, еще немного, и немецкое кольцо будет прорвано, но этого не случилось. Одна из последних попыток командования Калининского фронта выручить окруженных была отбита огнем и контратакой немецких подразделений. В то же время остатки 29-й армии оставили Манчалово (15 км западнее Ржева) и отошли в леса вокруг железнодорожной

станции с одноименным названием, где и закрепились[235]. Более трех недель 29-я армия под командованием генерала В. И. Швецова сражалась в отрыве от основных сил фронта. Ее соединения израсходовали почти все боеприпасы, подходили к концу и продовольственные запасы. Медлить с прорывом из кольца больше было нельзя. Получив соответствующее разрешение командующего фронтом, соединения 29-й армии в ночь на 17 февраля, рассредоточившись на отдельные группы, стали выходить к основным силам Калининского фронта.

В боевых порядках советских частей были также партизаны и десантники. Дело в том, что 16 и 17 февраля в районе действия 29-й армии был десантирован 4-й батальон 204-й воздушно-десантной бригады 1-го воздушно-десантного корпуса в составе 500 человек. Командовал батальоном старший лейтенант П. Белоцерковский. Десантники должны были оказать содействие советским стрелковым подразделениям в прорыве на юго-запад, на соединение с 39-й армией. Отходившим советским частям был навязан тяжелый бой. Вскоре фельдмаршал Г. фон Клюге направил фюреру итоговое донесение, в котором говорилось, что за четыре недели 9-я армия генерала В. Моделя, несмотря на трудные погодные условия, разбила противника. Она «нанесла тяжелое поражение 39-й и полностью уничтожила 29-ю русскую армию. Всего с 21 января ликвидировано пять и разбито четыре дивизии, взято в плен 4833 и убито 26 647 человек, захвачено и уничтожено 187 танков, 1037 орудий и минометов»[236].

Однако утверждение командования группы армий «Центр» об уничтожении 29-й советской армии было явным преувеличением. 19 февраля 1942 г. генерал И. С. Конев доложил И. В. Сталину, что на участке 30-й армии вышли из окружения около 200 человек. В полосе 252-й стрелковой дивизии (39-й армии) пробились 185-я и 381-я дивизии, а также армейские части во главе с генералом В. И. Швецовым, всего до 3500 бойцов и командиров, которые сразу же стали приводить себя в порядок[237]. Таким образом, костяк 29-й армии был сохранен.

Несколько по иному сценарию развивались события в районе действий 39-й армии. Несмотря на то что войска генерала И. И. Масленникова были отрезаны от своих тылов, они все-таки смогли зимой 1942 г. сохранить контакт с войсками Калининского фронта, находившимися восточнее г. Белого. 39-я армия перешла к обороне и закрепилась в болотистой местности в районе верхнего течения р. Обши. Свой фронт она развернула в направлении железнодорожных перегонов Ржев — Оленино и Ржев — Сычёвка. Советские соединения пока успешно отражали все атаки немецких войск, находясь практически в полуокружении и располагая лишь ненадежными транспортными коммуникациями. Весной 1942 г. штаб 9-й германской армии неоднократно поднимал вопрос о ликвидации советских сил на этом участке. Однако осуществить операцию по полному окружению 39-й армии немцам удалось только в июле 1942 г. Ослабленные в боях части генерала И. И. Масленникова оказались тогда отрезанными от Большой земли и вынуждены были прорываться из кольца навстречу 41-й армии, неся значительные потери[238].

Красная армия к середине февраля 1942 г. освободила довольно большую территорию к северу от Смоленска и Ярцево. С начала контрнаступления под Москвой объединения Калининского и Северо-Западного фронтов продвинулись вперед на 250—300 км. В ходе Торопецко-Холмской операции во второй половине января 1942 г. 3-я и 4-я ударные армии развивали наступление на витебском и смоленском направлениях. Командование вермахта было вынуждено перебросить на этот участок дополнительно 59-й армейский корпус, а также резервы из Западной Европы (три пехотные дивизии и отдельные пехотные подразделения, которые вошли в состав групп «Зинценгер» и «Вельвер»). Эти группы с 1 февраля 1942 г. стали подчиняться управлению 3-й танковой армии, которое было переведено в Витебск[239]. В немецком фронте образовался громадный выступ, который мешал взаимодействию сил групп армий «Центр» и «Север». Линия фронта описывала здесь большую дугу вокруг верхнего течения Западной Двины. Но на участке озеро Селигер — Осташков — Селижарово еще с момента ввода советских ударных армий в прорыв этот выступ имел относительно узкую горловину (ширина не превышала 135 км), через которую и поступало все снабжение для наступающих советских частей. С севера ее могли перерезать дивизии вражеской демянской группировки,

а с юга — войска оленинской группировки. После успешных действий под Вязьмой и Оленино в штабах ОКХ и группы армий «Центр» стал разрабатываться замысел ликвидации этого советского выступа — решительный удар сил групп армий «Север» и «Центр» навстречу друг другу. Однако в германские планы вмешались объективные обстоятельства.

Ко второй половине февраля 1942 г. под Демянском немецкие соединения 16-й армии, предназначенные для наступления навстречу 9-й полевой армии, были зажаты с трех сторон войсками Северо-Западного фронта. Следовательно, у командующего 16-й армией генерала Э. Буша возникли большие проблемы в собственной обороне. Анализ положения на этом направлении в начале весны 1942 г. показывает очевидную обоснованность ряда решений советского военного руководства, которые подвергались критике уже в послевоенные годы. Сложившуюся тогда ситуацию западнее Москвы невозможно рассматривать отдельно от положения на других участках фронта. Одним из примеров этого служит осуждаемый сегодня приказ Ставки ВГК от 19 февраля 1942 г. о выводе 1-й ударной армии из состава Западного фронта в резерв. Говоря об ослаблении в связи с этим ударной силы своего фронта, маршал Г. К. Жуков писал в своих мемуарах, что он активно выступал против этого решения[240]. Но дело в том, что в конце января 1-я ударная армия была передана именно Северо-Западному фронту в целях разгрома демянской группировки противника. Бои в демянских болотах продолжались с неослабевающей силой даже после образования внутреннего кольца окружения шести немецких дивизий (96 тыс. человек)[241]. 1-я ударная армия сыграла важную роль в образовании внешнего кольца окружения. Полностью завершить разгром немецкой группировки тогда не удалось, однако и германская 16-я армия не могла уже участвовать в наступлении навстречу 9-й армии. Коммуникации 3-й и 4-й советских ударных армий остались в безопасности. В этом, безусловно, есть заслуга переброшенной из состава Западного фронта 1-й ударной армии.

Несмотря на все старания советского командования продолжить наступление своих сил на западном направлении весной 1942 г., столкнуть войска группы армий «Центр» с их позиций было непросто. Оборонительные позиции частей вермахта укреплялись с каждым днем. Западный и Калининский фронты не располагали уже той ударной силой, которая была у них в начале общего наступления. Напротив, германские войска, опираясь на свою оборону, могли теперь не просто отбивать советские атаки, но и сами проводить контрудары. Естественно, эти удары были недостаточно мощными и не могли привести к крупному успеху, тем не менее они изматывали соединения Красной армии, создавали предпосылки для уничтожения отдельных вклинившихся в немецкую оборону советских частей.

20 апреля 1942 г. считается датой окончания Ржевско-Вяземской операции Красной армии и всей Московской битвы. Удачно начавшееся контрнаступление, переросшее затем в общее наступление советских войск под Москвой, достигнув больших результатов, завершилось тяжелыми кровопролитными боями с окрепшим и получившим подкрепление врагом, в условиях сильной распутицы, сковавшей передвижение войск.

На завершающем этапе Московской битвы значительно активизировались действия советских партизан. Заслуживает внимания оценка эффективности их действий именно противником. Немцам приходилось выделять значительное количество пехотных и танковых соединений для боевых действий в своем тылу. Советские партизаны, которые часто действовали совместно с десантниками и регулярными частями Красной армии, отрезанными от основного фронта, не только наносили гитлеровцам большой урон в личном составе и технике, но и ставили под вопрос нормальное снабжение группы армий «Центр». Нестабильность в собственном тылу значительно ослабляла потенциальные возможности вражеской группировки, деморализующе влияла на личный состав германских соединений.

Всего за шесть с половиной месяцев напряженных боев под Москвой партизаны Калининской, Смоленской, Московской, Тульской, Орловской и Курской (частично) областей истребили более 30 тыс. вражеских солдат и офицеров, подорвали 170 складов с вооружением, боеприпасами и продовольствием, более 400 складов на путях сообщения противника, пустили под откос 40 вражеских эшелонов с живой силой и техникой[242].

В феврале — марте 1942 г. сложилась такая ситуация, что ни одна из сторон не могла уже добиться решительного перевеса над противником. Наступление Красной армии выдохлось, а сил германских соединений хватало лишь на то, чтобы удерживать или улучшать свои позиции. Во второй половине марта на отдельных участках фронта немецкие соединения все еще продолжали отходить под натиском Красной армии. К началу апреля активность боевых действий на фронте западнее Москвы значительно снизилась. Сказывались недостаток боевой мощи и отсутствие резервов как у немецких, так и у советских войск. Сильные атаки на германскую оборону продолжались лишь на нескольких участках. Начавшаяся в начале апреля распутица затрудняла все передвижения войск и военной техники.

В ходе наступления на Москву, с октября до начала декабря 1941 г., войска группы армий «Центр» потеряли более 145 тыс. человек[243]. Ее ежемесячные потери за это время несильно превысили средний показатель предыдущего периода (до 1 октября, по немецким данным, группа потеряла 229 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести)[244]. Пополнение группы армий оставалось крайне неудовлетворительным. Это напрямую сказалось на боеспособности германских частей, когда войска Красной армии перешли в контрнаступление. Потери группы армий «Центр» за декабрь составили 103,6 тыс. человек при поступившем пополнении 40,8 тыс. человек; соотношение потерь и пополнения в последующие месяцы выглядит следующим образом: январь — 144,9 тыс. и 19,1 тыс. человек; февраль — 108,7 тыс. и 69,7 тыс.; март — 79,7 тыс. и 50,8 тыс. человек. Соответственно, потери группы за четыре месяца составили 436,9 тыс. человек, причем невосполненная убыль солдат и офицеров достигла 256,5 тыс.[45] Точное количество танков, орудий, броне- и автомашин, мотоциклов, которых лишились германские части зимой 1941–1942 гг., подсчитать и немцам, и советскому командованию было достаточно трудно: часть была подбита, часть вышла из строя по дороге в тыл и прочее. Но согласно Сводным ведомостям о трофеях Красной армии за декабрь 1941 — март 1942 г. выходит, что только войска Западного и Калининского фронтов за этот период захватили 906 немецких танков. Некоторые боевые машины остались неповрежденными и вскоре были использованы в наступлении Красной армии, в частности против фронта 4-й немецкой армии в районе р. Угры. Кресты у танков были перекрашены на звезды. Примечательно также, что за декабрь 1941 — март 1942 г., по советским источникам, войсками Западного и Калининского фронтов непосредственно в боях было уничтожено только 258 немецких танков, то есть в три раза меньше, чем было захвачено в качестве трофеев. Кроме того, только за январь 1942 г. немецкие войска западнее Москвы оставили на поле боя: 1168 орудий, 750 мотоциклов, 5710 автомашин[246].

Такие тяжелые потери в людях и военной технике немецкая армия еще никогда не несла. Они самым непосредственным образом сказались на снижении потенциальных возможностей не только группы армий «Центр», но и всей группировки вермахта на советско-германском фронте. В этих условиях верховное главнокомандование вермахта не могло настаивать на продолжении в ближайшее время наступательных операций в направлении столицы. Немецкое командование рассчитывало в 1942 г. наступлением на Кавказ отрезать ее от основных источников снабжения на юге, после чего Красная армия не смогла бы, по их мнению, удержать не только столицу, но и весь свой фронт. В то же время руководство вермахта не могло и ослаблять группу армий «Центр». На западном стратегическом направлении были расположены основные силы Красной армии, которые в будущем готовы были начать новое крупное наступление. Группа армий «Центр» продолжала оставаться самой многочисленной на восточном фронте, призванной выполнять теперь в основном оборонительные задачи.

Летом 1942 г. в вермахте сказался недостаток личного состава, танков, артиллерии, другого вооружения, потерянного зимой 1941–1942 гг. В результате того, что Москва и большая часть центрального региона европейской России оставались в советских руках, германскому командованию уже в период Сталинградской битвы не удалось обеспечить надежного прикрытия левого крыла своей группы армий «Б», который все более растягивался по мере продвижения армии Ф. Паулюса к Волге. Руководство вермахта было вынуждено обеспечи-

вать охранение своих флангов ненадежными румынскими и итальянскими соединениями. Не может быть сомнения, что победа Красной армии в Сталинградской битве теснейшим образом связана с разгромом вермахта под Москвой.

Вместе с тем очевидно и другое. Группа армий «Центр», обороняясь, сумела нанести значительный урон Красной армии. Так, только безвозвратные потери советских частей в ходе Ржевско-Вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.) составили более 272,3 тыс. человек[247]. Советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и других частей, формируемых для отправки на фронт. Огромные потери первых месяцев войны не давали возможности продлить их подготовку в тылу. Уже закаленные в боях соединения получали лишь самый короткий отдых. Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой — весной 1942 г., дал возможность некоторым высокопоставленным офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода к стратегической обороне на всем восточном фронте[248]. Суть такой стратегии заключалась в следующем: сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить Вооруженные силы Советского Союза и заставить СССР заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению А. Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была получить второе дыхание, теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В то же время в сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Тем не менее некоторые высокопоставленные руководители рейха придерживались более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Ф. Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования[249]. Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», а генерал Г. Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России. Генерал Р. Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться». А адъютант А. Гитлера Н. фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе Второй мировой войны»[250].

Победа, достигнутая под Москвой, а следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовались руководством Красной армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились свежие соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них оставалось шансов выиграть войну.

Анализ состояния вермахта и Красной армии после битвы под Москвой, основанный на документах обеих сторон, позволяет сделать вывод об отсутствии перспектив у крупнейшей группировки вермахта на восточном фронте — группы армий «Центр» — развернуть в 1942 г. новое наступление стратегического масштаба. Победа под Москвой досталась Красной армии дорогой ценой. Однако является историческим фактом, что немецкие войска зимой 1941–1942 гг. стали терять веру в свои силы, а советские солдаты и их командиры, напротив, приобрели уверенность в победе над врагом.

Группа немецких солдат, захваченных в плен во время битвы под Москвой

Битва под Москвой продолжалась в общей сложности 203 дня и ночи на огромном пространстве, равном примерно территории Франции. С обеих сторон в ней были задействованы около 7 млн человек. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. человек. Немцам также был нанесен значительный урон — 615 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными. Никогда до этого вермахт не терял стольких людей, уже имевших за плечами богатый опыт войны. Полноценной замены им у Германии не было. А. Гитлер пришел к выводу, что после того, как германские войска приведут себя в порядок, возможно будет осуществить удар только на одном стратегическом направлении — южном. Для продолжения войны Германии срочно требовались нефть Кавказа и пшеница Ставрополья и Кубани. Взять Москву — стратегическую цель всей кампании — оказалось А. Гитлеру не по силам.

Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить свой блицкриг. Это, в свою очередь, дало возможность СССР провести мобилизацию ресурсов для продолжения войны. Тысячи предприятий, эвакуированных с Украины, Белоруссии, из западных областей России на восток, к началу 1942 г. стали заново вводиться в строй. За Волгой продолжали формироваться новые мощные соединения Красной армии, оснащенные новым оружием и техникой. Большинство советских людей окончательно уверились в том, что враг не сможет поставить их на колени и борьба еще только начинается.

Переход советских войск в наступление зимой 1941—1942 гг. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию в отношении возможного нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах — Франции, Югославии, Греции, Польше и других — активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменилось отношение Великобритании и США к тем усилиям, которые прикладывал Советский Союз, сражаясь с агрессором.

7 декабря 1941 г., спустя два дня после начала советского контрнаступления под Москвой, в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Эта страна, обладавшая мощнейшим промышленным потенциалом и значительными людскими ресурсами, становилась теперь реальным союзником Советского Союза. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о решимости одержать полную победу над странами оси — Германией, Японией и Италией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 423.

[2] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 8–9.

[3] Венок славы: в 12 т. М., 1983. Т. 1. С. 41.

[4] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.

[5] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 148.

[6] Там же. С. 136.

[7] Там же. С. 155.

[8] Там же. С. 122.

[9] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1–2.

[10] *Хазанов Д. Б.* 1941. Борьба за господство в воздухе. М., 2008. С. 119.

[11] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 138.

[12] *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 252–253.

[13] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1–2.

[14] Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 53.

[15] См.: История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1975. Т. 4. С. 188.

[16] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 75–76.

[17] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 104.

[18] US. Library of Congress. Manuscript Division. Volkogonov Collection. Reel 4.

[19] В составе группы армий «Юг» насчитывалось 730 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 799 танков и 772 самолета. Кроме того, на южном крыле группы армий располагались венгерские войска, включавшие 44,5 тыс. человек, 200 орудий и минометов, 160 танков и 100 самолетов (Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 155).

[20] *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 52–53.

[21] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 148. Л. 5–12.

[22] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 138.

[23] Там же. С. 499.

[24] ЦАМО. Ф. 481. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260.

[25] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 85. Л. 23–26.

[26] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 443.

[27] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 154.

[28] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 5. Л. 51–54.

[29] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М., 1996. Т. 16 (51). С. 22–23.

[30] Там же.

[31] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 147–148.

[32] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 145–146.

[33] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 41.

[34] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 18–19.

[35] История Великой войны 1941–1945: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 106–107.

[36] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 269; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 692–696.

[37] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 181. Д. 47. Л. 45.

[38] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 159.

[39] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 2.

[40] Управление нового фронта было создано за счет штаба Московского военного округа с его командующим генералом В. И. Тюленевым.

[41] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 164. Д. 15. Л. 3.

[42] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев, 1975. Т. 1. С. 93.

[43] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 444.

[44] История Великой войны 1941–1945. Т. 1. С. 125.

[45] *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 66.

[46] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 81.

[47] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 164.

[48] *Михалёв С. Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 334.

[49] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 181.

[50] В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л., 1985. С. 89.

[51] ЦАМО. Ф. 221. Оп. 3928. Д. 51. Л. 256.

[52] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 201.

[53] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

[54] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 143.

[55] *Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1996. С. 359–360.

[56] См.: *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1978. С. 53; *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 160; *Эдлинский С. Ф.* Балтийский транспортный флот в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1957. С. 45.

[57] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 274.

[58] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 205.

[59] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 86.

[60] Германский рейх и Вторая мировая война. Т. 4. Ч. 2 / Пер. с нем. С. 973–974.

[61] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 82.

[62] Там же. С. 81.

[63] Там же. С. 82.

[64] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 256–257.

[65] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 198.

[66] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1959. С. 163–164.

[67] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2511. Л. 39.

[68] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 43–47.

[69] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 130.

[70] Там же. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 1. Л. 19–20.

[71] *Дашичев В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 208.

[72] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 30–33.

[73] Цит. по: *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. / Пер. с нем. М., 1980. С. 52.

[74] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 1–14.

[75] Там же. Д. 72. Л. 152–153.

[76] Там же. Л. 158.

[77] *Дашичев В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 201.
[78] Там же. С. 234–235.
[79] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 81. Л. 116.
[80] Там же. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 9. Л. 41–43.
[81] Там же. Ф. 382. Оп. 8439. Д. 4. Л. 27.
[82] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 91.
[83] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27.
[84] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 352–353.
[85] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 324.
[86] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 3408. Д. 15. Л. 431.
[87] Там же.
[88] КИУР — Киевский укрепленный район.
[89] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206.
[90] Там же.
[91] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.
[92] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 195.
[93] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.
[94] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 195–196.
[95] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 32–41.
[96] *Clark A.* «Barbarossa». The Russia-German Conflict 1941–1945. L., 1965. P. 111–112.
[97] Военно-исторический журнал. 1961. № 11. С. 73.
[98] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 139.
[99] Там же. Д. 554. Л. 41.
[100] *Рейнгардт К.* Указ соч. С. 65.
[101] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 38–41.
[102] Там же. Д. 548. Л. 96–99.
[103] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. М., 1994. С. 11.
[104] Там же. С. 13–14.
[105] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 72.
[106] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 213.
[107] Там же.
[108] *Хазанов Д. Б.* Неизвестная битва в небе Москвы 1941–1942 гг. М., 2007. С. 31.
[109] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 15–16.
[110] Там же. Т. 1. С. 16–17.
[111] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.
[112] Liddell Hart Centre for Military Archives. 9/24/107.
[113] Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве // 50-летие победы под Москвой. Материалы военной научной конференции. М., 1993. С. 24.
[114] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 150–151.
[115] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.
[116] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 84–86.
[117] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 175–181.
[118] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 170.
[119] ЦАМО. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 46. Л. 12.
[120] Там же. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.
[121] Цит по: Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 39–40.
[122] Там же.
[123] ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.
[124] *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 26.
[125] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 173.
[126] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.
[127] Там же.

[128] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.
[129] Там же. С. 175.
[130] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250–251, 280–281.
[131] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 244.
[132] Там же. С. 234.
[133] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 203–204.
[134] Там же. Д. 114. Л. 66.
[135] Там же. Л. 210–211.
[136] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 43–44.
[137] Там же. С. 42.
[138] Цит. по: *Безыменский Л. А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.
[139] Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!»... М., 1967. С. 339.
[140] Цит. по: Москва военная. 1941–1945. С. 308.
[141] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250–251, 271–272.
[142] Там же. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 102. Л. 145–146.
[143] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 280–281.
[144] Там же. Ф. 16. Оп. 946. Д. 24. Л. 26.
[145] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 55.
[146] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 19.
[147] Там же. Л. 247.
[148] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 55.
[149] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 230.
[150] Там же. Оп. 12462. Д. 572. Л. 47.
[151] Там же. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 12–13.
[152] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306–318.
[153] *Иванов В. К.* Московская зона обороны. Ее роль в защите столицы (1941–1942). М., 2001; Москва военная. С. 307–308.
[154] Там же.
[155] Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 408.
[156] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 51.
[157] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 161.
[158] *Clark A.* Указ. соч. P. 172.
[159] Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 406–407.
[160] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 233–234.
[161] Москва военная. 1941–1945. С. 409–410.
[162] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 124.
[163] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 153.
[164] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 116–118.
[165] Там же. С. 120–121.
[166] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 188.
[167] *Сафир В. М.* Оборона Москвы. Наро-фоминский прорыв // Военно-исторический архив. Вып. 1. М., 1997. С. 77–96.
[168] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 6–18.
[169] Там же. Д. 539. Л. 2–3.
[170] Там же. Л. 71–72.
[171] Там же. Л. 50–58.
[172] Там же. Л. 71–72.
[173] Цит. по: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 196.
[174] Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 407.
[175] Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988. С. 266–267.

[176] Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988. С. 266.

[177] Там же. С. 267.

[178] *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). Изд. 2-е. СПб., 1985; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., СПб., 2005. С. 700, 727, 736, 747.

[179] *Черепенина Н. Ю.* Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 35–80.

[180] См.: *Гладких П. Ф.* Указ. соч.

[181] См.: Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л., 1947; *Магаева С. В., Тервонен Л. И.* Психологическая общность ленинградских блокадников. СПб., 2010; *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Ленинградская блокада. Открытия в биологии и медицине. М., 2008.

[182] *Медвецкий А. Г.* Трагедия и подвиг блокадного Ленинграда // Боль памяти блокадной. Сборник воспоминаний жителей и защитников блокадного Ленинграда. М., 2000. С. 56, 59.

[183] *Магаева С. В., Симоненко В. Б.* Статистика жертв ленинградской блокады // СПб-Университет. 2009. № 8–24.

[184] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 700, 727, 736, 747; Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 84–87, 194, 301–305, 350–351, 372, 406–407, 573–574; В официальных источниках говорится, что с сентября 1941 по январь 1943 г. в Ленинграде умерли от голода 641 тыс. человек, погибли от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города (Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь М., 2010); В других источниках речь идет о 800 тыс. ленинградцах, погибших в блокаду (Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин, 1992. С. 67).

[185] *Симоненко В. Б., Магаева С. В., Пахомова Ю. Б.* Патогенез ленинградской (блокадной) гипертонии // Клиническая медицина. 2002. № 3. С. 3–6.

[186] *Ходза И. А.* Дорога жизни. Л., 1984. С. 7.

[187] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 64. Л. 103–104.

[188] Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в годы Великой Отечественной войны. Л., 1958. С. 207–209.

[189] История Великой войны: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 226.

[190] Там же. С. 227–228.

[191] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 254–259.

[192] Публ. по: Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сб. документов. М., 1994. С. 63.

[193] *Самсонов А.* Москва, 1941 год. От трагедии поражений — к великой победе. М., 1991. С. 168.

[194] *Кульков Е. Н.* Московская битва // Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 355.

[195] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 935. Д. 1. Л. 17–18.

[196] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 120.

[197] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 249.

[198] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 72.

[199] Сообщения Советского информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 407–409.

[200] *Соколов Д. К.* Тихвинская наступательная операция 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 563–564.

[201] *Невзоров Б. И.* Москва: враг не прошел // Рубежи ратной славы Отечества. М., 1996. С. 23.

[202] Там же.

[203] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 50–54.

[204] Там же. Д. 380. Л. 82.

[205] Накануне подобный приказ был издан Генеральным штабом.

[206] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 259.

[207] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 30.

[208] Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 106–111.

[209] Там же. Д. 525. Л. 140.

[210] Там же. Д. 7. Л. 55–57.

[211] Цит. по: Битва за столицу. Сб. документов. Т. 1. С. 180–181.

[212] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 123.
[213] Там же. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 62.
[214] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 275.
[215] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 112.
[216] Там же. Д. 156. Л. 472.
[217] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 279.
[218] Там же. С. 283.
[219] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75–79.
[220] Там же.
[221] История Великой войны. Т. 1. С. 261.
[222] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 37.
[223] Там же. С. 33–34.
[224] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 2. С. 57–58.
[225] История Великой войны. Т. 1. С. 264.
[226] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 54–55.
[227] Битва за столицу. Сб. документов. Т. 2. С. 67.
[228] Битва под Москвой. М., 1989. С. 249.
[229] ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.
[230] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. С. 55–56.
[231] См.: *Мартынов В. Е.* Угра-фронт. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 2010; *Капусто Ю.* Последними дорогами генерала Ефремова. М., 1992; Материалы Историко-архивного поискового центра «Судьба» (1988–2010).
[232] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171–178.
[233] Там же. Д. 139. Л. 42–52.
[234] Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 137–138.
[235] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 371–372.
[236] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 298.
[237] Там же.
[238] Группа армий «Центр» в результате операции «Зейдлиц» (2–31 июля 1942 г.) перерезала все коммуникации 39-й армии и, по существу, разгромила ее. По донесению отдела разведки и контрразведки группы армий «Центр» от 31 июля 1942 г., на поле боя остались около 10 тыс. убитых советских солдат, 49 225 человек были взяты в плен, захвачено 1528 орудий и минометов, 226 танков и другого вооружения (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 227. Л. 19). Генерал-лейтенант И. И. Масленников, раненый в ногу, был вывезен из окружения на самолете в середине июля 1942 г.
[239] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 297.
[240] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 52–53.
[241] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 307–308.
[242] *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 226.
[243] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 244.
[244] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
[245] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 271.
[246] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 983. Л. 1–16.
[247] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 104.
[248] *Вегнер Б.* Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 519.
[249] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 219.
[250] Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.